

Н.А.СОБОЛЕВА

СТАРИННЫЕ ГЕРБЫ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Страницы истории нашей Родины»

Н. А. СОБОЛЕВА

**СТАРИННЫЕ ГЕРБЫ
РОССИЙСКИХ
ГОРОДОВ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. БУГАНОВ

МОСКВА
«НАУКА»

1985

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

Книга, предлагаемая вниманию читателя, принадлежит перу известного специалиста по вспомогательным, или специальным, историческим дисциплинам. Н. А. Соболева в течение многих лет успешно занимается изучением ряда проблем нумизматики, геральдики, сфрагистики, а также историографией и библиографией этих и других специальных исторических дисциплин. Заметный интерес, даже своего рода взрыв интереса к данным дисциплинам в последние десятилетия связан, несомненно, с общим поворотом общественного сознания к гуманитарным наукам, в том числе к истории, изучению прошлого Отечества. Этот феномен, причиной которого являются многие факторы (в частности, большой интерес к деяниям предков в годы Великой Отечественной войны, повышение культурного уровня народа и др.), сменил определенную недооценку ряда научных дисциплин, направлений, проблем, которые ошибочно считались в свое время «неактуальными», «ненужными». Это относилось, среди прочего, к темам из далекого и не очень подчас далекого прошлого, к таким наукам, как генеалогия, геральдика, палеография и др. Несколько десятков лет тому назад в некоторых популярных изданиях (типа «Недели» и др.) начали появляться статьи под характерной рубрикой «Полузабытые науки». С тех пор широкая читающая публика узнала о них очень многое, и не только из многочисленных публикаций в журналах «Наука и жизнь», «Знание — сила», но и из научно-исследовательских статей, монографий.

Нужно, правда, сказать, что геральдика и другие специальные дисциплины, несмотря на свою «полузабытость», никогда не теряли «права гражданства» в исторической науке и в преподавательской работе. В том или ином объеме, форме они присутствовали в ряде специальных исследований по истории феодальной Руси XIV—XV вв., России XVI—XVIII вв. и в программах по вспомогательным историческим дисциплинам, которые преподавались в Московском историко-архивном институте.

Однако то, что делалось тогда, в довоенные годы и в первые десятилетия после войны, не идет в сравнение с тем, что делается в этой области в последнее время.

Соболева давно и целеустремленно разрабатывает ряд тем в области специальных исторических дисциплин. Ее перу принадлежит более 40 научных исследований в этой области. Кандидатская диссертация о пражских грошах опубликована в Чехословакии. На монографию «Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.» опубликованы рецензии в нашей стране и за рубежом. К проблемам отечественной геральдики автор подходит весьма широко и глубоко, ставит ее развитие в связь с эволюцией геральдики в других странах Западной и Центральной Европы, рассматривает русскую эмблематику, ее символику начиная с XVI столетия, а в некоторых случаях и с более раннего времени. Соболева, помимо прекрасного владения опубликованным материалом, поднимает, вводит в научный оборот целые пласты новых архивных источников, характеризующие деятельность Герольдмейстерской конторы, ряда специалистов по отечественной геральдике — Ф. Санти, В. Е. Адодурова, М. М. Щербатова и др.

Во всех своих работах Соболева рассматривает материалы нумизматики, геральдики, сфрагистики, других специальных исторических дисциплин как прежде всего исторический источник — памятники, происхождение которых теснейшим образом связано с теми или иными историческими событиями, процессами и которые дают в наше распоряжение данные, нередко очень важные, о прошлом нашей страны; в связи с этим автор правомерно отводит мнения о «малозначительности» сведений, выводов, которые могут дать и дают указанные научные дисциплины.

Книга, которую берет в руки читатель, основана, таким образом, на очень солидном научном фундаменте; в то же время она написана живо и увлекательно. Именно эти качества делают ее хорошим посланцем, представителем научно-популярного жанра в исторической науке. С удовольствием рекомендую ее широкому читателю.

В. И. Буганов

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель! В 1981 г. издательство «Наука» выпустило в свет монографию «Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.». Предшествующая крупная работа о русских гербах появилась более ста лет тому назад. Почему потребовалось вновь обратиться к сюжетам, наукой фактически забытым и как будто бы не заслуживающим общественного внимания? В последние десятилетия заметно возрос интерес советских людей к истории своей страны, к памятникам древности, в частности к таким малоизвестным широкому читателю остаткам прошлого, как монеты, печати, гербы. Среди самых широких слоев нашего общества возникло стремление познакомиться с гербами российских городов, которое выразилось в коллекционировании значков с дореволюционными гербами городов, в запросах и письмах в различные «исторические учреждения» с просьбой рассказать, как возник, когда появился символ того или иного города. Подобное общественное внимание к этим историческим памятникам, несомненно, объясняется любовью к прошлому своего народа, к истории края, города и свидетельствует о развитии духовной жизни, культуры советских людей.

Оно и заставило историков взяться за изучение городской геральдики, тем более что возникновение и существование в России городских гербов как явление в целом, анализ эмблем, составляющих гербы, роль городского герба как исторического источника — все эти вопросы наукой не разрабатывались.

Хотя монография вышла довольно большим для научного издания тиражом — 27 тыс. экземпляров, она была быстро раскуплена. Это яркое доказательство интереса к теме десятков тысяч любителей отечественной истории. Таким же доказательством служат и многочисленные письма, пришедшие в адрес издательства «Наука» и на имя автора. Читатели просят выслать книгу, а также осветить те или иные вопросы, связанные со средневековыми гербами и эмблемами, с конкретным городским гербом, при-

слать его фотографию и т. д. В результате появилась мысль о написании еще одного варианта книги с таким изложением материала, которое сделало бы ее доступной для самого широкого и непосвященного читателя.

Тот, кто захочет глубже ознакомиться с проблемой, может воспользоваться списком литературы, использованной автором. Список помещен в конце книги. Она написана на основе изучения многочисленных архивных фондов. Основные материалы автор почерпнул из Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) в Москве, Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР) и Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) в Ленинграде. Чтобы избежать перегрузки текста книги, ссылки на архивные материалы приводятся только в таблице (см. гл. VII), где содержатся сведения о происхождении того или иного герба.

Читательские письма заставили автора более подробно рассказать о гербе в целом, подчеркнуть, что этот особый знак возник не «в глубокой древности», а в эпоху средневековья, во времена турниров и крестовых походов.

Много вопросов касалось происхождения той или иной эмблемы, в частности, интерес вызвала символика эмблем российского герба. Что они означали, когда появились? Читатель найдет ответ на подобные вопросы на страницах книги.

Городской герб служит историческим источником, в этом вряд ли кто сомневается. Но какую же информацию он несет? Нередко в популярной литературе или в прессе, в статье на тему о гербе города, можно встретить очень прямолинейное, если можно так выразиться, толкование эмблем. Например, в гербе изображен медведь или лось; делается вывод — в округе водились медведи, лоси. Изображена колонна — следовательно, была победа над врагом, в честь которой ее изобразили в гербе, и т. д.

Автор не согласен с категоричностью подобного толкования. Надо прежде всего хорошо себе представить, когда появилась эмблема, какую смысловую нагрузку она несет (не забывать о символичности средневекового мышления!), кто ее рисовал или откуда срисовали, т. е. дифференцированно подходить к трактовке сюжетов гербов. Только тогда они могут быть восприняты как источник для исторического построения. Обычно все дореволюцион-

ные городские гербы называют старыми. В действительности это не совсем так. Термин «старый герб» появился в последней четверти XVIII в., когда началось массовое создание городских гербов. Те рисунки гербов, которые были уже известны к указанному времени Герольд-мейстерской конторе, получали помету «старый герб». Их набралось примерно 100. Чтобы лучше ориентироваться в происхождении каждой из эмблем старого герба и ее дальнейшей судьбе, автор свел все имеющиеся у него данные в таблицу.

Надеюсь, что книга поможет читателю выработать исторический взгляд на такой памятник прошлого, как городской герб, заставит его отказаться от искусственного «удревнения» многих российских городских гербов, а в конечном итоге будет способствовать его историческому отношению к старине.

Выражаю благодарность А. Ю. Рувинскому за помощь при подготовке рукописи к печати,

Глава I

ЧТО ТАКОЕ ГОРОДСКОЙ ГЕРБ?

В заглавии только что открытой книги читатель увидел слово «герб». Понятие вроде бы знакомое... Спросим теперь у читателя: а что такое герб? Скорее всего, непосвященный человек ответит, что это — знак отличия. Но какой знак, о чем он свидетельствует, что от чего отличается, какую смысловую нагрузку несет, какова его художественная структура, наконец? Четкого ответа на эти вопросы, пожалуй, не дадут даже историки.

Герб ныне нередко именуется эмблемой, символом. Между данными терминами обычно ставится знак равенства. Интересно, что раньше различие меж ними существовало: авторы работ по геральдике, опубликованных в России XVIII в., противопоставляли герб эмблеме, эмблему — символу. В их понимании эмблема — условное изображение идеи в рисунке или пластике. Символ выражает ту же идею словами и не является описанием эмблемы. Отличие герба от эмблемы они видели прежде всего в способе изображения: «Эмблемы просто, а гербы в щитах, известное очертание имеющих, изображаются». Определение, отличающее эмблему от герба в его изобразительной, так сказать, конструкции, можно принять и сегодня. Герб, действительно, составлялся по особым (условным) правилам. Но есть и другой, более существенный момент: герб не может выбираться и меняться произвольно, как фабричное клеймо, торговая марка, фирменный знак — различного рода эмблемы. Рисунок герба чаще всего фиксируется законодательным актом. Таким образом, герб должен восприниматься как правовой знак.

Когда возникли гербы? Еще до нашей эры появляются в некоторых восточных государствах символические знаки, напоминающие позднейшие геральдические фигуры. При помощи одних подчеркивались могущество и сила власть имущих, другие олицетворяли то или иное божество. В Вавилоне, Персии, Египте, а затем в Греции и Риме подобными знаками украшали перстни, их рисовали на военных стягах, личном оружии. Владелец знака мог

произвольно менять изображение, которое никаким правилам тогда еще не подчинялось.

Точную дату появления герба в нашем понимании этого слова назвать нельзя. Обычно считают, что впервые гербы нашли применение в крестовых походах XI—XIII вв., когда для лучшей военной ориентации крестоносцы частью своего снаряжения сделали изобразительные знаки. Нетрудно представить: закованный в броню рыцарь не мог быть узнаваемым даже товарищами по оружию, если на его щите или шлеме не было какого-либо условного знака — необходимого элемента экипировки. И самая организованная боевая дружина рисковала быть рассеянной неприятелем, если не имела в качестве сборного пункта хорошо известного всем цветного полотнища с изображением своего знака, в большинстве случаев знака предводителя отряда. К тому же грамотность в те времена была достоянием избранных, поэтому такие условные знаки воспринимались и запоминались гораздо легче, чем девизы или надписи. Да и по яркости красок, наглядности они были заметнее, особенно издали, на поле боя. Чаще всего отличительный знак помещался на рыцарском щите (отсюда щит — важнейший компонент герба). В целях лучшего распознавания на поле боя конфигурация знака предельно упрощалась; это были **яркие** линии, по-разному расположенные на щите (впоследствии так называемые геральдические фигуры), стилизованные (опять-таки для большей наглядности) изображения цветов, зверей, птиц и т. д.

С окончанием крестовых походов особые отличительные знаки рыцарства не исчезли. Напротив, став более красочными и сложными по форме, они заняли прочное место в рыцарском обиходе. Например, трудно себе представить приехавшего на турнир рыцаря без его собственного, отличного от других знака. По нему узнавали рыцаря, демонстрировавшего перед собравшимися свою храбрость, силу, умение владеть оружием. Он воспевался в честь победы его владельца в рыцарском поединке.

Отличительные рыцарские знаки, несмотря на их многообразие, все более приобретали определенную форму, которая закреплялась негласными правилами. Наблюдали за исполнением рыцарских правил, в том числе и за формой знака, особые должностные лица военного звания — герольды. Состояли герольды при дворах владетельных особ, при главах рыцарских орденов. Кроме обязанностей дипломатического характера, им поручалось распоряжать-

ся проведением придворных торжеств и церемоний, в том числе и турниров. Во время турнира герольд должен был «прочитать» знак рыцаря, принимающего в нем участие. Это он делал при помощи своеобразного, так называемого геральдического языка, или жаргона, который был понятен присутствующим. Специальный язык, по-видимому выработанный самими герольдами, появляется именно в эпоху крестовых походов и турниров. Звучит он в хрониках и рыцарских романах, стихах и других поэтических произведениях начиная с XII в., тогда как столетием ранее он не известен. Герольды же создали и правила, по которым должен быть сформирован отличительный знак рыцаря — герб. Постепенно правила составления гербов сложились в систему, образовали весьма сложную науку. Мы ее называем геральдикой.

Итак, по своему существу гербы имеют непосредственную связь с вооружением. Не случайна ведь близость слов, обозначающих понятия «герб» и «оружие» в немецком, английском и французском языках. По-французски, правда, герб еще называется *le blason*; отсюда — блазонирование, т. е. описание герба. С этим термином часто можно встретиться в дореволюционной отечественной литературе. По наиболее принятому толкованию *blason* происходит от немецкого глагола *blasen* — «трубить в рог». Почему? По турнирным правилам в момент приближения к барьеру, ограждавшему место поединка, рыцарь трубил в рог, извещая собравшихся о своем появлении и готовности принять участие в состязаниях. А герольды, убедившись, что участник поединка принадлежит к рыцарству, блазонировали, т. е. во всеуслышание описывали, его герб, который мог иметь, таким образом, только дворянин. Постепенно в средние века гербы становятся признаком благородного происхождения, знаком, свидетельствующим, что его владелец занимает особое, привилегированное положение в обществе. За использованием герба «по назначению», за правильностью и законностью обладания гербом устанавливается уже наблюдение властей. Теперь лишь согласно воле представителей верховной власти мог быть пожалован и утвержден герб. Употребление «неофициального» герба влекло за собой большие штрафы, так что, прежде чем водрузить личный герб над воротами замка, его владелец должен был официально подтвердить право владеть им.

Гербы прекрасно «вписались» в существующие в средневековой Европе ленные отношения. Лен (ффеод) — зе-

мельное владение, которое сначала король, а затем богатые вельможи (сеньоры) жаловали своим вассалам под условием несения определенной службы, прежде всего военной. Зависимость вассала от сеньора ярко выражалась в гербах: вассал использовал герб ленного господина, иногда какой-то элемент или часть герба сеньора добавлял к личному гербу. В военное время вассалы собирались под знамя с гербом своего сюзерена. По мере того как обычай употребления гербов получал все большее распространение в Европе, они из личных знаков превращались в наследственные. Привилегии, которые имел только единоличный владелец герба, отныне вместе с гербом передавались всей его семье, всему роду. Постоянный фамильный герб не только передавался по наследству, но и заносился в особые книги — гербовники, чем утверждалась его неприкосновенность.

Так возник герб. Так он стал неотъемлемым признаком западноевропейского средневековья, заняв достойное место среди атрибутов той эпохи.

До сих пор мы говорили о личном гербе, рыцарском, принадлежавшем одному человеку, а затем его наследникам, роду. В средние века возникли и государственные гербы, гербы различных союзов и корпораций, церковных и светских. Цель нашей книги — рассказать о гербе городском.

Герб города, так же как и любой герб, представляет собой прежде всего отличительный знак. Исследователи прошлого, давая определение герба, не забывали о его принадлежности городу. «Гербами называются особые фигуры или символические изображения, — писал в начале нашего века историк Ю. В. Арсеньев, — представленные на основании известных, точно определенных правил и служащие постоянными отличительными знаками отдельному лицу, роду, сообществу или учреждению, а также городу, области или целому государству». Как и всякий герб, он развился в феодальном обществе.

Прежде чем говорить об истории развития городского герба, хотелось бы вкратце вспомнить: а что представлял собой западноевропейский феодальный город? Почему именно в эпоху феодализма город получает герб?

...В X—XII вв. в Западной Европе произошел резкий скачок в развитии городов. Наступает период новых экономических отношений. На их основе в условиях западноевропейского феодального общества в городах складывается особый, отличающий его от деревни административ-

но-правовой строй. Раньше город, как и деревня, находился в полной и беспрекословной зависимости от феодала. Влиятельный светский или духовный сеньор, в чьих владениях был территориально расположен город, сосредоточивал в своих руках безграничную власть над населением. Денежные, а иногда и натуральные повинности, взимаемые с горожан, воспринимались как обычное явление. Однако горожане находились в более благоприятных социально-экономических условиях, нежели крестьяне. Используя преимущества городского устройства и быта — например, характерную для города концентрацию населения, — жители городов любыми средствами старались освободиться от феодальной зависимости. Эти средства были весьма разнообразны: от выкупа у феодала отдельных вольностей до жестокой вооруженной борьбы. Что касается желанных вольностей, то диапазон их был различен и зависел от уровня экономического развития того или иного города, социальной структуры, степени феодальной раздробленности государства. Бывало, города добивались практически полной самостоятельности, и тогда возникали города-государства, как, например, в Северной и Средней Италии. Другим везло меньше: они обладали лишь ограниченными вольностями и находились под пристальным надзором короля или сеньора города. Но независимо от размеров вольностей мы можем выделить общие черты привилегий, отвоеванных в разное время горожанами у господ. Прежде всего это личная свобода всех членов городской общины. Даже крепостной, бежавший от своего хозяина и прижившийся в городе, считался лично свободным. «Городской воздух делает свободным», — гласила родившаяся в средневековой Германии пословица. Что касается правовой структуры городского устройства, то в права входило: иметь собственный городской суд, создавать особую военную корпорацию, выборные органы власти. Такую власть сосредоточивал в своих руках городской совет. Он был обязан решать вопросы об отмене сеньориальных повинностей и замене их денежными взносами, определять порядок взимания налогов, ведать административными делами, осуществлять надзор за торговлей и ремеслом, руководить военными силами. Позднее в городах средневековья внутри городских общин появлялись более узкие ассоциации — цеха ремесленников, гильдии купцов. Поначалу эти слои населения участвовали в управлении городом не принимали — власть захватывал так называемый патри-

циат. В него входили члены наиболее богатых и влиятельных семейств. Но постепенно городской совет начал пополняться представителями более низких сословий...

Так развивался и видоизменялся западноевропейский город феодальной эпохи. Наглядным фактором, отличавшим город от сельского поселения, были городские стены, которые защищали его от неприятеля, посягавшего на свободу городской общины. Кроме того, они свидетельствовали об опеке сеньора, покровительствовавшего городу в пределах его укреплений, а также напоминали, что все свободы и привилегии, данные жителям города, имеют применение только в пределах фортификаций. Этот признак города считался важнейшим: не случайно городские стены, башни, ворота изображались на первых печатях и в гербах многих западноевропейских городов. Другим зримым элементом, отличающим западноевропейский средневековый город, был его герб. С момента появления городского герба его изображение прочно заняло постоянное место на городской печати, а если город чеканил собственную монету, то — на деньгах. Гербом украшали важнейшие городские здания, стены и крепостные ворота. Отовсюду смотрел он на горожанина, пробуждая и поддерживая чувство привязанности и мысли о священности родного города.

Спор о том, что представлял собой городской герб — обычай, продукт культуры или знак, несущий в себе правовые моменты, — велся долгое время. В новейших исследованиях по геральдике он рассматривается как символ городского самоуправления, т. е. в нем видят выражение юридических прав и привилегий — тех, что предоставлялись горожанам, «третьему сословию». Герб качественно отличал город от деревни, подчеркивая, что он — полноправный член феодального общества.

О выделении городской геральдики на фоне других атрибутов свободного города среди историков существует немало разногласий. Ранее считалось, что городская печать и герб суть одно и то же. Потому и относили массовое распространение городских гербов к XIII в. — именно тогда утвердилась и стала широко использоваться печать города. Современные историки с такой версией не согласны: они считают, что связывать возникновение городского герба с каким-то определенным отрезком времени неверно. По их мнению, это был хронологически длительный процесс, имевший нередко свои особенности в каждой стране, в каждом городе. Ныне распространена

гипотеза, что герб появился гораздо позднее городской печати. Города как самостоятельные административные единицы только начинали развиваться, а печати у них, как необходимый компонент делопроизводства, уже имелись. Да и само изображение порой менялось с течением времени — а значит, не могло стать постоянным символом города, т. е. гербовым изображением не являлось. Рисунком печати могли стать герб владельца города, фигура святого — покровителя города или его патрона. В стилизованной форме иногда изображались, выше это уже отмечалось, стены города, башни, ворота. Часто такие элементы входили потом в герб города, но могли и не иметь с рисунком герба ничего общего.

Как самостоятельное явление городской герб возник гораздо позднее и рыцарского герба, когда последний уже превратился в родовой знак, передаваемый по наследству. Происходило это в конце XIII и продолжалось все XIV столетие, тогда формировалось право герба, предоставляющее его владельцу различные привилегии. Первые документальные упоминания о гербе города встречаются в конце XIII в. (в частности, к этому времени относятся сведения о гербе Нюрнберга). Ненамного богаче городскими гербами оказалась и первая половина XIV в., а вот в конце XIV и на протяжении XV столетия процесс набрал скорость и протекал довольно быстро. С этого времени и стали известны многие городские гербы стран Центральной Европы.

Несколько позднее в процесс «геральдизации» городов вносится уже и элемент моды. Города, которым никогда ранее не был пожалован герб, вводят его сами. Появившийся таким образом герб вполне можно принять за старый, что нередко и случалось.

В XVI—XVII вв. во многих странах Европы в большом количестве появляются геральдические трактаты. В них разрабатываются правила общей композиции герба, определяются его обязательные элементы, систематизируются фигуры, вырабатывается специальная терминология. Узаконены условные обозначения цветов при помощи разнообразной штриховки. Геральдику того времени, ее пазывали «бумажной», отличают пышность и помпезность — сообразно со вкусом эпохи. Городская геральдика заимствует некоторые принципы геральдики дворянской: щитодержатели, короны становятся неотъемлемыми элементами герба города. И вот уже Европу захлестывает настоящая гербовая лихорадка — приходи-

лось из-за этого во многих странах создавать специальные учреждения для упорядочения пользования гербами (во Франции, Бельгии — в XVII в., в Пруссии — в начале XVIII в.). Теперь создание и учреждение городских гербов становится предметом гордости, престижа, приобретает черты традиционности. О гербе слагают оды, пишут стихи; прославляя герб, возвеличивают город, возрождают его былую историю.

Однако идея городского герба с течением времени претерпевает изменения, прежде всего потому, что меняется направление внутренней политики европейских государств. Здесь развивается и утверждается централизованная верховная власть. Почти во всех странах Западной Европы наблюдается полное административное подчинение городов королевской власти. Все меньше остается «вольных городов», «третье сословие» постепенно теряет свои свободы и привилегии. Былая суть городского герба, его внутреннее содержание исчезает, и остается лишь оболочка. Как и прежде, эта оболочка исполняет «показывательную» функцию. В чем состояла «показывательная» функция герба? А в том, чтобы отличить город как административно-территориальную единицу, имеющую собственные органы управления. Правда, хоть управление и оставалось в руках городского совета, оно принадлежало ему лишь формально. Каждый шаг ранее самостоятельно органа находился под бдительным оком и опекой правительства, которое бесцеремонно вмешивалось в городские дела.

Французская буржуазная революция и революционные события в Европе XIX в. повлияли на судьбу гербов вообще и городских в частности. Многие города и населенные пункты, приобретшие гербы согласно моде, отказываются от них, как от феодальных атрибутов. Гербы окончательно теряют какую-либо правовую силу и обязательность. Однако звучащая в гербе история не могла умолкнуть и в революционной буре. Недаром в некоторых европейских странах, где народ вел национально-освободительную борьбу, вместе с возрождением национальных традиций вспоминали и о ранее существовавших городских гербах. Как выразительный символический знак и память о событиях прежних лет, «застывшая история» возникновения и развития города — его герб привлекает нас и сейчас.

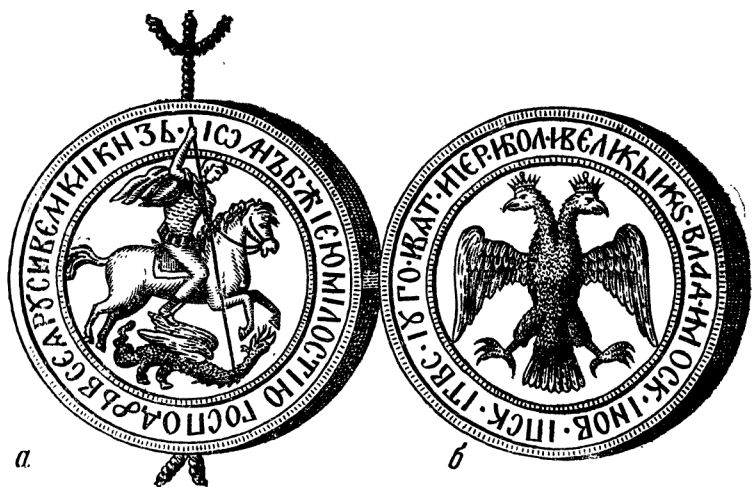
Столь ли древни российские городские гербы? Рассмотрим их историю на страницах этой книги.

РОССИЙСКИЕ «ПРЕДГЕРБЫ»

Передко в отечественной литературе, даже современной, утверждается, что гербы городов на Руси появились «в глубокой древности». Так ли это? В предыдущей главе объяснялось, что герб и получение городом прав и привилегий тесно связаны. На развитии русских городов и укреплении их политического строя негативно сказалось монголо-татарское нашествие. Их общественный строй не достиг такой зрелости, какой в XIV—XV вв. достигли города Западной Европы. Городское население Руси особых привилегий и прав не получило, а усилившаяся централизация власти, что было необходимо в условиях борьбы с захватчиками русской земли, привела к ликвидации даже намечавшихся зачатков самоуправления городов. Естественно, городские гербы как символы муниципальной автономии не могли здесь получить распространения.

Однако было бы неправильным отрицать, что в домонгольское время на Руси существовали эмблемы — возможные «прародители» городских гербов. Так, личным знаком владими́ро-суздальских и галицких князей был лев. Лев стал впоследствии главной фигурой в гербах Владимира и Львова. Можно привести и другие примеры церковных и светских эмблем Древней Руси, символика которых была хорошо понятна средневековому человеку. Развитие их задержалось, когда русские земли оказались под монголо-татарским игом, но совсем они не исчезли. Мало того, постепенно в русских княжествах появляется на монетах и печатях ряд изображений, из которых возникли общегосударственные эмблемы, олицетворяющие объединение княжеств под властью великого князя московского.

Две эмблемы выделились из массы изображений и были избраны для государственной печати Ивана III: всадник, поражающий копьём дракона, и двуглавый орел с распростертыми крыльями. Первая из известных русских печатей, где обе эмблемы изображены (одна — на лицевой, другая — на оборотной сторонах), привешена к грамоте 1497 г. Оттиснута печать на красном воске. Историк Н. М. Карамзин считал, что символика российского государственного герба берет свое начало именно от этой печати. Он да и многие другие дореволюционные историки предлагали следующую версию появления эмблем: в результате брака (1472 г.) Ивана III с Софьей (Зоей),

Государственная печать Ивана III:

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона

племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога, соединились два герба — Московского государства (всадник) и Византии (двуглавый орел). Об эмблемах герба Московского государства писал еще в XVIII в. историк В. П. Татищев. «Наших государей великих князей древнейший герб, — сообщал он, — всадник, т. е. воин на коне с саблею, как мы оный на старых деньгах находим... Истории же ни при каком случае о гербе не вспоминают, потому неизвестно, когда и кем оной принят. Иоанн Великий, по наследию своей княгини Софии, принцессы греческой, принял за государственный герб орел пластаный с опущенными крыльями и двумя коронами над главами, который и сын его употреблял». О принятии Иваном III герба из Византии Татищев, по его словам, прочитал «в старой истории Соловецкого монастыря». Автор, видимо, сомневался в достоверности излагаемой им версии, подчеркивал, что «наши историки о гербах не вспоминают». Поэтому он признавал за исследователями право детальнее разобраться в вопросе о русском государственном гербе («о котором далее испытать оставляю более менее сведущим»), а также о составляющих его эмблемах.

Легендарные факты лежат в основе записи, сделанной о русском гербе Петром I: «Сие имеет начало свое от-

Изображение герба Русского государства рядом с портретом Василия III

туду, когда Владимир, монарх расийски, свою империю разделил 12 сынам своим, из которых Владимирские князи возымели себе сей герб с. Егория, но потом ц. Иван Ва., когда монархию, от деда его собранную, паки утвердил и короновался, тогда орла за герб империи росиской принял, а княжеской герб в груди оного поставил». Здесь проводится мысль об исконности существования русской

эмблемы — всадника, поражающего копьем дракона, который Петром I назван святым Егорием. Интересно, что уже в XVI в. это изображение принималось иностранцами за герб Российского государства. В западноевропейских книгах рядом с портретом Василия III, сидящего на троне, помещался гербовый щит с изображением всадника, поражающего копьем дракона. Всадник показан раздетым, иногда — в виде Геркулеса в развевающемся плаще, а порой — в обычной одежде и без головного убора. Подпись к немецкой гравюре XVI в., где всадник в шлеме и воинском снаряжении колет дракона, гласит, что этот герб Великого княжества Московского (*Arma Magni Ducis Moschoviae*). Есть еще один вариант данного рисунка — скачущий на коне рыцарь топчет поверженного, поднявшего лапы дракона. В качестве герба «Московии» он помещен в европейском гербовнике XVI в. Возможно, для составителей гербовника образцом рисунка русского герба служили отчеканенные в Москве монеты. А на монетах, выпущенных до реформы 1534 г., кстати обращавшихся и после нее, контуры всадника были настолько расплывчатыми и мелкими, что иногда трудно определить, в какой он одежде. На некоторых же экземплярах одежда всадника и вовсе не вырисовывается. По аналогии с серебряными монетами многих западноевропейских стран, несущими изображение государственного герба, всадник на русских деньгах, естественно, мог также считаться гербом.

Сохранились отдельные сведения о восприятии в России в конце XV—XVI в. рассматриваемых эмблем как государственных символов. Так, в работе о русских гербах И. П. Сахаров сообщает, что Иван III «всадника на коне изваял из белого камня в большом виде» и велел поместить на открытом возвышенном месте близ нынешних Спасских ворот Московского Кремля. В записках немца-опричника Г. Штадена есть упоминание о символическом изображении на воротах Опричного двора двуглавого орла с распростертыми крыльями и грудью, обращенной в сторону земщины. Такой же орел помещался и на шпилье построек этого двора. Двуглавый орел... Символ Российской монархии — вот как мы его сейчас воспринимаем. В этом качестве он был ненавистен еще прогрессивным деятелям XIX в. Поэт-демократ, основатель знаменитого сатирического журнала «Искра» В. С. Курочкин в стихотворении «Двуглавый орел» заклеил российского двуглавого орла как символ царского самодержавия, велико-

державной политики, угнетения трудового народа:

«Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый
Всероссийский наш орел».

Пророчество славного представителя передовой русской интеллигенции XIX в. нашло выражение в действиях революционных масс, сокрушивших в 1917 г. не только русский царизм, но и его эмблему — двуглавого орла, воспринимавшегося восставшим народом как символ старого мира, мира богатства и нищеты, господства и угнетения, неравенства и бесправия. Отрицая старый мир, мы безоговорочно отрицаем и символ этого мира, каким для нас, граждан нового государства, является герб Российской империи. Однако если посмотреть на эмблемы, составляющие герб, как на памятники прошлого, возникшие в период образования Русского централизованного государства в качестве знаков его суверенности, то они предстанут перед нами несколько в ином свете.

Эмблемам, их символическому смыслу в средние века придавалось огромное значение. Особая роль отводилась знакам, олицетворяющим понятие государства, верховную власть государя, идею его господства над подданными. Среди государственных символов первенствовали эмблемы, составлявшие отличительный знак государства — его герб. При помощи эмблем он наглядно выражал идеи, господствовавшие в государственной политике в момент его установления, отражая ту или иную ориентацию правительства, внутригосударственные устремления, внешнеполитические замыслы... Как уже говорилось, с XVIII в. историки писали, что герб — двуглавый орел — пришел на Русь из Византии. Нередко встречаем упоминание об этом факте и в современной исторической литературе. Двуглавый орел выражал якобы преемственность власти, «заимствованной» московскими государями из Византии. Перешел в Москву и герб Византийской империи.

Однако, например, советский историк К. В. Базилиевич сомневался в правильности объяснения факта появления двуглавого орла на Руси в результате женитьбы Ивана III на Софье. Еще ранее Н. П. Лихачев, изучавший русские и византийские печати, писал: «Если будет доказано положение, что Византия (так же, как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях

императоров по помещала геральдического изображения орла, станет очевидно, что Московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела».

В современной западноевропейской литературе утвердилась версия: двуглавый орел не был государственной эмблемой Византии, т. е. не имел отношения к внешнему оформлению верховной власти, как это было во многих странах Западной Европы и в России. Доказательства? Исследованиям подверглись византийские монеты, печати, надгробия, щиты, одежда императорской охраны.. С одной стороны, двуглавый орел как герб нигде не фигурирует. С другой — специалисты признают возможность использования этой эмблемы, например, морейскими десютедами, один из которых был отцом будущей супруги Ивана III. В принципе же в Византии двуглавый орел употреблялся как украшение, орнамент, тогда как во многих западноевропейских странах он стал знаком господствующей власти, ибо использовался на монетах и печатях правителей начиная с XII в. В XIII в. эту эмблему хорошо знают в Западной Европе, откуда она попадает и в страны Южной Европы, в частности в Сербию и Болгарию. Что символизировал двуглавый орел? Силу, могущество, власть... Это так. Однако в определенный период в Западной Европе устанавливается четкое различие: одноглавый орел это эмблема королевской власти, двуглавый орел — императорской.

Как видим, появление двуглавого орла на общегосударственной русской печати на фоне широкого применения этой эмблемы в Европе — не такой уж исключительный факт. Кроме того, есть предположение, что знакомство Руси с двуглавым орлом состоялось еще до создания печати, привешенной к грамоте 1497 г. Нечто похожее на двуглавое существо (возможно, орел?) встречается на русских монетах XIV в., на деньгах тверского князя Михаила Борисовича, пулах московских князей Василия II и Ивана III, новгородских, а также псковских пулах (медных мелких монетах).

Каким образом двуглавый орел появился на русских монетах? Вполне возможно, под влиянием южнославянских стран — оно ощущается в XIV — первой половине XV в. в литературе, иконописи, миниатюре, других сторонах культурной и общественной жизни. Известно и стремление московских государей считать себя наследниками сербских правителей, у которых двуглавый орел по-

лучил геральдическое значение уже в начале XV в. Однако Иван III принял двуглавого орла за государственный символ, как уже указывалось, только в конце XV в. Н. П. Лихачев связывает появление его на общерусской печати, а равно и составление государева титула с посольством императора Священной Римской империи в Москву. Объясняя основную причину появления той же самой государственной эмблемы, что и в Священной Римской империи, Лихачев подчеркивал, что Иван III хотел во всем равняться — и в титулах, и в формулах грамот, и во внешнем виде булл (здесь — круглая привесная печать) — цесарю и королю римскому.

Все же, кроме подражания, которое иногда проявлялось даже в мелочах (например, если император Максимилиан I вместе с различными подарками посылал Софье попугая, то в ответ получал кречета), в усвоении эмблемы, олицетворяющей высокое положение западных императоров, содержится вполне разумное стремление выразить равенство Руси с западноевропейскими странами. Известно, что западноевропейские монархи считали себя прямыми потомками римских императоров. И наряду с этим существовала уже в XV в. теория происхождения русских государей от императора Августа. Позднее, например, Иван IV указывал на этот факт в одном из посланий шведскому королю Юхану III: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа кесаря родством ведемся». Возможно, двуглавый орел был призван служить одним из подтверждений этой версии...

Другая государственная эмблема XV в. — всадник, поражающий копьём дракона. В современной советской литературе она трактуется как символическое изображение русского воина, защищающего родную землю от врагов. Однако это не объясняет, почему именно данная эмблема получила признание в качестве общерусского национального знака, почему ее поместил Иван III на государственную печать.

Изображение вооруженного всадника типично для XIII—XIV вв. и для княжеских печатей Западной и Восточной Европы. Вооруженного всадника можно встретить на печатях и монетах литовских князей, на польских печатях, на оборотной стороне западноевропейских королевских печатей. Среди изображений на русских монетах конца XIV—XV в. часто встречается всадник с копьём,

Изображение всадника, поражающего копьём дракона, на монетах Ивана III

мечом или соколом. Монеты с подобными сюжетами чеканили великие князья Твери, Москвы, князья, владеющие уделами (в княжествах Городенском, Кашинском, Галицком, Серпуховском, Можайском, Верейском, Дмитровском).

В конце XIV — начале XV в. среди монет с изображением всадника в Московском княжестве появляются экзemplары, на которых всадник, держащий копьё, поражает или лежащий под ногами коня какой-то предмет, или голову дракона, или самого дракона. Постепенно всадник на московских монетах обретает детали, приближающие его к изображению на печати 1497 г.: разбегающийся планц, извивающийся дракон, пронзенный копьём.

Близость всадника на печати образу популярного церковного святого Георгия-змееборца способствовала в глазах потомков (начиная с XVIII в.) объединению этих образов в одно целое, хотя в XVI—XVII вв. в многочисленных документах встречается вполне четкое толкование всадника как великого князя, царя или же наследника.

Култ святого Георгия проник в Киевскую Русь из Византии уже в X в., получив здесь широкое распространение. Но шло время, менялось идейное содержание об-

раза, менялась и его иконография. В XIV—XV вв. в русском изобразительном искусстве преобладал тип Георгия-змееборца. Такая трактовка образа пришла из княжеской среды, где святой Георгий выступал как покровитель князей, особенно в военных походах, и изображался в виде стоящего воина с копьем и щитом или копьем и мечом. Постепенно произошло изменение идейной трактовки этого образа. В сознании народа он превратился в доблестного воина, храброго рыцаря, защитника от зла. На литературный облик Георгия-змееборца повлияло устное народное творчество, былинные сюжеты о богатырях — защитниках русской земли. В условиях широкого распространения и популярности культа святого Георгия как заступника и защитника, своеобразного народного героя, московские князья использовали этот образ в качестве союзника и покровителя — для поднятия своего авторитета. К тому же традиция прочно связывала образ Георгия-воина с основателем Москвы — князем Юрием Долгоруким. Князь чтит святого Георгия как своего патрона. Он построил много церквей в его честь и даже основал город его имени.

Подобное почитание могло также исходить из идеи преемственности власти московских князей — через владимирских — от киевских, покровителем которых был Георгий-воин. Московские князья переносили на себя не только героические деяния популярного святого, но и его внешний вид. Отсюда и изображение на московских монетах, например, великого князя в виде всадника (без нимба, характерного для святого), поражающего копьём дракона. Для большей убедительности изображение сопровождалось буквами «К», «К-Н» — «князь».

Как видим, первые эмблемы единого Русского государства несут большую смысловую нагрузку. Их символика выражает, с одной стороны, древность происхождения власти великого князя московского, с другой — знатность русского государя, равенство с европейскими правителями, носящими титул императора. В начальный период, период становления, эти эмблемы сыграли важную роль в политике великого князя московского, укреплявшего авторитет нового государства. Официальное описание герба Российской державы согласно геральдическим канонам и с соответствующей атрибуцией было сделано только в 1667 г. Двуглавый орел и всадник, поражающий копьём дракона, явились его основными составными частями.

Мы не случайно уделили такое большое внимание этим

Печать царского наместника в Ливонии 1564 г.

днум эмблемам, казалось бы не имеющим непосредственного отношения к теме нашей книги. Во-первых, проследившая историю их появления и существования, можно хорошо себе представить, как из эмблем постепенно рождается герб. Во-вторых, в некоторых городских гербах (речь о них пойдет ниже) присутствует российский государственный герб или его часть. Откуда берет начало его символика? Читатель теперь осведомлен об этом.

С другими российскими территориальными эмблемами нас также знакомят сохранившиеся печати. До нашего времени их донесли в основном международные акты. Передко расположение эмблем на печати, их подбор отражают специфику момента, в который они создавались, очень ярко. Так, эмблемы покоренных прибалтийских земель были использованы при изготовлении печати Ливонской земли, сделанной по приказу Ивана IV в 1564 г.: «а на печати клейно: орел двоеглавный, а у орла у правые ноги герб печати магистра Ливоньского, а у левые ноги герб печати Юрьевского бискупа; около же печати подпись: „царского величества боярина и Вифлянские

земли боярина и наместника и воеводы печать".». Композиция рисунка — двуглавый орел, попирающий лапами эмблемы присоединенных прибалтийских земель, — не вызывает сомнения в предназначении печати: она напоминала о победе русского оружия в Ливонской войне. Через год, в 1565 г., также по приказу Ивана IV была сделана новгородская печать. Об этом сообщается в летописи, где имеется и ее описание: «место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба». Высочайше указано было данной печатью «печатати грамоты перемирные с свейским королем Новгороду о перемирии и грамоты посыльные печатати о порубежных и всяких делах ко свейскому королю».

Большая государственная печать Ивана IV знакомит нас с эмблемами других русских земель (см. вклейку). 24 эмблемы (по 12 с каждой стороны) окружают двуглавого орла со всадником (на обратной стороне — единокор), расположенным в центральной щитке на груди орла. В литературе их называют гербами городов. Так ли это? Приглядимся к данным «гербам» повнимательнее и увидим надпись «печать» вокруг эмблемы. Это означает, что перед нами не гербы, а печати, и не городов, а земель, областей, княжеств, царств. К тому же, как мы отмечали ранее, для герба характерна неизменность его рисунка, стабильность фигур и цветов. Если же изображения, помещенные вокруг двуглавого орла на печати Ивана IV, сравним с аналогичными изображениями XVII в., то обнаружим в последних иногда существенные изменения, несоответствие подписей ранее известной печати или эмблеме. Возьмем, например, смоленский герб. На печати Ивана IV надпись: «Печать великого княжества Смоленского», а эмблема — княжье место с лежащей на нем шапкой — позднейшего тверского герба. Или же подпись гласит, что перед нами тверская печать, а изображен медведь, которого затем мы видим в ярославском гербе; ярославская эмблема здесь — рыба. Подобная «перепутанность» вряд ли была бы возможна, тем более на государственной печати, если бы в Русском государстве XVI в. городские гербы официально существовали. Некоторые эмблемы, правда, составили главную часть образованных гораздо позднее городских гербов, например новгородская, казанская, псковская, вятская. Но если гербы, пусть не городов, а земель, княжеств, на Руси в XVI в. не существовали, то, может быть, имелись печати

данных территорий, о чем, казалось бы, свидетельствует большая государственная печать Ивана IV.

Когда появились печати с подобными эмблемами? В отечественной литературе существовало мнение об их древности, особенно это говорилось о печатях Новгорода и Пскова.

Как показал Н. Г. Порфиридов, эмблемы известной печати — «вечевая степень» с лежащим на ней жезлом (посохом), — традиционно относимой к новгородской аристократической республике и известной якобы уже в XV в., на самом деле принадлежали не Новгороду периода независимости, а новгородским воеводам, назначаемым в Москве, в XVI—XVII вв. Это были «государевы» печати. Что касается степени и жезла (посоха), то узкоместными новгородскими и республиканскими эмблемами они не являются. В древнерусской символике это были издавна атрибуты власти вообще, в первую очередь княжеской и царской. Напрашивается вывод: действия центральной власти в отношении новгородской эмблемы были главенствующими, исходными. Появившаяся в 1565 г. и несколько позднее зафиксированная в большой государственной печати, эта эмблема затем могла продолжать существование на печатях новгородских воевод.

Автор известного труда «Русская геральдика» А. Б. Лакиер считал, что печать Пскова с изображением «барса» и с надписью «Печать господарства Псковского» «рано образовалась». Конечно, зверь, изображенный на псковских печатях, назван «барсом» условно. Ведь ни в Новгороде, ни в Пскове не было знатоков геральдики, знакомых с правилами составления рисунка для монеты или печати. Н. П. Лихачев тщательно исследовал псковские печати и пришел к выводу, что печать с «барсом» — явление сравнительно позднее. Если это явление XVI в., то не следует ли приблизить его к моменту создания государственной печати? Тогда можно предположить, что именно с нее эмблема попала на псковскую печать, а не наоборот. Изображение зверя — эмблемы Пскова на печати Ивана IV — не имеет характерных признаков, позволивших бы видеть в нем барса. В XVII в. хищный зверь в окружении надписи «Печать псковская» назван рысью. Не исключено, что на печати Пскова, известной в XVI в., также должна была быть рысь. Кстати, звери, рыбы, птица с оттиска печати Ивана IV идентификации поддаются с трудом. До последнего же времени в литературе употреблялся не сам оттиск печати, а рисунок,

сделанный с оттиска. На этом рисунке по воле художника зверям, рыбам и птице были приданы более определенные черты, не всегда соответствовавшие подлинному изображению, и исследователи, работавшие с рисунком, а не с фотографией оттиска печати, интерпретировали животных по своему усмотрению.

Печать Казани также известна с XVI в. Еще Лакиер установил, что она была получена Казанью от русского правительства. Казанские воеводы привешивали печать с изображением коронованного дракона к различным документам. Сохранились грамоты с подобной печатью от 1596, 1637 и 1693 гг.

Возникновение большинства эмблем хронологически отождествляют с созданием государственной печати Ивана IV. Однако существует в литературе тенденция к удревнению корней некоторых эмблем — стремление вывести происхождение знаков из местных традиций. Под эту версию подходит, пожалуй, происхождение эмблемы Казани. В татарской легенде, рассказывающей об основании Казани, упоминается чудовище — змей, изгнанный по приказу царя Саина болгарского, о сожжении бывшего змеиного жилища: «Яко же прежде сего на том месте вогнездися змий лют и токовище их, и воцарися во граде скверный царь...», «Быти от того (от сожжения змеиного логова.— Н. С.) велику смраду змиину по всей земли той, и проливающе впредь хотяще быти от окаяннаго царя злое содеяние проклятыя его веры срацынския».

Если учесть, что в русских литературных памятниках, а также в изобразительном искусстве с давних пор враг принимал образ чудовищного змея (аспида, василиска — в буквальном переводе «царек», «дракон»), то в данном конкретном случае хорошо объясним выбор казанской эмблемы. Страшный змей, дракон с короной на голове (корона — всегда олицетворение царя, царства — словом, высшей власти) — выразительный символ Казани, созданный, так сказать, не на пустом месте, а на основе подлинных (или легендарных) фактов. Эти факты были известны создателям эмблемы-печати. Их сохранила устная традиция или письменный памятник.

Возможно, какая-то литературная традиция была взята за основу и при воплощении Булгарии в виде идущего хищного зверя. Кстати, изображение Булгарии как самостоятельной территориальной эмблемы вызывает некоторое недоумение, ведь Булгария еще в XV в. вошла в состав Казанского ханства, растворилась в нем и в каче-

стве самостоятельной области в середине XVI в. не существовала. В том же письменном источнике, который содержал рассказ о казанском драконе, читаем и о Бугарии: «И наведе (царь казанский.— Н. С.) из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и многу ему суцу, ибо подббну суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом». Такая литературная характеристика булгар может объяснить и изображение их в виде дикого зверя.

Аналогичные литературные свидетельства, на которые можно было бы опереться при расшифровке других эмблем печати Ивана IV, найти пока не удалось.

Трудно найти объяснение и предложить более или менее убедительное толкование рязанской эмблемы (конь). Напрашиваются различные соображения. Например, не является ли конь намеком на известное сказание о «вещем Олеге»? Образ рязанского князя Олега не оставлял равнодушными рязанцев. Также пока не объяснимы эмблемы: тверская (медведь), астраханская (пес, волк в короне), ростовская (птица). До сих пор неясно, почему на государственной печати Ивана IV изображены «печать великаго княжества Смоленского» в виде трона с царской шапкой на сиденье, «печать ярославская» — в виде рыбы, а «печать великаго княжества Тверского» — в виде медведя. Может быть, эмблемы «перепутали»? Такое объяснение относится, скорее всего, к последующему периоду, когда, например, тверскую печать «перепутали» со смоленской (тверская эмблема в XVII в. представляла собой трон, на котором лежала корона) или пермскую — с тверской. Только что созданные эмблемы, разумеется, ни с чем «перепутаны» быть не могли.

Интерес вызывает и возникновение вятской эмблемы — лук со стрелой, нижегородской — в виде оленя (лося). Объясняли эти изображения некогда существовавшими здесь куклами. Итак, дань традиции? Пресмщенность символики на протяжении столетий? Конкретно ответить на подобные вопросы пока невозможно.

Вообще, следует отметить, что русская феодальная символика, отражающая мировоззрение человека прошлого и раскрывающая закономерности его мышления, смысл поступков, до сих пор мало изучена. Ученые различных специальностей отмечают это и подчеркивают важность детальной расшифровки символизированного мышления наших предков. Печать Ивана IV, о которой говорилось выше, представляет собой прямо-таки сгусток символов.

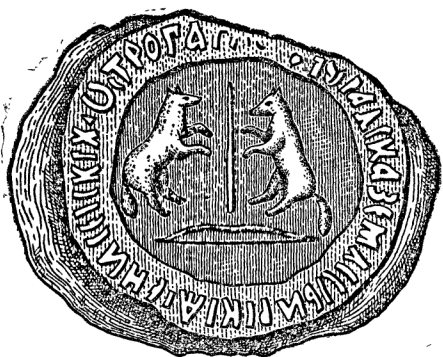
Естественно, что толкование их может быть лишь предположительным прежде всего в силу невозможности абсолютного осознания современным человеком всех деталей, аспектов, моментов логики средневекового мышления. Правда, замысел создателей печати Ивана IV понять не так уж трудно — показать единство и количество земель, объединенных под властью московского государя. И сочинение эмблем и композиция печати были типичны для государственных печатей многих европейских стран той эпохи; медальоны с изображением гербов земель, входивших в состав государства, помещались вокруг общегосударственной эмблемы. Печать по своему типу напоминала западноевропейские королевские и императорские печати. Не надо забывать, что она скрепляла важные международные документы.

Почти все эмблемы на печати Ивана IV светского характера, как и в других странах Западной Европы.

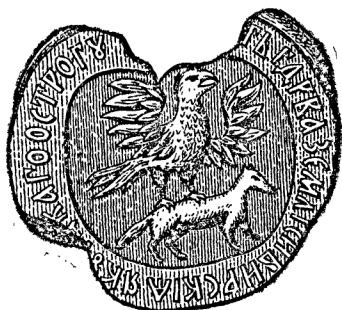
Между шестнадцатью эмблемами XVI в. и эмблемами, соответствующими тем же территориальным единицам в XVII в., полного тождества нет. На протяжении столетия эмблемы изменялись, находили «нового хозяина», иногда просто исчезали. Более того, эмблемы с печати Ивана IV в XVII в. практически не существовали. Исключение — дракон в короне, который ассоциируется с Казанским царством (а позднее становится гербом Казани), идущий олень с нижегородской эмблемы, московский всадник, копьем разящий дракона. Эмблема Астраханского царства, имевшая волка (пса?) в короне, теперь зверя «потеряла», осталась корона с лежащей под ней саблей. К началу XVII в. меняются и вятская (вместо лука — рука, выходящая из облака, держит лук), пермская (вместо лисы — медведь), ростовская (вместо птицы — олень), рязанская (стоящий вооруженный человек взамен коня), тверская (стул без спинки с лежащей короной — раньше был медведь), сибирская (вместо стрелы — два соболя перед кедром) эмблемы. Новгородская эмблема в течение XVII в. также подверглась изменениям, теряя и приобретая вновь отдельные компоненты. В росписи печатей царя Алексея Михайловича встречаем отличное от 1565 г. описание новгородской эмблемы: «В Великом Новгороде место, а на месте посох, под местом озеро да три рыбки». Ни о медведе, ни о рыси — прежних элементах эмблемы — не упоминается.

Белозерская, полоцкая, смоленская, черниговская, ярославская эмблемы в том виде, в котором они зафиксиро-

Печать Енисейского острога, приложенная к грамоте 1671 г.

Печать Красноярского острога, приложенная к грамоте 1644 г.

Печать Якутского острога, приложенная к грамоте 1682 г.

ваны на печати Ивана IV, в XVII в. не встречаются. Светский же характер их сохраняется.

Вообще, для Руси XVII в. очень характерно употребление светских эмблем. Их можно было увидеть на личных печатях, на печатях правительственных учреждений, на полковых знаменах. Немецкий путешественник, автор «Описания путешествия в Московию», А. Олеарий, побывавший в 30-е годы XVII в. в России, обратил внимание на знамена с красочными эмблемами на полотнищах. Он остался доволен такими Emblemate, однако заметил, что эти остроумные знаки были выполнены, конечно же, по указанию немецких офицеров, служивших тогда при русской армии. «Русские не горазды на подобные изобретения», — высокомерно заявил Олеарий.

Однако Олеарий ошибается. История сохранила немало свидетельств искусного исполнения знамен и прапоров с изображениями эмблем, выполненных русскими мастерами. Справедливости ради заметим: первые знамена, не похожие на старинные образцы, с «житейскими» изображениями появились еще во времена Михаила Федоровича и принадлежали иноземным полкам. Иноземцам предоставлялось право делать знамена по своим обычаям, «как ротмистр укажет сам». На этих знаменах в виде эмблем писали орла, грифа, льва, змею, химеру, надписи делались на латинском языке. И в то же время появляется знамя Войска Донского. В центре его — двуглавый орел, на груди которого «в клейме написан был государев образ на коне, колет змия». Кстати, «государственные» эмблемы — лев, единорог, — украшавшие царский трон, еще ранее, в конце XVI в., помещались на знаменах. Известно знамя, бывшее с Ермаком Тимофеевичем в сибирском походе: в середине полотнища — лев и единорог, готовые к бою.

При Алексее Михайловиче «житейские» изображения на знаменах начинают появляться чаще. Нам известен прапор боярина Василия Семеновича Волынского 1650—1680 гг., на котором помещен одноглавый золотой орел, терзающий дракона. На откосах прапора — химеры, держащие в правой руке зеркало, в левой — гребень. В Архиве московской Оружейной палаты сохранились описания прапоров XVII в. с некоторыми земельными эмблемами, например: астраханской — «змий с коруною и с крылами», тверской — «престол с коруною, на коруне крест» и т. д. В той же описи находим сведения о большом знамени царя Алексея Михайловича: «Знамя гербовное царя Алексея Михайловича, 1666—1678. Середина и откос из тафты белого цвета, кайма кругом знамени из малиновой тафты; в середине в кругу изображен двуглавый орел, коронованный двумя коронами и держащий в правой лапе скипетр, а в левой державу; в середине орла „царь на коне колет копием змия“. По правую сторону орла, в клеймах гербы: новгородский, под ним — владимирский; по левую — казанский, под ним — киевский, под орлом вид Кремля со стороны Красной площади, под ним надпись „Москва“. Под ним — в правом углу астраханский, в левом — сибирский. На кайме у древка, в клеймах, написаны красками гербы: псковский, смоленский, тверской; по нижней кайме: пермский и вятский; в кайме откоса: болгарский, нижегородский,

рязанский, ростовский; под клеймами, в которых нарисованы гербы, сделаны другие клейма — поменьше». В них, внимательно приглядевшись, можно увидеть следы рисунков, напоминающих изображения городов.

На знамени также выписан полный титул государя, размещенный в клеймах. По верхней кайме откоса: «Б.м. в. гос. ц. и в. кн. Ал. Мих. вс. В. и М. и Б. Р. сам.» Далее — в клеймах, расположенных в середине, над орлом и под гербами, написано: «Московский, киевский, владимирский, повгородский, царь казанский, царь астраханский, царь сибирский» и т. д. Известен и автор рисунка знамени — живописец Станислав Лопуцкий, которому «велено было на том знамени написать розных государств четырнадцать печатей в гербах». Он «расписывал» знамя вместе со своими учениками Иваном Безминовым и Дорофеем Ермолаевым. Знамя было «составлено» по именному указанию царя Алексея Михайловича. В 1669 г. живописцы Иван Мировский и тот же Лопуцкий опять-таки по повелению Алексея Михайловича писали для Коломенского дворца «клейма (гербы.— Н. С.) государево и всех вселенских сего света государств». Из письменных источников известно, что в том же году Станислав Лопуцкий изобразил на холсте герб Московского государства «и иных окрестных государств и подо всяким гербом планиты, под которым каковыя» и т. д.

Как видим, во вторую половину правления Алексея Михайловича эмблемы зачастую уже называют гербами. Как таковые гербы, конечно, были в это время известны хотя бы потому, что в Россию начали переселяться иностранцы с запада, прежде всего из Польши. Многие знатные фамилии имели родовые гербы. Им старалась подражать и русская знать. Эмблемы в виде гербов встречаются на перстнях, бытовых предметах, серебряной посуде и пр. Изображение эмблем в виде гербов можно видеть на царских вещах: 12 территориальных эмблем вышиты вокруг государственного герба на саадачном покрывце (покрывале), принадлежащем Михаилу Федоровичу (см. вклейку); ряд эмблем изображен на царских золотых тарелках. Это как бы элемент орнамента, украшения. Поэтому в изображении одной и той же эмблемы на различных предметах нет идентичности.

В 1672 г. появляется первый русский гербовник — Титулярник, образец искусства царского двора. Последний являлся проводником многих западных новшеств в русскую жизнь. К подобным новшествам относилось и ув-

Государственная печать Алексея Михайловича

лечение гербами. В упомянутом Титулярнике был записан полный государев титул. Он сопровождался миниатюрами, оформленными в виде гербов территорий — 33 герба царств, княжеств и земель, названия которых входили в царский титул (см. вклейки). Можно ли их назвать гербами? Видимо, лишь условно; скорее, это рисунки эмблем. Стилизация, присущая гербу, в них отсутствует, нарушается традиционная геральдическая ориентация фигур, геральдическая цветовая гамма. Есть и другая причина не считать эмблемы Титулярника гербами: они не выражали автономию областей и не олицетворяли их самоуправление. Тем не менее создатели Титулярника считали их гербами, что не очень противоречило общему взгляду на гербы во всей Европе, где распространилась «бумажная геральдика» и начинают возникать один за

другим общегосударственные гербовники. Эта мода достигла и русских земель.

Титулярник знакомит нас с новой ярославской эмблемой (на печати Ивана IV — рыба) — медведь стоит на задних лапах, держа на плече протазан (алебарду). В археологической литературе неоднократно сообщалось о культе медведя на Верхней Волге. Отражением этого культа можно считать знаменитую легенду об основании Ярославля, на месте которого князь Ярослав убил когда-то секирой медведя. Легенда отражена в «Сказании о построении града Ярославля». Когда был создан данный литературный памятник, точно сказать трудно, но, анализируя язык «Сказания...», ученые пришли к выводу — его нельзя отодвинуть «дальше XVII столетия». Это предположение объясняет отсутствие на печати Ивана IV ярославской эмблемы в том виде, в каком она зафиксирована Титулярником 1672 г.

К числу знаменитых эмблем Титулярника относится и владимирская эмблема — идущий коронованный лев держит в передних лапах длинный крест. Зверя, которого называли и леопардом, и барсом, и львом (он с трудом поддается идентификации), ряд исследователей считает родовым знаком суздальско-ростовских князей и даже их гербом. Но такое предположение вызывает обоснованные сомнения, ведь Владимирская Русь не знала гербов в полном смысле этого слова — установленных, узаконенных.

Еще одна значительная эмблема Титулярника — киевская. На ней изображен архангел Михаил с поднятым мечом и щитом. Высказывалось предположение о традиционности данной эмблемы. Ее происхождение связывали с печатью, относящейся к грамоте киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю. Другие же исследователи считали, что киевская эмблема имеет польское происхождение. Такой вариант вполне возможен: в XVI—XVII вв. изображение архангела Михаила встречалось на печатях некоторых польских городов.

Таким образом, XVII век дает нам следующую серию «территориальных» эмблем. Они стабилизируются, приобретают законченность в своем художественном выражении, значительно вырастает их количество. Однако гербовым изображениям впоследствии соответствует лишь часть эмблем, помещенных в Титулярнике 1672 г.

Итак, в XVII в., преимущественно во вторую половину правления царя Алексея Михайловича, Россия пере-

нимает модную западноевропейскую традицию — рисование гербов. Однако нет доказательств, что гербы в Русском государстве существовали на практике в качестве символов области или города. Например, несмотря на то что имелась новгородская печать, казалось бы, с общеизвестной эмблемой — вечевыми ступенями, новгородские воеводы употребляли для запечатывания официальных документов свои личные печати. Эмблема Пермской земли не помещалась ни на одной из печатей пермских городов XVII в. Документы, исходившие от воевод этих городов, снабжены их личными печатями. А ведь подобных фактов не должно было быть, если бы официально (или неофициально) жители города, в том числе и воеводы, познакомились с его эмблемой-гербом. На отсутствие гербов в русском обществе указывает подъячий Посольского приказа Г. К. Котошихин, бежавший в 1664 г. в Литву, а затем в Швецию и составивший по заказу шведского правительства сочинение о России: «А грамот и гербов на дворянства их и на боярства (царь.— *Н. С.*) никому не дает, потому что гербов никакому человеку изложить не могут...; также и у старых родов князей и бояр, и у новых истинных своих печатей нет,— да не токмо у князей и бояр и иных чинов, но и у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает; а когда лучитца кому к каким письмам, или послом к посольским делам прикладывать печати, и они прикладывают, у кого какая печать прилучилась, а не породная». Вероятно, он не преминул бы упомянуть о городских гербах, если бы русские города их имели.

Подходит к концу XVII век. На русском престоле — царь Петр Алексеевич, будущий реформатор государства Российского. Не секрет, что немало изменений в устои русской жизни Петр внес после зарубежных поездок, стараясь обогатить традиции государства важными, на его взгляд, начинаниями. Заимствование опыта западноевропейских стран стало заметно сразу же по возвращении Петра после первого его путешествия за границу. Это касается, в частности, реформы монетного дела, выпуска памятных медалей, создания коллекций. Не оставили Петра равнодушным распространенность и популярность в Западной Европе XVII в. различных эмблем, символов и аллегорий. Любопытно, что на индивидуальные (личные) гербы — одну из модных традиций Запада — Петр смотрел скептически, особенно в первый период правления: не до гербов было царю. А вот наглядной, доступной

широким массам символике уделял должное внимание. Прежде всего речь идет о праздничных фейерверках, отличавшихся роскошью, блеском и помпезностью. Сохранились свидетельства очевидцев о торжественном входе русских войск во главе с царем в Москву 30 сентября 1696 г. Россия праздновала победу под Азовом. Дабы достойно отразить мощь русского оружия, в Москве были построены Триумфальные ворота на манер древнеклассических. Руководил празднеством иностранец А. А. Виниус, следуя указаниям Петра. Множество лавровых венков сопровождали процессию. Повсюду были выставлены аллегорические картины и подписи, гласившие о победе Константина Великого над Максенцием (античный сюжет), о подвигах Геркулеса и Марса, мало понятные для народа. Гораздо реалистичнее и доступнее были изображения завершившейся недавно битвы. Очевидец пишет: «На Каменном мосту Всесвятском, на башне, сделана оказа Азовскаго взятия, и их панам персуны написаны живописным письмом; также на холстине написано живописным же письмом, как что было под Азовым, перед башнею по обе стороны».

Грандиозен был и фейерверк 1 января 1710 г. по случаю победы в Полтавской битве. Среди множества праздничных атрибутов не остался незамеченным и такой: «В верхней части доски два транспаранта: 1) Юпитер, поражающий Фазтона: „от возношения низвержение“, и 2) лев, висящий на цепи, над подушкой: „да знаешь правителствовати“. В нижней части длинный транспарант с надписью: „А: Гора каменная, являющая Швецкое государство. В: Лев, выходящей из-за оной горы, являл армию швецкую. С: Столп с короною являл государство Полское... Д: Другой столп с короною, являющей государство Российское, к которому лев приблизился... Е: Потом явился орел для защищения оного столпа, являющей армию российскую, и онаго льва Перуном (или огненными стрелами) разшип с великим громом, потом и первой столп паки прям стал, являя избавление наше и возвращение короны королю Августу чрез оружие российское“».

Подобные торжества служили весомым средством воздействия на общественное мнение во всей Европе: на фейерверки приглашались иностранцы, находившиеся в то время в русской столице. Датчанин Юст Юль, описывая поразивший его новогодний фейерверк 1710 г., подчеркивал: «Граф Пипер и прочие шведские генералы были приглашены смотреть на фейерверк, и для этого им от-

вели (особую) залу, где они стояли и на все смотрели».

Для сочинения эмблем, девизов, организации фейерверков царь содержал специальных людей, посылая доверенных лиц за границу для обучения приготовлению фейерверков, нередко сам являлся их автором. Особое внимание Петр обращал на изготовление фигур и толкование символов фейерверка. Появлялись печатные издания фейерверков, триумфальных шествий, различного рода «потешные листы». Приведем фразу, выражающую особый взгляд Петра I на устройство фейерверков (речь, видимо, шла об использовании крупной денежной суммы): «Путчеб те милионы на фэрверк издержаны были... нечто б дивное и памяти достойная вещь была, и народ в тот час великой плезир имел».

При Петре I становится традицией чоканить памятные и наградные медали. В аллегорической форме с помощью символов они увековечили доблесть русской армии, победоносную внешнюю политику Петра I, события внутренней жизни государства. Многие рисунки сопровождаются разъяснительными и поучительными надписями. Наряду с аллегорическими изображаются и реальные события. Нередко сам Петр принимал участие в разработке некоторых медальных тем и композиций. Живое участие царя в создании памятных медалей объясняет их большое выпуск и способы распространения. Русское правительство систематически рассылало медали иностранным дворам и раздавало их в презент иностранным министрам для пропаганды успехов и побед России.

Наградные медали служили целям агитации и пропаганды. Массовое награждение медалями с изображением фрагментов того или иного сражения участников данной баталии служило, пожалуй, одним из лучших средств патриотического и воинского воспитания.

А что же территориальные эмблемы? При Петре I они получают широкое распространение, становясь элементом идеологической политики правительства. Украшают официальные документы — жалованные грамоты Петра I, которые выдавались русским и иностранным вельможам. К тому же территориальные эмблемы занимают прочное место на петровских печатях. В дневнике австрийского дипломата, автора «Дневника путешествия в Московию», И. Г. Корба помещен рисунок государственной печати России. На нем изображен коронованный двуглавый орел, на груди и крыльях которого расположены семь территориальных эмблем. Вокруг орла в овальных щитах изобра-

Рисунок русской государственной печати из дневника И. Г. Корба.
Конец XVII в.

жены еще двадцать шесть подобных эмблем. В общих чертах эти эмблемы напоминают рисунки Титулярника, но все-таки не полностью повторяют их. Например, в упомянутом Титулярнике не изображен всадник, поражающий дракона («московский» написано около эмблемы — двуглавого орла). А у Корба — всадник в короне, очень схожий внешне с Петром I, расположен на груди орла с надписью «Moscou». На рисунке Корба впервые

встречается изображение эмблем на крыльях российского орла. А. В. Арциховский предполагает, что выбор этих изображений был сделан самим Петром.

В коллекции Государственного Исторического музея хранится серия матриц для печатей с изображениями территориальных эмблем на крыльях орла, а также вокруг него. Эти печати были вырезаны русскими и иностранными мастерами по приказу Петра I.

В годы правления Петра земельные и областные эмблемы постепенно превращаются в городские. В 1692 г. появился первый документ, подтверждающий, что эмблемы областей являются одновременно и городскими. Царский указ предписывал в Ярославской приказной избе «быть печати изображением герб ярославской». Из дела «О устроении городу Ярославлю печати по гербу с надписью» видно, что за основу бралась эмблема Ярославского княжества, помещенная в Титулярнике. Но, согласно царскому указу, на печати, кроме царского титула, должна была быть надпись: «Печать града Ярославля». Это означает, что эмблема княжества стала городской, получила официальное название «герб», который поместили на печати города. Возможно, указ свидетельствовал о предоставлении Ярославлю особых привилегий? Есть факты, подтверждающие особое внимание государя к Ярославлю. Не исключено, что данный указ был частицей огромной работы, проводимой Петром по упорядочению государственного и местного аппарата, его делопроизводства. Петр неоднократно обращал внимание на оформление официальных документов, в частности на создание и использование печатей. Примеры тому — роспись сибирских печатей, приложенная к заказу таможенному голове города Верхотурья, указ от 9 декабря 1696 г. об изготовлении казенной печати Сибирского царства, указы 1699 г. о создании печатей для бурмистерской палаты и ратуши. В указах оговаривалось и изображение на печатях: «печать, на которой знак: весы» (печать бурмистров), «знак: весы из облака в держащей руке, да зрительное око, а кругом подписать: „правда на нюже око державствующаго зрит“» (на печати ратуши); указ «О бытии в Военной коллегии печати по Генеральному регламенту», указ «О сделании новой государственной печати», а также, что для нашей темы особенно важно, указ о печатях для местных судебных учреждений, на которых должны были помещаться гербы городов.

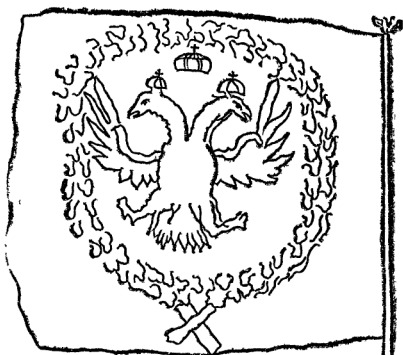
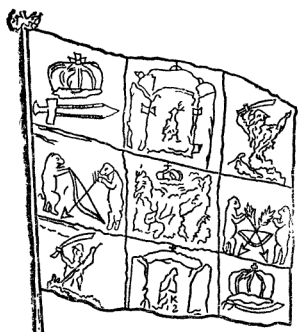
В начале XVIII в. в России сформировалась стройная

Печать Сибирской губернии. 1710 г.

система размещения полков петровской армии. Повлиял этот процесс и на развитие городской символики. В 1708 г. Россия была разделена на восемь губерний с приписанными к ним городами. Каждая губерния содержала свои полки. Внутри губерний полки размещались по городам и почти все получили названия городов, некоторые — губерний. А вместе с названиями полки получили и эмблемы городов, областей, которые изображались на полковых знаменах.

Сам царь Петр Алексеевич пробовал свои силы в сочинении гербов для знамен и флагов. В его записной книжке имеются карандашные рисунки — наброски двух флагов. На одном — флаг с государственным гербом, окруженным цепью только что утвержденного ордена Андрея Первозванного. Другой флаг более интересный: полотнище разбито на девять квадратов, в каждом из которых — эмблема города, или земельная, или государственная. Пожалуй, впервые встречается здесь эмблема Архангельска — архангел на коне поражает копьём дьявола, так называемая «говорящая». Впоследствии рисунок был несколько изменен и утвержден в качестве герба города Архангельска,

Рисунки флагов из
записной книжки Петра I

Печать Симбирска под
выписью с переписных
и отказных книг 1695 г.

С 1712 г. новые знамена стали изготовляться в Оружейной палате и отсюда рассылаться в полки (см. вклейку). В качестве городских эмблем использовались уже известные, а также вновь созданные. Кроме шестнадцати эмблем Титулярника и отраженных в дневнике Корба (напомним: киевская, владимирская, астраханская, новгородская, псковская, вятская, пермская, нижегородская, рязанская, казанская, сибирская, тверская, ростовская, ярославская, черниговская, смоленская), на новых знаменах изображаются эмблемы полков: Новотроицкого, Троицкого, Архангелогородских, Ингерманландских, Вологодских, Белгородского, Воронежского, Симбирского, Каргопольского, Тобольских, Шлиссельбургского, Невских, Нарвских, Азовских, Луцких, Бутырского, Лефортовского, Саксонского, Санкт-Петербургского, Галицкого,

Ямбургского, Копорского, Выборгского, Олонецкого, лейб-регимента. У городов, указанных в этом списке, эмблемы появились впервые. Интересный факт: изображения на печатях, если они имелись у некоторых городов, не принимались во внимание при составлении эмблем. Например, на «печати государевой го[рода Си]мѣбирьскаго» 1695 г. вырезан лев с мечом в левой передней лапе, над ним — корона. На знаменах же Симбирского пехотного полка эмблемой служит колопна под короной. Эта эмблема впоследствии превратилась в герб Симбирска, а печать с изображением льва использовалась в Симбирске еще в XVIII в. независимо от созданного герба. Аналогично на знаменах Тобольских полков изображалась оружейная пирамида со знаменами и барабаном, в то время как на печати Тобольска по росписи 1692 г. помещены «два соболя, меж ними стрела». На основе знаменной эмблемы создается и герб Тобольска.

Получается, у одного города существовали одновременно различные эмблемы! Объяснить такое явление несложно: постоянный символ — герб — у города отсутствовал. Создание таких постоянных символов только началось.

Что касается художественного исполнения изображений на знаменах, то они были, конечно, далеки от строгой геральдической формы. Многие из них напоминают аллегорические рисунки. На знаменах Владимирских полков под ногами стоящего льва с крестом (официальной эмблемы города Владимира) появилась шкура убитого «свейского» льва. Другие эмблемы нарисованы еще более произвольно и лишь отдаленно напоминают эмблемы Титулярника (например, на тверской эмблеме вместо престола с короной видим пирамиду под золотой короной). Эмблемы изображались без гербовых щитов — основного атрибута любого герба.

Земельные эмблемы, украшавшие жалованные грамоты, тоже изображались весьма произвольно. В жалованной грамоте Ф. В. Шилову, полковнику Изюмского полка, на новгородской эмблеме нарисованы только престол со скипетром: ни медведей, ни рыб нет. На смоленской эмблеме осталась стреляющая пушка — птица отсутствует. На грамоте князю Г. Ф. Долгорукову псковский барс и пермский медведь обращены вправо, на грамоте гетману И. И. Скоропадскому — влево. Список «негеральдического» изображения эмблем можно было бы продол-
жить...

Итак, в первые десятилетия XVIII в. городские эмблемы России весьма «негеральдичны» с точки зрения канониз геральдического искусства Западной Европы, использование которых превращало рисунок в герб. Городские гербы еще не вступили в стадию широкого развития и повсеместного распространения, хотя этот вопрос привлекал в определенной степени внимание царя и его окружения.

Знатоком геральдического искусства был, например, сподвижник Петра I, образованнейший человек своего времени Яков Вилимович Брюс. Петр I обращался к нему по поводу правильности с точки зрения геральдики рисунка герба адмирала Ф. М. Апраксина. В 1707 г. царь писал Брюсу: «При сем же посылаю печать господина адмирала, чтоб вы посмотрели: буде что не так, чтоб, поправя и написав на бумаге, ко мне прислали немедленно». В сохранившемся ответе Брюса на письмо государя подробно объясняются сделанные им изменения фигур и цветов согласно геральдическому искусству.

Впоследствии именно Брюс рекомендовал на должность составителя гербов Франциска Санти.

Глава III

«ДЕЛО НОВОГО ОСНОВАНИЯ» И ФРАНЦИСК САНТИ

В 1722 г., за три года до смерти Петра I, в России возникло новое государственное учреждение. Название его уже само по себе свидетельствовало о предоставлении гербу права на официальное существование: Герольдмейстерская контора.

О Герольдмейстерской конторе известно очень мало. В сохранившихся архивных документах ее деятельность освещается лишь в плане надзора за военной и гражданской службой дворян. «Всего государства шляхетство и приказные служители, у дел обретающиеся и кои не у дел», составляли «ведение» Герольдмейстерской конторы. Однако этому учреждению вменялось также в обязанность составлять гербы. Сам царь считал, что для России введение гербов было «делом нового основания». Оно, это «дело», не было для Петра I таким уж важным, поэтому «решение вопроса» растянулось на несколько лет. Выполнение было возложено на герольдмейстера.

В начале 1721 г. Петр I принял решение сконцентри-

ровать «дела о дворянстве» в ведении специального человека. Тогда же был составлен список царедворцев из семи человек, на котором Петр собственноручно 28 января 1721 г. положил резолюцию: «Из сих надлежит быт двум, одному герольдмейстеру, другому рекитмейстеру, которых выбрат балатированем. А для оного в прибафьку к Сенату призват из колегьских членов, которые лутче, человек до дватцети из русских (понеже иноземцы оных персон не знают), а особливо из Военной, понеже там много знатных». 30 января сенаторы и коллежские члены «балатировали по указу» кандидатов, названных царем. В результате голосования более всего «достойных» баллов получил С. А. Колычев — 19 («сомнительных» — 4, «недостойных» — 4), заняв должность герольдмейстера.

Степан Андреевич Колычев был «взят ко двору» в 1696 г. и через год послан в европейские государства «для обучения наук воинских дел». По возвращении находился на военной службе, был ранен под Нарвой и ратное дело оставил. Кроме непосредственных обязанностей (в разное время он был обер-комендантом, вице-губернатором воронежским и азовским), Петр поручал ему выполнение других государственных дел: от наблюдения за постройкой судов до отлавливания «разных родов птиц и зубрей» и присылки их в Петербург. И вот новая, необычная пока в России должность: герольдмейстер.

Первое, за что пришлось сразу же взяться Колычеву, — составить новые списки всех неслужащих дворян «или хотя у дел, да у таких, которые токмо для прикрытия». Для этого Колычеву надлежало получить из Сената все имеющиеся там списки царедворцев и дворян, составить новые списки служилых людей, а после пересмотра списков объявить всем этим людям, чтобы они готовились к новому году быть на смотре в Москве или Петербурге. В этом деле Колычев добросовестно следовал инструкции герольдмейстеру, опубликованной 5 февраля 1722 г.: «Герольдмейстеру перво знать надлежитъ: дворянъ всехъ и ихъ детей; і когда кто х какому делу спрошенъ будетъ, то б могъ несколько человекъ к тому достойныхъ представит; такъже кто умретъ, іли у кого дети родятся, чтобъ ведалъ же; и имелъ о томъ записку...». Столь подробные списки давали возможность четко организовать учет служилого сословия в центре и на местах, всегда пристально следить за выполнением дворянами их главной, по указанию Петра I, обязанности — служить государству. Другие пункты инструкции выглядят второ-

степенными по сравнению с главной задачей герольдмейстера. Среди них — учредить «краткую школу», в которой бы дворянские дети обучались «экономии и гражданству» (результат этого мероприятия остался неизвестен), представлять кандидатов на вакантные гражданские должности, регулировать соотношение представителей семьи на гражданской и военной службах. Наконец, последняя обязанность герольдмейстера, согласно инструкции, — разобраться в вопросе составления гербов. Может показаться странным: вопрос о гербах стоит на последнем месте в делах такого учреждения, как Герольдмейстерская контора, само название которого созвучно с понятиями «геральдика», «герб». Однако это еще раз доказывает, что составление гербов имело для Петра I второстепенное значение. И хотя в «Табели о рангах» записано, что гербами должен заниматься герольдмейстер, при перечислении обязанностей последнего царь писал: «Потом (прочее), что до его дела касается, о гербах и прочее, внести и исправлять по возможности, которое на нем не так скоро о совершении спрошено будет...».

Однако со временем Петру все же пришлось уделить гербам больше внимания: в той же «Табели о рангах» отмечалось, что в России наблюдается самовольное присвоение гербов и тем самым возведение себя в ранг дворянина, не будучи таковым по рождению и не будучи пожалованным в него царем. Поэтому в инструкции герольдмейстеру предписывалось «посмотреть» (не снабдить всех дворян гербами и не составить гербы дворянских фамилий, а именно «посмотреть»), что можно сделать по вопросу введения дворянских гербов.

Как начинать герботворческую деятельность? Царь предполагал, что надо познакомиться прежде всего с иностранными гербовниками, однако не заимствовать отсюда гербы без разбора, а «изобретать» новые согласно родословным знатных родов или требовать объяснения «содержания» герба, если та или иная фамилия герб уже имеет. «И что по тому изобретено будет, о том ему, герольдмейстеру, обстоятельно доносить Сенату. А в Сенате, рассмотря, докладывать его императорскому величеству».

Итак, программа действий герольдмейстера опубликована и узаконена. Однако Колычев, возможно обладающий организаторскими способностями и настойчивостью в проведении смотров дворян и определении их на служ-

бу, вряд ли обладал практическим навыком «ведения» гербов. Рисовать же их надо было срочно: требовалось изготовить новую государственную печать с гербом, новое государственное знамя.

Герольдмейстеру Колычеву требовался помощник — «товарищ». На ком остановить выбор?

12 апреля 1722 г. по личному указу Петра I на должность товарища герольдмейстера назначается Франциск Санти. По документам Герольдмейстерской конторы известно, что Санти «особливо был для сочинения гербов». Поскольку именно этот человек стоял у истоков русского герботворчества, он заслуживает, чтобы о нем рассказать поподробнее. Граф Ф. Санти, итальянец по происхождению, родился в 1683 г. в Пьемонте. Образование получил в Париже, где изучал историю и науки, «близкие к генеалогии». Потомки Санти в своей родословной отмечали, что он впервые встретился с Петром I в 1717 г. в Амстердаме. Санти в то время находился на службе в качестве обер-гофмаршала и тайного советника у ландграфа Гессен-Гомбурга. По тем же данным, Санти явился к Петру со своеобразным рекомендательным письмом от ландграфа, в котором тот «просил для Санти государевой помощи, на что государево мнение было объявлено, что государь в чем можно пособие лвить не откажется...». Через некоторое время Санти прибыл в Россию, но должность получил не сразу. Из заявлений Санти в Сенат видно: он ждал назначения на пост товарища герольдмейстера более двух лет, находясь «на собственном иждивении». И хоть, ожидая должности, Санти «партикулярное свое имение... истощил», тем не менее «со всякою верностью и ревностью» употребил «все возможное прилежание», чтобы наилучшим образом выполнить возложенные на него обязанности, ибо, как он сам писал, «воистину не ради великого или малого жалованья я сюда в государство приехал, но ради искреннего желания служить толь великому монарху...».

С первых же дней пребывания в новой должности Санти энергично принялся за организацию геральдических дел. Начинать приходилось практически с нуля. Сам Санти говорил, что его работа «не токмо трудна и мало заобычайна и в других государствах, в здешнем же государстве и весьма до сего часу, как известно, и не во употреблении была». Санти стремился, «канцелярию немедленно установить и основать», просил Сенат выписать «из чужих краев на разных языках» книги по геральди-

ке, просил дать переводчика, знающего итальянский, французский или латинский языки, составил справку «Известия, касающиеся до геральдики». Более конкретный план работы Санти изложил в документе, составленном в июле 1722 г.: «Проект Генерального регламента для Геральдической канцелярии». Вот как определял он непосредственную работу по составлению гербов: «Резной мастер и живописец будут формовать, начертать и писать или малевать герб его императорского величества, всех его королевств и царств, провинций, городов и все гербы шляхетские, которые будут вписаны или даны в оной канцелярии». Санти предложил и продуманный им штат Геральдической канцелярии, но Сенат предложенный состав значительно сократил, согласившись дать Герольдмейстерской конторе переводчика, резных дел мастера, одного живописца и одного ученика живописного дела.

Группа Санти, видимо, работала обособленно, с герольдмейстером и его делами была связана мало. Да и Санти не особо интересовала деятельность «по разбору шляхетства», он даже просил Сенат освободить его от ежедневного хождения на этот разбор: «...попозже я дела того не знаю... И между тем мог бы я то время лучше употребить к полезным вещам, которые составляют суть геральдики». Герольдмейстера мало заботило, в каких условиях работает его товарищ, каким образом рисуются гербы, поэтому Санти приходилось самому решать все вопросы по организации герботворчества. Он неоднократно просил Сенат отвести ему для работы над гербами отдельную светлую комнату, выделить дрова и свечи, назначить для охраны материалов (золота, бумаги, дорогих красок) специальных караульных солдат. Сенат переправлял распоряжения герольдмейстеру, но тот на запросы Санти отвечал отказом, «ибо не только означенному графу Сантию при Герольдической конторе отвести палату, но и настоящих дел отправлять негде. Тако и солдат в канцелярию Герольдмейстерскую особливо не определено». Как видим, занятие Санти и его помощников «настоящим» делом не считалось. Рисование гербов происходило на квартире Санти; деньги на покупки кистей, рамок, свечей, дров он выделял из своего жалованья.

К сентябрю 1722 г. Санти представил первую свою работу — рисунки и описание герба для государственной печати. Сохранилась копия этого описания: «Герб его императорского величества с колорами или цветами своими». Санти изобразил двуглавого орла с всадником на

груди, поражающим копьём дракона,— герб московский. Далее гербы Киева, Владимира, Новгорода, Казани, Астрахани, Сибирского царства, расположенные на крыльях орла. За основу Санти взял рисунки Титулярника, придав им строгую геральдическую форму. Согласно правилам западноевропейской геральдики, он несколько изменил размещение фигур в щите, использовал определенные цвета и металлы. Дабы оказать помощь переводчикам и всем, кто будет связан с герботворчеством, Санти разработал «лексикон блазонский» — геральдический словарь. Он предпринимал и другие шаги «к отправлению герольдмейстерской должности»: осматривал архивы в поисках родословных дворянских фамилий, для которых должен был составлять гербы, самолично подбирал живописцев, способных, по его мнению, быстро освоить сложное «геральдическое художество». Санти нашел себе преданного помощника в лице переводчика Ивана Васильевича Ардабьева. Ардабьев закончил Славяно-греко-латинскую академию, знал латынь, прекрасно владел французским, немецким, может быть, и другими иностранными языками. Он начал давать Санти уроки русского языка, и сам в то же время «несколько геральдике приучился».

Среди верных помощников графа Санти на долгие годы остались и взятые им для рисования гербов живописный мастер Иван Васильевич Чернавский и подмастерье Петр Александрович Гусятников. Судьба Чернавского была особенно трагичной. В прошении об отставке Чернавский писал, «что по несчастливой его науке и многих лет труда глазами мало видит и в голове великой лом, и такой тяжкий меленконий, что с великою трудностью тщательныя геральдическия дела отправляет и никакого за труды его порадования не имеет». Больной, почти ослепший от работы, Чернавский в 1744 г. был вынужден оставить работу в Герольдмейстерской конторе (а ведь ему не было и 50 лет!) в чине всего лишь титулярного советника с мизерной пенсией. В делах Герольдмейстерской конторы сохранилось несколько изображений гербов с надписью: «Рисовал Иван Чернавский». Это поистине бисерная искуснейшая работа! Сам Чернавский, перечисляя в прошении сделанную работу, отмечал, что с 1737 г. нарисовал 98 городских гербов да еще «городовых же и шляхетских 65 гербов».

В 1723 г. герольдмейстер с конторой пересезикает из Москвы в Петербург. Надо сказать, денежные средства

на содержание штата и нужды конторы были весьма скудными, отпускаясь крайне нерегулярно. Герольдмейстер и Санти постоянно обращались в Сенат с просьбой о выплате жалованья. За полгода герольдмейстер пять раз обращался в Сенат, надеясь получить деньги на приобретение телег, рогож, циновок для переезда конторы в Петербург, на покупку бумаги, чернил, свечей. Помещение, выделенное Сенатом для Герольдмейстерской конторы, оказалось полуразрушенным. Герольдмейстер И. Н. Плещеев писал в Сенат: «Отведены мне две палаты при Сенате, в которых велено быть канцелярии Герольдмейстерской, а по описи в тех палатах явилось на угольной палате, которая от Невы реки, переключина перегнила, также и оконниц и печи нет, в другой палате переключина перегнила ж и почти вся развалилась, оконниц половины нет...». В июне 1723 г.— новое послание Плещеева Сенату: «в герольдмейстерских делах не без остановки». Герольдмейстер не в состоянии выполнять указания Сената, поскольку «ведомости учинить не на чем, понеже бумаги ничего нет и купить не на что; а бумаги из Сената и денег не дают, и подъячих и дел отправить в Санкт-Петербург не на чем, и под дела телег и прочее купить не на что, також по указу из Сената велено старые разрядные и прочие дела описывать не на чем».

Герольдмейстер Плещеев ломал голову над решением организационных вопросов, а в это время Франциск Санти, несмотря на неблагоприятные бытовые условия, продолжал работу по рисованию гербов. Санти было поручено сделать генеральный герб, используя для него «гербы всех царств, королевств, княжеств и провинций Российского империя», которые должны были составить большой картуш (здесь: украшение, обрамление) государственного герба. В бумагах Санти осталось описание двадцати четырех гербов. Двадцать один из них был, видимо, составлен по изображениям эмблем Титулярника. Эмблем Эстляндии, Ливонии и Карелии в Титулярнике не было, и Санти обратился с просьбой к губернаторам о присылке ему рисунков гербов «с принадлежащими их цветами или с линиями, объявляющими разумение цветов». Он получил ответ только из Ревельской губернии. Был прислан рисунок «герба эстлянского», который якобы еще в XIII в. был здесь изобретен. Этот же герб приписывался и городу Ревелю (Таллину).

Создавая гербы областей, Санти творчески перераба-

тывал взятые за основу рисунки. Например, при подготовке белозерского герба он отмечал, что не знает, к сожалению, какие именно рыбы изображены на белозерской эмблеме Титулярника, посему вынужден рисовать произвольно. Работая над гербами Смоленска и Киева, Санти отмечал их иное изображение в польских гербовниках. Герб Лапландии, по мнению Санти, должен быть нарисован «на следующий манер: в красном поле дикий человек телесного (естественного.— *Н. С.*) цвета несет дубинку на правом плече, на голове венок». Кстати, по поводу этого герба Санти советовался с графом Брюсом, и они, по-видимому, сообща избрали эмблему для герба названной территории. Санти предстояло также составить гербы прикаспийских областей, Полоцка, Витебска, Мстиславля, «других доменов». Он отмечал с сожалением, что «они ему неизвестны».

Вся эта работа носит предварительный характер по сравнению с тем, что Санти и его группа предстояло сделать в два-три последующих года. «Настоящее дело» началось с сенатского указа, который поступил в Герольдмейстерскую контору в августе 1724 г. На нее возлагалась работа по созданию городских гербов Российского государства. В указе говорилось: «Для запечатования судных дел ... во всех судебных местах сделать печати, а именно: в губерниях и провинциях и городах, которые имеют гербы, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе и с оных отослать те рисунки для рассылки во все судебные места в Юстиц-коллегию».

Городской герб должен был помещаться не только на печатях судебных органов, но и на знаменах полков, расквартированных в городах. И раньше городские эмблемы помещались на знаменах петровской армии, а теперь это правило было узаконено вместе с признанием за эмблемами права называться городскими гербами.

Итак, создание городских гербов (в отличие от дворянских) становится делом государственной важности. Сообщения о начале работы над городскими символами рассылаются Сенатом в различные ведомства, которым предписывалось оказывать помощь Герольдмейстерской конторе. По указу Сената из архива Коллегии иностранных дел в Герольдмейстерскую контору передана «для списывания» книга, «в которой показаны Российского империя и чужестранных государств гербам рисунки». Однако этот гербовник, по-видимому упоминавшийся уже

Титулярник, не удовлетворил Санти: «Во оном суть только гербы главных государств и некоторых провинций российских, однакож к сочинению гербов всем городам тот гербовник недоволен, но для оного надлежит иметь некоторые, елико возмогут обрестися ведения о всякой губернии, провинции и городе порознь...».

Санти считал, что городской герб должен в своем рисунке отразить хозяйственную деятельность города, его место в политической жизни государства, территориальные и природные особенности, исторические события, наложившие отпечаток на его развитие. Поэтому он разработал список сведений, необходимых, с его точки зрения, для составления гербов. Вот какую информацию ждал Санти из разных городов:

1) «сколь давно и от какого случая или причины и от кого те города построены, каменные или деревянные или земляные, и от каких причин, какими именами названы, которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли какого собства»;

2) «и каждого из тех мест каких родов скоты, звери и птицы всем имена, а особливо где есть род какой партикулярной»;

3) «и самые те места гористыя или равныя, болотныя ли или сухия, степныя ли или лесныя и плодовитым древам партикулярным наипаче какой род»;

4) «какова хлеба в котором месте болши родитца»;

5) «и те города на морях или на каких озерах или реках и как их именования и в них каких родов партикулярных наипаче рыб обилие бывает»;

6) «и огородных и полевых и лесных овощей и всяких трав и цветов чего где болши родитца»;

7) «и в которых местах какие народы живут русския ли или татарския или иной какой нации и какова звания»;

8) «и которой город взят осадю или войною (здачею или добровольным подданством, сочинением или установлением мира) или иными какими случаями, какия возможно сыскати...».

В конце необходимо было указать, имел ли ранее город герб, и если имел, то прислать его рисунок или описание.

Как видим, анкета, по которой «город описан быть имеет», разработана Санти очень тщательно. Он чрезвычайно ответственно отнесся к предстоящей работе: каж-

дый из российских городских гербов, по его мнению, должен отражать специфику города. В нескольких городах Санти побывал и соответственно «оригиналам» гербов «отправил». Герольдмейстеру же объяснил, что «которых городов не знает и в них не бывал и о них никакой информации не имеет, по правилам геральдики оных гербов сочинить и отправить не может». Вот почему такие большие надежды возлагались на получение сведений с мест.

Однако интересующие Герольдмейстерскую контору сведения о городах поступали неодновременно и неравномерно. В октябре 1724 г. герольдмейстер Плещеев и товарищ герольдмейстера Санти обратились в Сенат с просьбой помочь им в скорейшем получении необходимых сведений. Они надеялись, что авторитет Сената сдвинет дело с мертвой точки.

...Не дождались Плещеев и Санти ответа из Сената. Запросы во все губернии и провинции были посланы ими «через почту» до 1 декабря 1724 г. Поступавшие ответы Ардабьев переводил, а затем с ними знакомился Санти.

Среди документов Герольдмейстерской конторы сохранились как сами доношения, так и реестры доношений, присланных с мест и переданных Санти. Сопоставив даты имеющихся доношений и реестров, можно сделать вывод, что к Санти попали сведения из следующих канцелярий: губернских — Казанской, Ревельской, Смоленской; провинциальных — Арзамасской, Пензенской, Вятской, Орловской, Устюжской, Ярославской, Костромской, Великолукской, Свияжской, Уфимской, Владимирской, Вологодской, Юрьев-Польской, Суздальской, Шацкой, Выборгской, Ингерманландской; из Киева, из Бахмутской крепости, из некоторых городов Московской губернии — Серпухова, Тулы, Калуги, Алексина, Белева.

В общем, доношений к Санти пришло не так мало. Правда, многие из присланных о городах «ведений» были весьма кратки, схематичны, в них нет ответа на все вопросы предложенной Санти анкеты. Причем на последний вопрос анкеты ответы приходили до удивления одинаковые: ни о каких прежних городских гербах большинство провинциальных канцелярий не знает. Даже Владимирская и Вятская канцелярии ответили отрицательно на вопрос, хотя эмблемы этих городов есть в Типулярике, изображены на полковых знаменах. В доношении из Сибирской губернии сообщалось: в ближайшее время требуемых сведений прислать невозможно, «понеже в Сибирской губернии город от города в дальном рас-

стоянии и посланные возвращаются через годичное время».

Смоленск прислал рисунок «городовой» печати: «Пушка с птицей гамаюн, вокруг надпись „Печать царского величества княжества Смоленского“». В других же городах Смоленской губернии, как сообщалось в доношении, «никаких печатей и гербов не обрывается».

Какие же города прислали сведения о гербах? Прежде всего прибалтийские, такие, как Ревель (Таллин), Нарва, Выборг. Описания гербов, данных городам еще при шведском владычестве, сопровождались рисунками. Очень четко ответили из Ярославля: «В Ярославской канцелярии прежний герб имеется воеводского правления и оной герб и в городе» (вспомним царский указ 1692 г.). Утвердительно о гербе города сообщили из Уфы и Казани, причем в обоих случаях прислали описания печатей. Вот, например, что написали из Уфы: «В городе Уфе герб имеетца, нарисована на серебре куница весом (имеется в виду печать.— Н. С.) полчетверта золотника позлащена, которая прислана в Уфу при грамоте из Казанского дворца».

Знали о своих гербах Киев, Чернигов и другие украинские города. Знали, но не употребляли; ссылались на то, что в Москве их «гербы имеются».

Увы! На этом сведения о гербах городов России и заканчиваются. Заметим, что спустя 50—60 лет почти ни одно описание русского города не обходится без сведений о его гербе. Но об этом ниже.

В какой мере использовал Санти присланные «ведения» о городах для составления их гербов? Какие городские гербы нарисованы под его руководством?

Если бы рисунки сохранились... Однако ведь они были!

В делах Герольдмейстерской конторы встречаются сведения, позволяющие восстановить работу Санти по созданию гербов, в том числе и городских. К ним принадлежат прежде всего опись рисунков и бумаг, составленная на квартире у графа Санти после его ареста секретарем Герольдмейстерской конторы С. Исаковым; показания живописцев И. Чернавского и П. Гусятникова, сохранивших художественное наследство своего наставника и рисовавших по проектам Санти гербы уже после его ареста.

Художественное наследство Санти было немалым. Опись включает прежде всего сборник гербов из 97 рисунков — «Книга гербов российских и провинциальных, по губерниям вновь компанованных»; несколько десятков

рисунков гербов оказались сшитыми в отдельную тетрадь — «Тетрадь гербов провинциальных же 35»; часть рисунков существовала на отдельных листах, в разрозненном виде — «Компанованных гербов провинциям и монастырям белых (не цветных.— Н. С.) — 31». Среди бумаг Санти имелись рисунки гербов для полковых знамен, зарисовки государственного герба, около двух десятков черно-белых дворянских гербов (сам Санти «скомпановал» гербы барону Строганову и Демидову) и т. д. Здесь же находилась печатная книга в 540 страниц, по одним сведениям — на немецком, по другим — на французском языке. И. Чернавский «объявил, что та книга регулов герольдических, а она де книга собственная графа Сантия».

Реестры гербов, сочиненных Санти, в разных вариантах в разные годы «объявлялись» то П. Гусятниковым по запросу Сената, то Герольдмейстерской конторой по просьбе заинтересованных ведомств.

Все-таки сколько же было среди них гербов территориальных — земель, княжеств, наконец, городов? Кто-то в Герольдмейстерской конторе подсчитал, что Санти сочинил «провинциальных и городовых 137 гербов» «да к сочинению провинциям и городам гербов назначено 220 мест, а гербов не нарисовано». Данные сведения не совсем точны: из тщательного сопоставления различных реестров выплывает цифра 97, включающая названия городов и областей, чьи гербы сочинил, исправил, нарисовал по правилам геральдики граф Франциск Санти в бытность свою товарищем российского герольдмейстера. Мы не ставим своей задачей перегрузить память читателей, но тем не менее нам хочется перечислить эти гербы: герб российский; гербы областей и городов, упоминаемые в Титулярнике, — московский, киевский, владимирский, новгородский, рязанский, тверской, ростовский, ярославский, смоленский, вятский, казанский, астраханский, сибирский, псковский, пермский, нижегородский, черниговский, белозерский, югорский, удорский, обдорский, болгарский, кондинский, кабардинский, карталинский, иверский, грузинский, черкасский; гербы прибалтийские и других присоединенных земель — лифляндский, ингерманландский, эстляндский, корельский, филяндский, ямбургский, дерптский, рижский, венденский, Выборгский, Ревельский, перновский, эзельский; гербы русских и украинских городов — Коломны, Костромы, Юрьева Польского, Алексина, Серпухова, Суздаля, Тулы, Санкт-Петербурга,

Кронштадта, Великих Лук, Старой Русы, Старицы, Пошехонья, Орла, Повосиля, Белева, Воронежа, Олонца, Уржума, Саранска, Царицына, Шлиссельбурга, Торопца, Ладуги, Торжка, Зубцова, Углича, Романова, Мценска, Черни, Болхова, Бахмута, Архангельска, Вологды, Пензы, Уфы, Арзамаса, Саратова, Полтавы; гербы сибирских городов — Тары, Пелыма, Сургута, Кузнецка, Кеца, Красного Яра, Илима, Нерчинска, Тобольска, Верхотурья, Березова, Нарыма, Томска, Енисейска, Маггаззи, Якутска.

Если сопоставить этот список и «ведения» из городов, присланные до июня 1727 г., когда Санти был арестован, то можно сделать вывод: в его руки могли попасть данные практически по всем названным городам и областям. Исключение составляют несколько прибалтийских городов, города Новгородской губернии, а также Углич, Полтава, Царицын. Сведения о них Герольдмейстерская контора получила уже после ареста и отстранения Санти от дел. Как же он мог их сочинить или подправить? Пожалуй, возможны два объяснения: либо их включили в реестры «Сантисвых гербов» потом, спустя несколько лет, и в действительности он не имеет к этим гербам никакого отношения, либо Санти составил данные гербы без «ведений» с мест. В списке нет гербов городов Свияжска, Севска, Муромы, Рыльска, а сведения о них Герольдмейстерская контора получила задолго до ареста Санти. Не исключено, что сведениями воспользовались через несколько лет последователи первого составителя гербов.

Санти, конечно же, черпал сведения при составлении городских гербов не только из присланных городских описаний. Еще в первый год своей работы, как мы уже говорили, он познакомился с Титулярником. Отсюда им позаимствованы гербы Новгорода, Астрахани, Рязани, хотя сведений о названных городах он так и не дождался. А города Сибири, каким образом они получили свои гербы от Санти? По-видимому, здесь сыграли свою роль существовавшие печати, изображения на которых устанавливались законодательством еще в XVII в. Наконец, при составлении гербов Санти, бесспорно, знакомился со сборником эмблем различных городов, помещенных на военных петровских знаменах еще в 1712 г. Он мог эти эмблемы сделать гербами, придав им геральдическую форму; например, такие гербы, как ростовский, каргопольский, смоленский. В сохранившихся перечнях гербов отмечается, что Санти «приложил к ним руку». Однако

те же эмблемы имеются и в петровском знаменном сборнике. Значит, Санти просто исправил их со знанием дела, т. е. привел в геральдическое соответствие цвета и металлы.

Эмблемы трех городов из знаменного сборника Санти вообще изменил. На знаменах Санкт-Петербургских полков красовалась эмблема — золотое пылающее сердце под золотой короной и серебряной княжеской мантией. Санти посчитал, что для столицы Русского государства, морского и речного порта, более приличным будет другой герб: «Скипетр жолтой, над ним герб государственный, около него два якоря серебряные, поле красное. Сверху корона императорская...». Архангельская эмблема изображалась на знаменах 1712 г. в виде всадника на крылатом коне, поражающего копьем змея. Очень уж она напоминала в таком виде московскую эмблему, да из Титулярника была известна Санти почти такая же — грузинских и карталинских царей. Он записал ее архангелом в синем одеянии с огненным мечом и щитом, который поражает черного дьявола, поле желтое. Эмблема сразу «заговорила»: архангел — Архангельск. Еще один «говорящий» герб — Шлиссельбурга (ключ-город). На петровских знаменах эмблемой города была колонна с якорями. У Санти же: «Ключ золотой под короною императорскою золотою... внизу крепость белая, поле синее».

Как работал Санти с присланными «ведениями» о городе? Сопоставим гербы городов, приписываемые творчеству графа Санти, с присланными известиями об этих городах. Например, герб Белева: в голубом поле стоящий ячменный сноп, из которого выходит пламя. Эмблема достоверно отражает сведения, присланные из Белевской провинциальной канцелярии. В доношении говорится о большом пожаре, случившемся незадолго до пересылки сведений о городе. Пожар уничтожил «посацких людей многие дворы», а также «замок рубленой весь сгорел». В гербе Серпухова Санти поместил павлина, распутившего оперение. Почему? Можно по этому поводу строить всевозможные догадки, что, кстати, и делалось неоднократно: здесь и пышный павлиний хвост, олицетворяющий многоцветье красок на тканях, выпускаемых серпуховскими мануфактурами, и зоркий взгляд павлина, чуткой птицы, символ города — форпоста у южных границ Московской губернии, и славное напоминание о победе над гордым врагом. В действительности все обстояло проще. Герольдмейстерская контора получила из Серпухова

ответ на запрос об особенностях данного города. Серпухов отличался от других «близколежащих мест» тем, что «в монастыре одном родятся павлины». На полях этого сообщения имеется помета: «Переведено». Фраза о павлинах подчеркнута. Вероятнее всего, Ардабьев перевел текст для Сапги и тот, исходя из реальных сообщений, поместил в гербе Серпухова павлина.

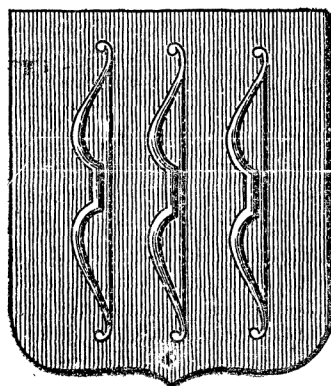
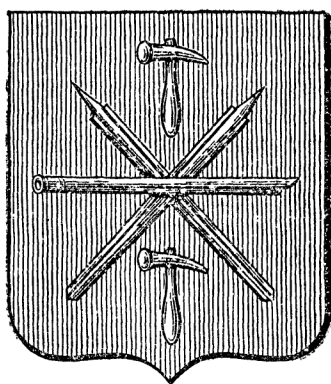
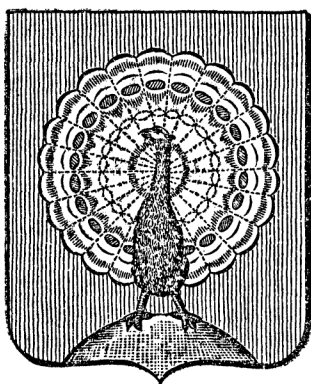
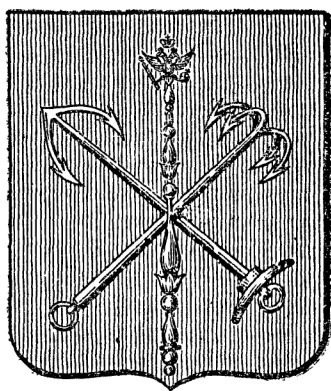
В гербе города Старицы видим идущую с костылем женщину. Название города происходит либо от имени реки, на которой построен город, либо от местоположения города (из доношения: «город Старица построен изстари между реки Волги да речки Верхней Старицы...»). Однако в доношении не случайно фигурирует слово «изстари». Фигуру женщины с костылем можно трактовать как картинное выражение понятия старости, символизирующее многолетнюю историю города, что вполне соответствует его «состоянию».

В гербе города Торопца центральная фигура — деревянная башня, на которой лежит золотой лук. Во время создания герба город принадлежал к Великолуцкой провинции — по-видимому, отсюда и появился лук. А из описания города явствует, что достопримечательностью его была построенная «в прошлых годах стена деревянная з башнями...».

В присланном из Тулы описании сообщается, что на берегу реки Упы построен завод, где изготавливаются «фузейные и пистолетные стволы и штыковые трубки». Эти сведения отражены в рисунке тульского герба: «В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных ипаяжных клинках, лежащих наподобие андреевского креста, концами вниз, серебряный ружейный ствол, вверху же и внизу по одному молоту золотому. Все сие показывает примечания достойный и полезный оружейный завод, находящийся в сем городе».

О городе Черни, как и о других городах Орловской провинции, сообщалось, что назван он по имени реки, на которой стоит. В гербе города Сапги изобразил черносинюю полосу. Это река Черная, «сей цвет доказывает ея глубину».

Порой ведомости из городов отличались особой скудостью, из них трудно было выбрать данные, подчеркивающие специфику города, и воплотить их в герб. В таких случаях Сапги пользовался широко распространенным приемом: в гербе отражалось название города. Так появились в России «говорящие» гербы. По этому прин-

Гербы городов (Архангельск, Санкт-Петербург (верхний ряд), Серпухов, Тула (средний ряд), Великие Луки (внизу)), составленные Ф. Санти

ципу создан герб Великих Лук (в красном поле три больших золотых лука), Зубцова (в красном поле золотая стена с зубцами). В распоряжении Санти была «книга регулов геральдических», которым он следовал при создании гербов. Видимо, именно из этой книги пришли геральдические фигуры в гербы городов Алексина («в червленом поле две златые палицы Геркулесовы, накрест положенные толстыми концами вверх»), Арзамаса («в золотом поле два стропила, одно из которых красное, а другое зеленое»), Торжка («в голубом поле три серебряные и три золотые голубя, имеющие красные ошейники»), Юрьевца («в лазуревом щите с золотою оконечностью (геральдическая фигура.— Н. С.) серебряная башня с отверстыми воротами»).

Итак, пиоземец Франциск Санти творчески подошел к составлению русских городских гербов. Он создавал их рисунки или на основе имеющихся в России и известных ему эмблем, или точно следуя описанию города, его достопримечательностям, о которых сообщалось в ответах на запросы Герольдмейстерской конторы. В результате городская эмблема являлась знаком определенного реального города, несла в себе конкретную информацию о городе.

Деятельность Герольдмейстерской конторы, как бы мы теперь ее определили, протекала в рамках программы по сбору сведений о русских городах. Еще одно учреждение — Главный магистрат (высший орган городского управления в России), созданный по распоряжению Петра Великого, — занималось сбором данных о каждом городе.

Для своей анкеты Санти заимствовал даже некоторые пункты формуляра, «по которому город с надлежащими обстоятельствами описан быть имеет», входящего в «Регламент Главного магистрата».

Эти действия, внешним выражением которых была и герботворческая работа Санти, явились отражением политики русского правительства в отношении городов, своеобразной констатацией факта, что город является самостоятельной экономической, административной и культурной единицей. А включение в анкету вопроса о гербе города, вероятно, должно было отражать и восприятие его как определенной самоуправляющейся единицы.

Преемники Петра I аннулировали даже то номинальное самоуправление, которое было предоставлено русским городам. В 1727 г. городские магистраты вновь оказались

в подчинении царских губернаторов и воевод. Через год ликвидируется Главный магистрат.

Составление городских гербов откладывается на неопределенное время, тем более что и деятельность Ф. Санти заканчивается весьма печально. Превратности его судьбы, хоть и не имеют отношения к герботворчеству, заслуживают, на наш взгляд, внимания.

После того как в 1725 г. скончался император Петр I, Екатерина пожаловала Санти звание обер-церемониймейстера, но вскоре Санти был неожиданно заподозрен в причастности к антиправительственному заговору. 27 мая 1727 г. был объявлен «манифестъ о винахъ Литона Девіера съ товарищами». Им предъявили обвинение в намерении лишить престола Петра II и передать власть герцогине голштинской Анне Петровне. Среди участников заговора был и граф П. А. Толстой, с которым сблизился Санти. Этого обстоятельства, по-видимому, было достаточно врагу графа Толстого, всецельному А. Д. Меншикову, чтобы без суда и следствия сослать Санти в Сибирь. 3 августа 1727 г. Меншиков написал сибирскому губернатору князю М. В. Долгорукому письмо, в котором было сказано: «Понеже де обер-церемониймейстер граф Санти явился в важном деле весьма подозрителен, того ради его имп. величество указал его отправить из Москвы в Тобольск, а из Тобольска в дальнюю сибирскую крепость и содержать его там под крепким караулом, дабы не ушел». Графа Санти переправили в Якутск, откуда в 1731 г. он был отослан в Верхотенский округ. Там Санти провел три года, а в 1734 г. «был взят в Иркутск», по-видимому, самовольно иркутским вице-губернатором. Однако об этом стало известно в столице, после чего в Иркутск пришел высочайший указ перевести государственного преступника Ф. Санти в Средний Вилюйский острог, где его содержать под «крепким караулом», причем приказано было не давать ему ни чернил, ни бумаги и «никого к нему не пускать». Впрочем, в указанный острог Санти не попал, а был отправлен в 1738 г. в Усть-Вилюйское зимовье. Условия жизни там были ужасные. Они достоверно описаны в донесении караульного солдата, приставленного к Санти. Донесение подано в Сибирский приказ, а оттуда впоследствии поступило в Сенат: «Тот Сантій и караульные, подпрапорщик и солдаты, обретаются при том зимовье и от тамошняго пустыннаго места и от недовольнаго к житію строения, живут с ним, Сантием, во всеконечной нужде, поспеже в

том зимовье, кроме одной юрты, никакого строения нет, да и та де ветхая и без печи; и в зимнее время жить с великою нуждою и хлебов печь негде, отчего де оный подпораник и солдаты и с ним, Сантием, без печеного хлеба претерпевают великий голод и принуждены иметь себе пропитание весьма пужное, разводя муку на воде, отчего де солдаты всегда больны и караул содержат с пуждою... а в прочия де места перевезть его, Сантия, невозможно, понеже места безмерно отдаленныя и ко оным де пути, через многие пустыни и горы, и болота, многотрудныя...». Так как содержание графа Санти в столь отдаленной местности оказалось затруднительным, то было принято решение перевести его в Енисейск. Там Санти провел еще несколько лет, и лишь указом от 28 августа 1742 г. ему был возвращен прежний придворный чин обер-церемониймейстера, позднее пожалован титул действительного тайного советника. Опала и ссылка кончились.

Так сложилась судьба пьемонтского дворянина, графа Франциска Санти, с личностью которого связаны первые шаги «геральдического художества» в России.

Глава IV

ГОРОДСКОЕ

«ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ХУДОЖЕСТВО»

СЕРЕДИНЫ XVIII в.

После удаления Ф. Санти от должности составление городских гербов в России находилось, по утверждению Сената, «не без остановки». Во всяком случае, в переписке 40-х годов Герольдмейстерской конторы с Сенатом по поводу городских гербов звучит минорная нота: «Они и поныне не опробованы, и в тех гербах, в которых какая фигура изображена какова ради случая, тому описание не учинено». Дело, конечно, было не в аресте «художественного руководителя» Герольдмейстерской конторы, хотя и этот факт сыграл свою роль: рисовать гербы практически было некому. Вместе с Санти от сочинения гербов «отбыл» Иван Ардабьев, который был «сыскан» только в 1731 г.; рисовальщики также покинули Герольдмейстерскую контору — их «отпустили в дом» на неопределенное время. Все же основная причина отказа от городского герботворчества крылась в изменении городской поли-

тики. Едва народившиеся органы городского самоуправления при преемниках Петра I превращаются в придаток местной царской администрации. Однако идея символа города не исчезла из русской жизни. Мы это утверждаем на основании тщательного сбора сведений о рисунках и изображениях городских эмблем, появившихся именно во вторую треть XVIII в., когда, казалось бы, создание городских гербов должно было заглухнуть совсем.

Городские гербы перешли в другие ведомства. Вместо Герольдмейстерской конторы ими начали заниматься Военная коллегия и Академия наук.

Почему Военная коллегия? Вспомним, что еще в 1712 г. для военных нужд был составлен знаменной гербовник. Поскольку Военная коллегия придерживалась петровских традиций, продолжив размещение полков на вечные квартиры по провинциям и переименование их по названиям городов, где они стояли, вопрос об изображении гербов городов на полковых знаменах не отпал. Военная коллегия в феврале 1727 г. возложила подготовку проектов новых знамен на Санти. До ареста Санти сделал рисунки согласно присланному реестру полков, знамена для которых были необходимы. Во всяком случае, Герольдмейстерская контора в декабре этого же года отослала в Военную коллегию «Знаменам гербовник на 22 листах, в них разных полков 43 герба». Отмечалось: «Оные рисунки гербам, что сочинил Сантий».

Дальнейшие требования подобного характера Герольдмейстерская контора удовлетворить уже не могла. Как оказалось, она не имела не только рисовальщиков, но и результатов их труда: куда-то исчезли рисунки гербов, подготовленные при Санти, «ведомости о городах», книги по геральдике. В панике герольдмейстер И. Н. Плещеев бросился на розыски исчезнувшего Ардабьева: может быть, он знает что-либо об этих материалах?

Отысканный через четыре года бывший секретарь Ф. Санти заявил, что все доношения, присланные «из губерний и провинций, и городов к сочинению гербов городам», он по приказу графа Санти отдал обер-секретарю Сепата Ивану Кириловичу Кирилову. Для чего они требовались последнему, расскажем ниже. Рисунки гербов, по-видимому, хранили объявившиеся позднее художники Герольдмейстерской конторы Чернавский и Гусятников. Ардабьев знал, что составлен реестр гербов, а насчет книг по геральдике мог сказать и того меньше: о книгах, «какие, когда граф Сантий во оную контору с

собою из своего дома принашивал, он, Ардабьев, не знает; а какие Сантий с собою принашивал, оные через некоторое время с собой пес обратно».

Убедившись, что Герольдмейстерская контора не в состоянии в короткий срок составить для знамен необходимое количество городских эмблем, Военная коллегия была вынуждена искать иные пути для их создания. К рисованию гербов ею привлекается, например, художник — «малярный мастер» Георг Гзель. Затем к делу создания знаменного гербовника подключается генерал фон Миних, который взял составление гербовника в свое ведомство — Контору инженерного правления.

Здесь под руководством обер-директора над фортификациями всей России графа Б. К. Миниха и при участии живописца Андрея Баранова был составлен гербовник. В него вошли рисунки для 85 полков по названию городов (см. вклейку). Рисунки сопровождаются реестром гербов и их описанием. Около каждого рисунка помечалось, что герб составлен «по старому», «против старого», «против нового», «против последнего Сантиева». Видимо, при составлении данного гербовника использовались и более ранние рисунки гербов... Подтверждение тому — обнаруженный в делах Герольдмейстерской конторы список переданных Миниху вспомогательных материалов. Это «старый малеванный без красок по титулу» гербовник (гербы из Титулярника 1672 г.), «старый, по которым знамена имеются» (гербовник знамен петровского времени), а также «который рисовал Сантий с красками», «который рисовал Сантий же, против вышеписанного мелкий, по два герба на странице». В подлиннике были переданы рисунки городских гербов, присланные из Риги, Ревеля, Парвы, Выборга, Пернова, Вепдена, Дерпта, и некоторые другие.

Из перечня вспомогательных материалов видно, что в распоряжении составителей нового знаменного гербовника были отнюдь не все подготовленные Санти проекты городских гербов. Неизвестными оставались существующие изображения на городских печатях. Например, в материалах, переданных Миниху, не встречается упоминания об уфимской, томской печатях. Именно поэтому рисунки вновь созданных гербов — уфимского (бегущая лошадь вместо бегущей куницы), а также томского (рудокоп вместо пушных зверей) — не соответствуют изображениям на печатях названных городов. В то же время рисунок печати Орловской провинции прилагался к подго-

товительным документам, поэтому эмблема города Орла из гербовника идентична изображению на печати.

Более 30 новых городских эмблем родились на страницах нового знаменного гербовника. Среди них — брянская, великоустюжская, дорогобужская, самарская, елецкая и др. (см. таблицу в гл. VII).

Гербовник в 1729 г. рассмотрел Верховный тайный совет (по-видимому, утверждение знаменного гербовника приравнивалось к важнейшим государственным делам), а в следующем году Военной коллегии было отдано распоряжение применить его на практике — изготовить знамена с гербами городов согласно утвержденным рисункам.

Прошло несколько лет с момента появления нового знаменного гербовника, и вновь перед Военной коллегией встал вопрос о составлении гербов для полковых знамен. На сей раз речь шла о слободских полках, для которых предстояло сделать новые знамена с гербами. Указ от 31 июля 1734 г. предписывал, «каким гербам быть, оные велено сочинить в Военной коллегии и герольдмейстеру... Також и на полковых печатях вырезать гербы того ж определения...». Теперь Военная коллегия потребовала от Герольдмейстерской конторы самым категорическим образом, «чтобы к сочинению тех гербов потребные ведомости присланы были в Военную коллегию немедленно». Новый герольдмейстер П. А. Квашнин-Самарин оказался в полной растерянности: в Герольдмейстерской конторе не осталось ни рисунков с гербами, ни живописцев, способных таковые рисунки изготовить. Пока он посылал запросы в разные ведомства, разыскивал бывших сотрудников Герольдмейстерской конторы, сведущих в гербах, Военная коллегия нашла еще одно учреждение, имеющее, по ее мнению, отношение к сочинительству гербов. Этим учреждением была Академия наук, а в ней геральдику «ведал» волею случая иностранец И. С. Бекенштейн. Имя для нас пока новое...

Иоганн Симон Бекенштейн, «разных прав дохтур» Кенигсбергского университета, приехал в 1726 г. по приглашению первого президента Петербургской Академии наук Л. Л. Блюментроста в Россию в качестве профессора юриспруденции. С ним, как и с другими иностранными профессорами, приглашенными в только что открытую Академию наук, был заключен контракт сроком на пять лет. Первоначально предполагалось, что Бекенштейн «о праве публичном и о истории нынешнего времени на-

учит, также и о институтах права Юстиниана цесаря, буде слушателям полюбится, тщание иметь будет». Однако незнание им русской правовой специфики (в программе курса, составленной Бекенштейном, читаем: «Натуральное право. Права общие Германской, или Немецкой, империи. Описание, как в судах обыкновенно поступать; причем... имея тщание и о лифлянтских и эстлянтских правах показание чинить; а о российских мне весьма неизвестно»), оторванность преподаваемой им науки от реальной действительности крайне ограничили круг людей, пожелавших у него обучаться. В основном это были «чужестранцы», «некоторые дети, от иноземцев в России рожденные», а из «русской нации,— писал Бекенштейн,— у меня в обучении никого не бывало, и для того учения никто ко мне не явился ж». В конце концов он пришел к печальному выводу: в России от него «малая происходить может польза».

Однако самокритика не отменяла контракта, и Бекенштейну пришлось изменить амплуа. Он начал преподавать «вспомогательные исторические дисциплины»: «Показание о ландкартах, и притом особливо... о изъяснении персидской ландкарты. Показание о настоящем употреблении курантов или ведомостей, причем же особливо же показана приходящая от того в науках о генеалогии [родословии] польза. Показание о герольдии, или описание гербов...». По его собственному заявлению, о последних у него были весьма скудные познания: «Я в сем деле (составление гербов.— *Н. С.*) великим искусством хвалиться не могу, понеже я никогда особливого старания в герольдике не имел... и никогда профессором геральдики не бывал, сюда не за тем призван, как то академические протоколы и мое призывание засвидетельствовать могут». Однако, несмотря на такое признание, Бекенштейн считался главным консультантом в области эмблем и гербов. С 1727 г. он работал над книгой по геральдике. Бекенштейн писал эту работу в течение нескольких лет, зачитывал ее отдельные части «вместо диссертаций или рассуждений академических» на «конференциях» профессоров Академии наук. В книге в форме вопросов и ответов излагаются самые общие сведения о дворянских гербах. Автор знакомит читателя с понятием «герб» (дворянский), подчеркивая его социальную сущность (гербами обладает привилегированная часть общества, они передаются по наследству, при помощи гербов не только один род отличается от другого, но и выделя-

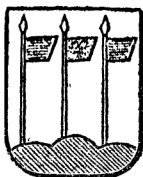
ются более знатные роды). Много внимания в книге уделено описанию составных частей герба, формам щита, изображаемым на нем фигурам, геральдическим цветам и пр. Словом, Бекенштейн представил теорию геральдики на манер аналогичных трудов, существовавших в Западной Европе. Под названием «Kurtze Einleitung zur Wappenkunst und zur Art des Blasonirens» («Краткое введение в геральдику и в искусство составления гербов») эта хорошо иллюстрированная книга напечатана в Петербурге в 1731 г. Перед выпуском ее из канцелярии Академии наук сообщили президенту: «У нас будет скоро готова геральдика. Дело останавливается только за государственным и провинциальными гербами, которые, по мнению Бекенштейна, должны быть непременно в подобном сочинении... через это книга сделалась бы значительнее и заманчивее». В Герольдмейстерскую контору о недостающих гербах посылались запросы, оставшиеся без ответа. Лишь через несколько лет «материалы для разсмотрю» и добавления к уже вышедшей книге Академия наук получила — речь идет о разысканном художественном наследстве Ф. Санти. Однако Бекенштейн им уже не воспользовался, по-видимому, из-за выполнения других оказавшихся очень многочисленными обязанностей: Бекенштейн принимал участие в подготовке торжественных иллюминаций, давал рекомендации по поводу изображения символических фигур, украсивших здание Академии наук, исполнил рисунки нескольких печатей, участвовал в создании знамен для морских полков. Естественно, создание гербов для знамен слободских полков было поручено именно ему. По мнению самого Бекенштейна, «сие дело до Герольдс-конторы принадлежит», но поручение он выполнил, представив свое «мнение» о знаменах слободских полков, расквартированных в городах Сумы, Харьков, Изюм, Ахтырка, Острогжск, а также описание и рисунки гербов, которые могли изображаться на знаменах этих полков. В помощь Бекенштейну было прислано описание названных пяти городов, но, видимо, крайне невыразительное, без указания на особенности каждого города. Бекенштейн надеялся о состоянии городов найти «в помянутой ведомости некоторые известия, но очень мало полезного увидел, потому что о первом тамошнем городе немного упомянуто, а о прочих четырех объявляется, что они в таких же обстоятельствах находятся, как и первый».

К ноябрю 1734 г. Бекенштейн отослал сочиненные

№1

№2

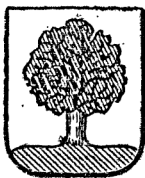
№3

№4

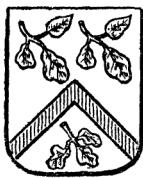
№5

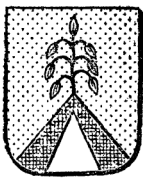
№6

№7

№8

№9

№10

№11

№12

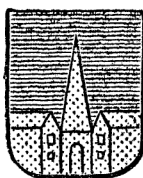
№13

№14

№15

№16

Рисунки гербов для знамен слободских полков, расположенных в городах Сумы, Харьков, Ахтырка, Изюм, Острогжск, сочиненные И. С. Бекенштейном

гербы в Военную коллегия. Гербы он старался составить «по состоянию тамошних мест», насколько это было возможно сделать, исходя из «ведомостей о городах». Например, «о городе Суме написано, что он сделан земля-

№ 17

№ 18

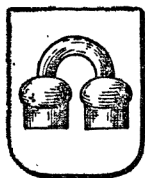
№ 19

№ 20

№ 21

№ 22

№ 23

№ 24

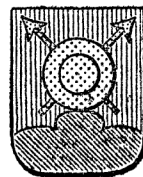
№ 25

№ 26

№ 27

№ 28

№ 29

№ 30

№ 31

№ 32

пой на гористом месте, чего ради можно башню на горе представить, за которую две сабли накрест положенные видны, или несколько на холмиках поставленных знамен, или такожде орла, на горе сидящего». Для города Сумы Бекенштейн предлагал 14 вариантов герба. Он сочинил их, используя сведения о местоположении города, природных условиях, животном и растительном мире. Любой из этих рисунков мог стать, по мнению Бекенштейна, гербом города.

№ 33

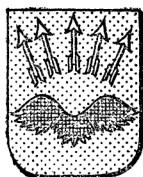
№ 34

№ 35

№ 36

№ 37

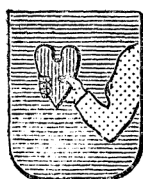
№ 38

№ 39

№ 40

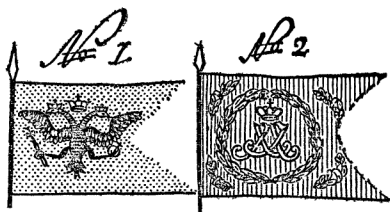
№ 41

Рисунки гербов для знамен слободских полков, расположенных в городах Сумы, Харьков, Ахтырка, Изюм, Остро-гожск, сочиненные И. С. Бекенштейном (Окончание)

Следующие гербы Бекенштейн сделал «говорящими», отразив в них название городов. Первый — герб Остро-гожска: «Острог пазывается палисадами окруженное место. Чего ради можно представить стену из палисадов, над которою государственный орел изображен». Второй — герб города Изюма: «По знаменованию города Изюма можно употребить виноградные кисти, или человека, одною рукою на плече саблю, а другою виноградную кисть держащего». Когда Бекенштейн узнал, что города эти пограничные, он предложил еще несколько вариантов гербов: закрытые ворота, защищаемые двумя стоящими по обеим сторонам вооруженными людьми; пирамида с государственным орлом и двумя накрест положенными саблями; стоящий на горе щит, за которым два копья накрест положены; рейтар между двумя горами, две поднятые руки, левая с железами, а правая с мечом «для изъявления тому, что татарское порабощение саблею от-вращается», и др. Некоторые из сделанных Бекенштей-ном рисунков должны были отражать «свойства народа»,

аристократический орелъ
 и т. п. ~~Аб. 1.~~ ахъ прогнх
 инъ вензлатое нмья Ея
 атторснато велмъ едла
 едлено быти, ~~Аб. 2.~~ оноу
 похмья моретнх съ
 и прѣгомъ зѣвланнм
 енѣямъ быти золотѣе,
 и моретнх разнѣмъ

Фрагмент «мисния» И. С. Бекенштейна
 с рисунками гербов для знамен

живущего в данных городах: «верхом сидящего казака»; «человека по пояс, который копьё на плече держит и лошадь за узду ведет»; вооружение жителей — две накрест положенные сабли; «храбрость сего народа» — львиная лапа, держащая сердце.

Забегая вперед, отметим, что составленные Бекенштейном рисунки гербов для знамен пяти слободских полков, по-видимому, так и остались на бумаге. Герольдмейстерская контора в 1781 г. записала, что проекты гербов этим городам ей для рисования не присланы. Между тем в Герольдмейстерской конторе уже был составлен герольдмейстером князем М. М. Щербатовым новый гербовник для военных знамен. В него вошли и названные слободские полки. Однако гербы для их знамен имели совсем другой вид.

Военная коллегия делала попытку обратиться в Академию наук по поводу составления гербов для полковых знамен и в последующие годы. В 1736 г. она требовала «по званию и приличности мест, по правилам герольдическим» нарисовать гербы девяти ландмилицким украинским полкам: Старооскольскому, Новооскольскому, Ефремовскому, Борисоглебскому, Белевскому, Валуйскому, Ливенскому, Ряжскому, Слободскому.

Таким образом, в Военной коллегии под влиянием насущной потребности помещать изображение городского герба на знаменах полков сосредоточились рисунки многих городских гербов. Во всяком случае, Герольдмейстерская контора в годы вынужденного бездействия неоднократно обращалась в Военную коллегия за помощью. Она просила прислать ей то знаменной гербовник, то сведения о наличии у того или иного города герба.

Созданные для нужд военного ведомства отличительные знаки городов мало использовались в городской практике. В 30-е годы XVIII в. лишь в отдельных городах

имеются печати с изображением герба, например в Пскове, Астрахани. Но свидетельству провинциальных канцелярий, в городах Владимир, Переяславль Рязанский, Вятка, Коломна, Тула, Рыльск и других в делопроизводстве пользовались печатями без городского символа. А изображение его уже имелось в знаменном гербовнике.

Так что же, «город» и «герб» остаются для России несовместимыми понятиями? Нет, медленно, но неуклонно наблюдается отождествление герба с городом как с особой самостоятельной административной единицей. Рассмотрим это явление на примере Оренбурга. В 1735 г. на крайнем юго-востоке европейской части был заложен сильный опорный пункт, имеющий важное экономическое, политическое и стратегическое значение. При его помощи здесь укреплялись позиции России. Он способствовал развитию торговли с восточными странами и служил крепостью, форпостом, охраняющим эти земли от набегов местных феодалов. Построенный на реке Ори город вскоре перенесли в другое место и назвали Оренбургом, а на месте первой закладки вырос город Орск. Законодательный правительственный акт предоставил Оренбургу некоторые права общественного управления. В числе привилегий, пожалованных новозаложенному городу, упоминается особая магистратская печать, описание которой имеется в «Привилегии городу Оренбургу», данной 7 июня 1734 г. Активное участие в разработке ее символики принял И. К. Кирилов, руководивший Оренбургской экспедицией. Кирилов, выходец из низших слоев общества, благодаря своим незаурядным способностям, неутомимой энергии и разносторонним знаниям быстро поднялся по служебной лестнице от простого письмоводителя до обер-секретаря Сената. За службу получил потомственное дворянство.

В 1727 г. он закончил свой выдающийся труд «Цветущее состояние Всероссийского государства», в котором впервые было дано полное историко-географическое и экономико-статистическое описание России. При написании своего труда он воспользовался сведениями о городах, присланными в Герольдмейстерскую контору в ответ на анкету Ф. Санти. Вспомним: ему эти сведения передал Ардабьев — секретарь Санти.

Официальное составление гербов еще только начиналось, когда Кирилов трудился над своей книгой, поэтому он при описании города не упоминал о его гербе. Однако в последующие годы, как явствует из документов, он

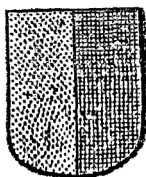
постоянно интересовался городскими эмблемами и вообще геральдикой. Доказательства? Это его соглашение с Бекенштейном о создании магистратской печати для новозаложенного города, употребление на картах и в Атласе Всероссийской империи рисунков гербов городов и областей, его переписка с Бекенштейном относительно санкт-петербургского герба.

По запросу Кирилова ему одному из первых посылается книга Бекенштейна «с сообщенными при оной печатными фигурами». Кирилов еще до основания нового города на границе Башкирии и казахских степей заботился о его гербе. Сохранился «Проект герба для нового города». Если сравнить рисунки «Проекта» и художественное творчество Бекенштейна, то бросается в глаза большое сходство в манере исполнения гербов. «Проект», видимо, составлялся еще до определения названия и окончательного места основания нового города. Поэтому его заключает следующая фраза: «Ежели бы имя сему городу известно было, то можно бы изображения по такому лучше расположить».

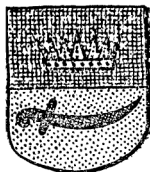
Общие сведения о народах, населяющих территорию будущего города, отдельные сведения о природе края, сведения о предназначении данного пограничного города были известны автору «Проекта». Не исключено, что о них мог сообщить Бекенштейну Кирилов (ведь они были знакомы), а Бекенштейн отразил эти скудные данные в составленных им рисунках «Проекта». На одном из его вариантов Кирилов или кто-то из сотрудников экспедиции остановил свой выбор: изображался орел, сидящий на вершине горы. Правда, первоначальный рисунок затем изменился. Орел сложил крылья, на голове у него появилась корона, по сторонам гербового щита — знамена и предметы воинского снаряжения. Художник Я. Кассель, изобразивший Оренбург 1734—1736 гг., поместил созданную эмблему города на своем рисунке. Однако при Кирилове не произошло официального утверждения герба города Оренбурга.

Сменивший его на посту руководителя Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев добивался утверждения герба города и предлагал на рассмотрение рисунки герба. Русский историк Петр Иванович Рычков сообщает в «Истории Оренбургской»: «Получены были на разные его, тайного советника, доношения всемилоштивейшие указы, между которыми указом от 30 декабря 1737 и сие было определено, чтоб городу Оренбургу, кроме магистратского,

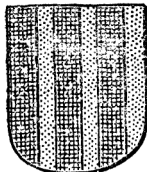
№ 1

№ 2

№ 3

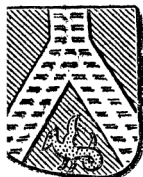
№ 4

№ 5

№ 6, 7

№ 8

№ 9.

№ 10

№ 11

№ 12

№ 13

№ 14

№ 15

Проект герба для нового города

особый герб иметь и оный в Оренбургском драгунском полку на знаменах и на прочих полковых принадлежностях употреблять». Таким образом, герб, рисунок которого Рычков поместил в рукописи своего труда «Известия о начале и состоянии Оренбургской комиссии», как будто бы утвержден правительством. Однако в 1782 г. в качестве

герба Оренбурга утвержден совсем другой вариант — рисунок взят из составленного в Герольдмейстерской конторе знаменного гербовника 1776 г.

Однако речь сейчас о Василии Никитиче Татищеве. Русский историк и государственный деятель не случайно проявлял такую большую заботу об отличительном знаке Оренбурга. Татищев предстает перед нами как убежденный сторонник идеи территориального герба. И неудивительно, ведь он давно знаком с геральдикой (подтверждение тому мы найдем и в «Истории Российской» и в других сочинениях Татищева). Он знал о намерении создать городские гербы еще во времена Петра I: «Петр Великий, видя, что те гербы (созданные при Алексее Михайловиче. — Н. С.) сочинены весьма неисправны и со обстоятельства истории несогласны, повелел графу Брюсу и Толстому, рассмотря, исправить; о которых же на упоминаемые в титуле не сделано, вновь согласные со историею сочинить, а потом чтоб и всем градом сделать, но оное видно, что не сделано». Знал Татищев и о рассылке по городам запросов для сбора о них сведений, скорее всего, был знаком с содержанием ответов. «Те описания от неискусных порядочно и достаточно по предписанным запросам сочинены быть не могли, многие явились неполны, или неисправны, или совсем негодны» — так охарактеризовал Татищев содержание запросов. Татищев позднее предлагал следующую разработанную им схему описания территориального пункта в «гисторическом качестве»: 1) имя; 2) время и причина; 3) приключения; 4) знаки. Под четвертым пунктом Татищев подразумевал «гербы градов, пределов и областей, когда оной во употребление принят или пременен...».

Таким образом, Татищев воспринимал герб как непременный символ административной единицы, каковой являлся в его представлении город, жители которого «все обще называются граждане».

...В. Н. Татищев начал непосредственно заниматься геральдикой в 30-е годы XVIII столетия. Он был назначен обер-церемониймейстером во время коронации Анны Иоанновны. Под его наблюдением печаталось описание торжеств, посвященных коронации, с рисунками и чертежами. Замечания по поводу изображений отдельных фигур и символов, оставшиеся в его переписке с Академией наук, свидетельствуют о достаточной компетенции Татищева в вопросах геральдики. Вскоре он вплотную занялся изучением возникновения русского государственного гер-

Вспомогательные представления
ОУРтах

[illegible]

Наконецъ порона таттарская Восточными
ли индусская приплыла три знамена татарскихъ
разрезныхъ надвое свисающихъ внизъ
Въ то же провинциіи сѣсткой

2. Турбэ провинциі Тестіон
 П. 1: вострѣмъ тѣлѣ стѣна каменная бѣлая, взо-
 утврѣжденіа ея стѣны новѣе построенныя, кров-
 лѣн, стѣнъ стѣна тринированъ сѣткою, тѣлѣ
 взоутиа повореніа башнирѣ, цоколь бѣ (крѣ-
 зы ижнѣушѣ, шери ишренѣ, тѣ естѣ сѣткѣ,
 лѣн взоутиа, е, (49)

[illegible]

не могли, то можно и по-прежнему работать и я
довольно усидчиво / *М. М. Мамин-Сибиряк*

«Представление о гербах» Оренбургской и Исетской провинций
В. Н. Татищева

ба. Есть в «Истории Российской» небольшой реферат о российском государственном гербе. В этом труде также дается изложение различных геральдических сюжетов. Однако через некоторое время Татищев отказался от исследований по геральдике и генеалогии. «Генеалогия великих и протчих князей наибольшую нанесет трудность; не меньше же и описание гербов, чтоб с геральдикой и историей согласовали; в чем я хотя трудиться намерение было положить, токмо иное темнота древности, иное резон пол[итический] воспретил, и для того на время оставил». Правда, дело это он оставил не навсегда, а занялся не только изучением гербов, но и герботворчеством. В 1737 г. он составил проекты гербов Оренбургской и Исетской провинций. Вот их описание:

Герб провинции Оренбургской

«№ 1. Счит простой, поле черное, в нем столп серебряной под короною золотою императорскою в знак непоколебимой власти российской; при том лошадь дикая, которых тут множество, по природе желтая, с тремя го-

ловами в знак трех орд, от единой произшедших; онал привязана к пизу столпа.

№ 2. То же самое, токмо верхняя голова назад (изъясняю сей ветреное состояние кпргизов [неправильное название казахов, встречающееся в дореволюционной литературе.— П. С.]). Над считом корона татарская с зубцами или княжеская; при том три знамени татарских, разрезных надвое и висячих вниз.

Герб провинции Исетской

№ 1. В черном поле стена каменная белая в знак утверждения сей страны новопостроенными крепостми, к той стене прикован желтый пес в знак покорения башкир...

№ 2. В черном поле белой полисад, перед которым к приколу привязан верблюд, значит то же; над считом та же корона татарская или графская, а над нею верблюжья голова» (см. вклейку).

Помимо названных гербов, Татищев несколько лет спустя предлагал на рассмотрение Сената три рисунка герба для помещения на печати Казанской губернской канцелярии... К концу жизни, занимая пост астраханского губернатора, он принялся за составление «Лексикона» (словаря), включающего толкование слов из различных сфер жизни. Сюда он поместил такие понятия, как «герольд», «Герольдмейстерская контора», «эмблема».

В 40—50-е годы XVIII в. вопрос о гербах новоучрежденным городам (по примеру Оренбурга) дебатировался неоднократно. Например, — оренбургский губернатор И. И. Неплюев «обще с присутствующими в Оренбургской губернской канцелярии» представил в Сенат доношение о состоянии городской организации новопостроенного города Ставрополя. Так в 1739 г. назвали крепость-городок, где проживали крещенные калмыки. Одним из пунктов предписывалось городу иметь печать, а также герб для изображения на канцелярской печати.

Через некоторое время Неплюев прислал в Сенат рисунок сочиненного герба: «По состоянию тамошнего места и поселяемых там крещеных калмыков прилично было изобразить на щитку в желтом или золотом поле калмыцкую круглую шапку, при реке положенную, позади которой два копыя, а над нею изобразить в сиянии крест, что может знаменовать прежнее и нынешнее того народа состояние».

Герольдмейстерская контора, ознакомившись с рисунком, решительно его отвергла и сочинила новый герб —

«в силу регулов герольдических». Было предложено три варианта ставропольского городского герба. Тот, что более других понравился Сенату, имел следующее изъяснение: «Понеже слово Ставрос на греческом языке значит крест, а полис — город, того ради изображенный в сем гербе в золотом поле красной лапчатой крест в вершине щита и город такого ж цвету, на зеленой подошве щита стоящей, точно согласуются с именем города Ставрополя. Положенные ж над городом наподобие андреева креста два черныя копья показывают, что помянутый город не селен новокрещеными калмыками».

Необходимость создания знака, олицетворяющего город, была обусловлена не только учреждением новых городов. Постепенно рисунок городского герба находит все новое и новое применение. Так, вновь формирующиеся полки обязательно назывались по имени городов, где они расположены. Затем создавался рисунок герба города и помещался на знамени полка. Любопытный факт: чтобы город получил герб, достаточно расквартировать в нем воинское соединение! Для названия полка избирается наименование не просто населенного пункта, а именно города: только с понятием «город» теперь ассоциируется понятие «герб». В одном документе говорится об «именовании ландмилицких полков»: «Оные полки прилично именовать по званию тамошних пригородов, а именно: которые набраны из-за Камских (из закамских.— Н. С.), первой Шешминской, второй Билярской, понеже де оные против других тамошних городов лучше».

Пробирный мастер, работающий в городе, на изделиях из драгоценных металлов должен был ставить клеймо в виде городского герба. Например, с 1733 г. в Москве вводится клеймо с изображением двуглавого орла с подписью «Москва» в фигурном щитке, а в 1741 г. на московском клейме появляется и изображение поражающего дракона всадника, впоследствии утвержденное как герб Москвы.

Самым первым клеймом с изображением городского герба считается клеймо города Соликамска (1736 г.): изображение руки, выходящей из облака и держащей натянутый лук со стрелой, креста и букв «ГС» и «К», т. е. «город Соликамск». Эта эмблема издавна связывалась с Вяткой. Однако в ведомости, присланной в 1725 г. из Вятской провинции в Герольдмейстерскую контору, сказано, что в ней «прежнего герба не имеется». В доношении же 1728 г. из Соликамска описан рисунок городской печати — выходящая из облака рука держит натяну-

тый лук со стрелой, над ней — крест, вокруг надпись: «Царского величества печать города Соликамска». Как видим, рисунок клейма был весьма схож с изображением на печати Соликамска. В 1738 г. появилось еще одно клеймо с изображением городского герба — это клеймо, изготовленное в Новгороде.

Иногда обстоятельства вынуждали помещать на клеймах герб города собственного изготовления. Так было с Костромой. В 1746 г. Монетная канцелярия, ведавшая клеймением изделий из драгоценных металлов, потребовала от Герольдмейстерской конторы рисунок костромского герба для использования его костромским пробирным мастером. Контора ответила отказом из-за отсутствия герба. Костромской герб тем не менее мы видим на клеймах серебряных изделий: равноконечный крест с трехлопастными концами, под короной, под горизонтальной чертой дата — 1746.

Клейма с гербами русских городов собраны в книге «Русское ювелирное искусство», автор которого М. М. Постникова-Лосева составила их полный каталог. Казалось бы, далекая от практического применения городского знака область — экономико-географическое изучение России. Но и здесь, оказывается, при составлении карт, атласов, географических описаний не обходилось без использования эмблем, символизирующих тот или иной город. Ж. И. Делиль, французский астроном, академик, долго живший в России и руководивший в Академии наук созданием карт, еще в 1728 г. писал, что карты России должны составляться особым образом. Издание карт должно сопровождаться, по его мнению, географическим и историческим описанием страны, снабжаться интересными заметками об особенностях каждого края или правах населения. Без этого, считал Делиль, география слишком суха и может интересовать лишь узкий круг лиц, а надо, чтобы как можно больше русских людей знакомились со своей страной, со своим краем. Действуя в этом направлении, Академия наук начала собирать сведения о городах и городских гербах. В марте 1737 г. она обратилась через Сенат в Герольдмейстерскую контору, извещая, что для печатания на российском и немецком диалектах математической, физической, политической географии, «которые при Академии обще издано будет грядущим изданием на российском же и немецком диалектах к Атласу», ей необходимы гербы городов Российской империи, ведомости и примечания, имеющиеся, по-

видимому, в Герольдмейстерской конторе. Эти сведения были необходимы «в дополнение к географии о Российской империи».

Теперь на картах и планах различных городов все чаще появляются городские эмблемы. Сочиняются гербы и в городах. Интересно появление ростовского герба на печати Ростовской воеводской канцелярии. Ее сотрудник Петр Андронов купил на ярмарке «у приезжего из других городов продавца» печатный лист, «на котором показана персона государыни императрицы Анны Иоановны и около нее персоны разных городов гербы, в том числе герб города Ростова, вподобие еленя». На основе данного рисунка в 1743 г. была изготовлена печать Ростовской воеводской канцелярии с гербом. Любопытно, что провинциальная канцелярия о появлении этого герба не знала.

В Ряжской воеводской канцелярии на печати помещался герб в виде княжеской шапки в двух точечных ободках, нарисованный бывшим воеводой. Инициатором создания герба Санкт-Петербурга, поделенного в 1737 г. на пять частей, а также «каждой части порознь», выступила Комиссия строгания. Она направила предложение о гербах в Герольдмейстерскую контору. К документу прилагались и проекты гербов: для Адмиралтейской части — в белом поле синие якоря накрест, для Васильевской — в синем поле три белые рыбы, для Санкт-Петербургской — в зеленом поле белая городская башня, для Литейной — в черном поле желтая пушка, для Московской — в желтом поле копьем пробит черпый змей (часть московского герба). В Герольдмейстерской конторе был составлен квалифицированный ответ. В нем сообщалось, что Санкт-Петербургу «герб уже учрежден, а именно: в красном поле стоящий золотой скипетр с государственным орлом, а при нем накрест наклонены два серебряные якоря, один морской, а другой речной, с изображенною над щитом золотою императорскою короною». Поскольку этот герб уже «при многих случаях публично употреблен был и поныне употребляется», то было сказано: «онный так надлежит оставить». Что касается гербов для остальных частей города, то Герольдмейстерская контора решительно протестовала против подобной идеи. Выражалось мнение, что герб — особый знак, олицетворяющий город, и может существовать лишь одно его изображение. Герб Санкт-Петербурга помещался, кстати, на медных монетах достоинством в 5 копеек, которые выпускались чуть позднее — в правление Елизаветы Петровны.

Все вышесказанное, на наш взгляд, может свидетельствовать только об одном — усиливается общественное внимание к отличительным знакам городов. Естественно, что вопросы по этому поводу обращены к Герольдмейстерской конторе. А что же она?

Во многих документах, доношениях в Сенат повторяются записи: сочинение «до государственных провинций и городов принадлежащих гербов... поныне почти еще не зачинано», «провинциям и городам гербов, которые назначены и поныне не парисованы, да и делать как вышеписанным гербам описание, так и назначенным провинциям и городам гербов не почиывано», из Герольдмейстерской конторы «в губернии, провинции и города поныне для делания печатей рисунков не послано» и т. д. Ничего не поделаешь — из-за постоянных запросов самых различных ведомств о городских гербах герольдмейстер вынужден активизировать действия конторы, а правительство — попытаться упорядочить хранение рисунков городских гербов и пополнить штат Герольдмейстерской конторы. К 1737 г. возвращен в контору живописный мастер Чернавский, работавший еще при Санти. Он же в свое время «отправлял городовые гербы по губерниям». Герольдмейстер Квашнин-Самарин требовал перевода на русский язык книги «регулов герольдических» (ею пользовался Санти) и пересылки ее в контору.

И вот уже Сенат занимается специальным рассмотрением городских гербов. Издается указ о хранении подлинных рисунков гербов в Герольдмейстерской конторе. Рассылать по запросам разрешалось только копии. Теперь вопрос о кандидатуре «сочинителя гербов» решал Кабинет министров по представлению Сената, который так объяснял свое предложение по расширению штата Герольдмейстерской конторы: «Понеже де многие города своих гербов не имеют, того ради...» необходимо, чтобы сочинением гербов занимался особый человек «на месте герольдмейстерского товарища Сантия». Сначала на рассмотрение Кабинета были представлены две кандидатуры — И. К. Генингера и И. Г. Гейнцельмана — оба иностранцы. Так получилось, что они по очереди в течение короткого времени служили на указанной должности, но следов их деятельности в Герольдмейстерской конторе не сохранилось. Дело составления гербов с их приходом в контору не получило развития.

И вновь начинаются поиски достойного занять место товарища герольдмейстера. Все же пашелся человек, об-

ладающий блестящими способностями и разносторонними знаниями. Он прекрасно владел иностранными языками, любое порученное ему дело выполнял на редкость добросовестно. Его имя — Василий Евдокимович Адодуров, первый русский адъютант Академии наук. Личность поистине незаурядная. В 1726 г., в возрасте семнадцати лет, Адодуров был принят в верхний класс гимназии Санкт-Петербургской Академии наук. Через год он уже среди учеников Академии. В 1728 г. Адодуров определен «к переводным делам» в академическую канцелярию. Обучаясь у виднейших профессоров Академии точным наукам (по физике — у Бернулли, по математике — у Эйлера), Адодуров проявил к ним блестящие способности. Главным его намерением было «физику доканчивать, дабы со временем самому профессорского чина удостоиться». Одновременно Адодуров углубленно изучал иностранные языки, овладев ими настолько, что сумел перевести на русский язык сокращенный курс механики, математику Эйлера. Академия наук писала в Сенат об Адодурове, что он «свои труды читает в Российском собрании, а притом слушает всяких переводов, которых другие читают, и старается, чтоб оные переводы на российском языке исправно в печать выходили. Впредь будет всякие выходящие математические и физические книги и вещи по русски переводить...».

Немало потрудился Адодуров и на поприще «приведения в большее совершенство русского языка». Современные филологи считают его автором первой русской грамматики на родном языке, предпосланным Ломоносову в деле грамматического описания русского литературного языка. Таким образом, Адодуров «немало приуспел» не только в технических, но и в гуманитарных науках. Историк Г. Ф. Миллер рассказывал, что Адодуров был способнейшим его учеником. Он сам вел и практические занятия по русскому языку — обучал, например, будущую императрицу Екатерину II, читал общие лекции, специальные курсы.

...В одном из доношений Адодуров писал: «По приказу главного Академии командира... фон Корфа и по разсуждению Академии наук положена на меня сия должность: чтоб во всякой вторник, среду, четверток и субботу публично в Академии показывать падлежащие до российского языка правила, а по совершении оных толковать на том же языке риторику. К исполнению которого дела принужден я все, что до того надлежит, сам вновь

сочинить и на то употреблять тем больше времени, что в сем, как весьма новом деле, по сие время еще никакого предводителя не имеют, которому бы в том можно было последовать...».

Разносторонние знания и способности снискали Адоодурову славу человека, способного разобраться в любом сложном деле, освоить новые науки. Это, видимо, и послужило поводом к выдвижению его кандидатуры «к сочинению гербов». В Академию наук поступает запрос: «Имеющийся при Академии адъютантс Ададуров в какой именно должности состоит, и ежели его определить, кроме тои Академии, в другое место, то должность его можно ль другими исправлять?». Однако решение правительства поручить Адоодурову новое дело вызвало протест Академии. Она направляет в Сенат доношение, в котором перечисляются заслуги Адоодурова в науке. «От сего видно, что его способно от Академии отлучить не можно; но наипаче надлежит ему накрепко повелеть, чтоб он от всех посторонних дел, которые не до его должности касаются, воздерживался и прилежал бы со всяким ранием к академическим делам, дабы принятое о нем намерение со временем действительно исполниться могло».

Несмотря на несогласие Академии наук, Адоодуров уже в конце 1741 г. «обретался один... при сочинении гербов» в Герольдмейстерской конторе, а в 1742 г. он окончательно оставляет Академию наук и переходит на службу в Герольдию, где его энергия и способности отныне направляются на организацию российского герботворчества.

С первых же дней пребывания в новой должности товарища герольдмейстера Адоодуров начал активную и кропотливую работу. Она шла в двух направлениях: во-первых, сбор книг по геральдике, генеалогии, истории, т. е. создание при Герольдмейстерской конторе специальной тематической библиотеки; во-вторых, сбор всех рисунков гербов из различных ведомств — сосредоточение в Герольдмейстерской конторе уже созданных гербов. По настоянию Адоодурова продолжают поиски книги «регулов герольдических», принадлежавшей Санти и отосланной в Академию наук. Книга была вскоре обнаружена у князя А. М. Черкасского, который передал ее в Герольдмейстерскую контору. В библиотеку конторы поступают книги из собрания казенного кабинет-министра А. П. Волынского, а также Дм. Мих. Голицына, имевшего в с. Архангельском редкую библиотеку.

Стараясь сосредоточить рисунки гербов в архиве Герольдмейстерской конторы, Адодуров рассылал о них запросы в различные ведомства, например в Военную коллегию, с просьбой сообщить, «что сделано по сочиненному графом Сантнем гербовнику, на знамена гербы учреждены ли и конфирмованы ли. И если учреждены и конфирмованы, то те гербы и происходящее в том дело были бы присланы в Герольдмейстерскую контору». Из Военной коллегии в 1745 г. прислали знаменной гербовник. Его перерисовали лучшие живописцы Герольдмейстерской конторы. Теперь на запросы того или иного ведомства о гербе города Герольдия всегда могла дать положительный или отрицательный ответ. Например, Монетная канцелярия дважды, в 1746 и 1756 гг., обращалась по поводу городских гербов для клейм. Рисунки гербов, скопированные с присланного знаменного гербовника, туда отослали, и в 40—60-е годы согласно им были сделаны клейма с гербами городов: Архангельска, Астрахани, Великого Устюга, Владимира, Вологды, Вятки, Галича, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Новгорода, Орла, Санкт-Петербурга, Ростова, Рязани, Саратова, Смоленска, Соликамска, Суздаля, Твери, Углича, Ярославля.

Любые рисунки гербов, которые Военная коллегия намеревалась изобразить на знаменах новых полков, Адодуров должен был «рассмотреть, в силу ль герольдических регулов на знамена сочинены, и по рассмотрению доложить Сенату». Вот какие изъяснения по поводу гербов составлял Адодуров. Например, в «изъяснении на герб Кюменегорскому полку» отмечалось, что рисунок герба сочинен в трех вариантах «для разного употребления»: на полковой печати, на знаменах полка, на предметах амуниции. В основе герба лежит одна и та же фигура — «в золотом поле красный натянутый лук со стрелой того же цвету, к правой стороне поперек щита обращенною, у которой копейцо и перья, також и тетива у лука черные, с красною вершиною щита и изображенною в ней золотою императорскою короною». Необходимо было сочетать в гербе определенные цвета: «вышепоказанным фигурам приложены здесь и определенные приличные им цвета, посредством которых сие изображение надлежащий вид герба получает»; надписей же герб «при себе не имеет». Надпись вокруг герба могла быть лишь в том случае, если он помещался на полковой печати, — «Печать Кюменегорского полку».

Подробное разъяснение геральдической символики должно было показать, что составление гербов в Герольдмейстерской конторе ведется на научной основе, профессионально, в соответствии с возложенными на нее обязанностями.

Адодуров вел переписку и с Иностранной коллегией, требуя от нее «всего государства гербовники, как городам, так и прочим, какие у них обретаются фамилиям гербы». Писал он и в Москву, в Разрядный архив, который некогда осматривал Санти, доносивший в Сенат, что «во многих сундуках лежат и гниют старые дворянские списки и другие разрядные дела». В Москве же, по его просьбе, отыскиали и подмастерья Герольдмейстерской конторы П. Гусятникова. Предполагалось, что некоторые рисунки Санти хранятся у него.

Словом, как бы мы сейчас сказали, Адодуров решил сначала подготовить базу для своей герботворческой деятельности. И, как оказалось, не напрасно. Елизавета Петровна, в 1741 г. придя к власти, едва ли не первым делом издала указ «Об учреждении Лейб-кампании», согласно которому Герольдмейстерской конторе надлежало нарисовать, во-первых, генеральный герб лейб-кампанцев, во-вторых, составить и нарисовать более 300 индивидуальных гербов и дипломов личному составу гренадерской роты Преображенского полка. Гвардейцы, как известно, возвели ее на престол.

Организатором работы над лейб-кампанскими гербами стал Адодуров. Он же на первых порах и составлял гербы, даже рисовал их.

В связи с таким большим заказом Адодуров потребовал от Сената увеличить штат художников в Герольдмейстерской конторе до десяти человек. Постепенно он достиг и даже превысил это число, а в 1748 г. была организована специальная Рисовальная палата, где от зари до зари трудились два десятка мастеров, подмастерьев и учеников над рисунками гербов прямо-таки ювелирной работы. Надо сказать, что Адодуров старался показать себя с лучшей стороны, выполняя императорский заказ, эксплуатируя живописцев.

Художники должны были приходить в мастерскую в седьмом часу пополудни и выходили в шестом, а иногда в восьмом часу полудни. Манкирование занятными преследовалось строго: вычетом из жалованья, арестом и другим наказанием. В 1748 г. в одной из записей читаем: «Копииста Суслова и ученика Ивана Токарева за нехож-

дение их в рисовальную палату высечь батожем и о том к экзекуторским делам дать известие».

Однако к чести В. Е. Адодурова надо сказать, что он собрал и воспитал замечательных художников. На место Чернявского — главного живописного мастера Герольдмейстерской конторы — был назначен известный своими миниатюрами Яков Юрьевич Петрулев. «Лучший рисовальщик в рисовальном департаменте Академии наук» Яков Нечаев также трудился над гербами. Присланный на время в помощь Адодурову, он, несмотря на неоднократные приказания вернуться в Академию, остался в Герольдмейстерской конторе. Кроме Нечаева, из Академии наук перешли художники И. Иконников и И. Шерешперов, обучавшиеся рисованию масляными красками у мастера И. Гриммея. Им обоим он дал прекрасную характеристику как рисовальщикам. Можно назвать и других — И. Токарева, М. Мусикийского. Это были мастера живописного дела высокого класса. Некоторые рисунки гербов с их подписями, сохранившиеся в бумагах Герольдмейстерской конторы, — яркое этому доказательство. Они не только рисовали дворянские гербы, но и копировали знаменитые гербовники, рисовали новые гербы на знамена полков, иногда даже составляли сами рисунки гербов.

Городские гербы, таким образом, рисовались и создавались в Герольдмейстерской конторе, но, естественно, на первый план выступал заказ императрицы.

Между тем, с одной стороны, запросы по поводу гербовых изображений на городских печатях, о чем вышел указ в далекие 20-е годы, с другой — изобретение гербов, минуя Герольдмейстерскую контору, на местах, — все это требовало от Герольдмейстерской конторы большей активности в городском герботворчестве. Что она могла предпринять? В 1745 г. возобновилась работа по планомерному и организованному составлению городских гербов. Предполагалось разослать по городам анкету, аналогичную той, что рассылал много лет назад Санти. Анкета состояла из вопросов о состоянии города; ее направили в города, откуда в свое время не поступило известий или же известия из которых не сохранились.

Запросы послали в Московскую губернскую канцелярию, в некоторые провинциальные канцелярии Московской губернии (Тульскую, Калужскую, Углицкую), в Казанскую, Новгородскую, Сибирскую и другие губернские канцелярии — всего в 104 города, пригорода, острога. Вскоре начали поступать ответы. Вот какой ответ полу-

чила Герольдмейстерская контора из Можайской канцелярии: «Оной город Можайск сколь давно и от какого случая построен, то известия за многопрошедшими годами в Можайску не имеется. Тот город каменный, называется Можаяск, а каким языком назван, того известия в Можайске не имеется... Городу Можайску прежде сего данного герба не имеется...». Много было аналогичных ответов, но имелись и другие — обстоятельные, содержащие подробные сведения о городах и их истории. В ведомостях, присланных из Сибири, описывались печати многих сибирских городов: Нерчинска, Туринска, Пелыма, Сургута, Кузнецка. Эти города сообщали, что на их печатях помещены гербы, а не просто изображения зверя или птицы.

Интересная переписка возникла у Герольдмейстерской конторы с Новгородом. Оттуда переслали оттиск печати: на ступенях — посох (медведи отсутствуют), под ступенями — три плывущие рыбы (две сверху, одна внизу), круговая надпись: «Печать господарства Великого Новгорода». Контора послала запрос: необходимо «показать цвета герба и от чего оной герб имеет начало и с которого времени...». О происхождении герба и печати хотелось знать побольше, а именно «из каких древних летописцев и хронографов учинены и которых оные книги лет и от кого сочинены и до которых времен ведут историю, и ныне где те летописцы и хронографы имеются». Новгородская губернская канцелярия отвечает: означенная ведомость о начале Новгорода, а также Старой Русы «учинена из имеющегося у новгородского купца Лаврентия Филипова письменного летописца, который ведет историю до времен Петра I, а от которых лет и кем сочинен, того в нем не описано...». Сообщались сведения о цветах новгородского герба, но с сожалением отказывались от его датировки: «о том в губернской канцелярии за непоказанием в росписных списках неизвестно». Сведения из летописца сообщались и о городе Белозерске, о некоторых других городах.

Не известно, сочинял ли Адодуров гербы городам согласно этим «ведомостям». В начале 50-х годов он назначается герольдмейстером, но потом попадает в опалу и отправляется из Петербурга товарищем губернатора в Оренбург.

С воцарением на императорском престоле его бывшей ученицы Адодуров снова в чести, он — президент Мануфактур-коллегии, сенатор. Ему не до городских гербов.

Создание их в Герольдмейстерской конторе на время приостановилось, чтобы через два десятилетия принять поистине массовый характер.

Глава V

СИМВОЛ

«ЕДИНОГО ГРАДСКОГО ОБЩЕСТВА»

Русский город. О нем сейчас много говорят и пишут. Например, дискутируется вопрос о критериях понятия «русский феодальный город», причем, давая определение феодальному городу, подчеркивают, что это не застывшая категория, выделенная по какому-то одному признаку: экономическому, юридическому и т. д. Напротив, современные историки отмечают многофункциональность города, в частности русского феодального города XVIII в. И у них нет сомнений, что русский город XVIII в. выступает как самостоятельный экономический, административный и культурный центр. Но ведь существовало же в дореволюционной историографии мнение, что понятие «градское общество» появилось лишь благодаря официально сформулированному русским правительством и закреплённому в законодательном акте последней четверти XVIII в. определению! Подобный вывод строился как раз на абсолютизации юридической стороны дела, поскольку, дескать, не существовало «особого, единого, цельного организма, обладающего свойствами юридического лица», т. е. не обладающего фактическим самоуправлением, не было и «градского общества». Действительно, в России XVIII в. зависимость городского (на деле — купеческого) самоуправления от местной феодальной администрации была налицо. В одном из правительственных указов прямо говорилось: «Магистраты и ратуши губернаторам и воеводам послушны быть должны».

Документы свидетельствуют, что воеводы, военные и гражданские чины, а также дворяне без должности творили полный произвол в городах, унижали посадских людей и их выборных представителей. Воеводы и губернаторы могли отправлять под арест бурмистров, если город несвоевременно вносил платежи, имели право ревизовать городские финансы. Подобная политика русского правительства противоречила социально-экономическому развитию городов, удельный вес которых в рамках фео-

дальной системы все более возрастал. Правительству приходилось считаться с этим, лавировать, не отступая от основной линии. Иногда городу как будто бы жаловались привилегии и особые права. Так было, например, с ново-заложенным Оренбургом. Его основатель Кирилов считал, что городу положено иметь самоуправление, магистратскую печать, городской герб. Наверняка у него имелись единомышленники. Во всяком случае, споры по поводу городских гербов, «самодеятельность» местной администрации в создании городского символа, настойчивые запросы о нем в центральные учреждения, попытки разработки гербов городов в Герольдмейстерской канцелярии — все это свидетельства заинтересованности в новом общественном статусе русского города.

В 60-е годы в России опять рассылались анкеты с целью сбора сведений о городах. Предстояло «сочинить... новый исправнейший российский атлас» и «географическое описание Российского государства».

Вот что одна из анкет требовала сообщить о городе: «Надлежало бы на примере знать особливо каждый город, его положение, его жителей, род их жизни и протчая..., много таких городов есть, которых одно только имя известно». И далее конкретные вопросы: «В котором году город, от кого и для чего построен; ...какой герб имеет; причем ежели есть известия, описать и происхождение того гербу; не был ли город осажден от кого и разорен или мужественно оборонялся». Все города должны были дать ответ и через губернские канцелярии переслать в государственные учреждения, составляющие российский атлас. Интересно, что здесь впервые вопрос о городском гербе включен не в «тематическую анкету», каковыми являлись запросы Герольдмейстерской канцелярии, а в анкету общего типа. Вопрос о гербе — городском знаке звучит уже как нечто само собой разумеющееся. Запросы по поводу городского герба встречаем и в анкете Комиссии о городах. Эта комиссия возникла в результате работы Уложенной комиссии (собрания сословных представителей) в 1767 г. В города за подписью личного секретаря императрицы А. В. Олсуфьева ушла анкета с такими вопросами: «Не имеет ли город от государей жалованных грамот, привилегий или других каких особых учреждений», «Есть ли известие, когда и кем город основан и построен», «Имеет ли город особый герб городской, когда и кем пожалован» и др. Город и герб... Все чаще эти понятия совмещаются в официальных документах.

И вот первое пожалование городского герба городу Костроме.

В мае 1767 г. Екатерина II, путешествуя по Волге, посетила город Кострому. Знаменательное, редкое для горожан событие было торжественно отмечено, императрице устроен пышный прием. В какой форме проявить особое внимание к столь радушному городу? Узнав, «что как город сей, так и его уезд не имеют никакого герба», Екатерина II жалует Костроме герб. Что изобразить на нем? А вот то самое знаменательное событие, после которого город получил герб. И появляется на гербовом щите плывущая галера, схожая с той, на которой прибыла в город императрица. Герб этот составили в Герольдмейстерской конторе, и императрица утвердила его 24 октября 1767 г. Вспомним, какое изображение имелось на костромском клейме. Ничего общего с только что утвержденным и отныне закрепленным за Костромой гербом!

В последующее десятилетие правительство начинает один за другим жаловать гербы городам. Оно как бы ухватило за мысль о пожаловании городам официального символа. Правда, это пожалование гербов — не единственный благосклонный жест в сторону города. Создаются, например, учреждения, регулирующие городское строительство. В Петербурге — это Комиссия строения, которая, кстати, пеклась и о городском гербе. Группирующиеся вокруг нее архитекторы вырабатывали проекты единой планировки, которой должны были подчиняться все, кто строил в городе: и частные и казенные застройки. В Москве при Полицейстерской канцелярии также появился архитектурный надзор, планировавший застройку города в целом и по частям. Архитекторы И. А. Мордвинов и И. Ф. Мичурин составили замечательный проектный план Москвы.

Город изменялся не только внешне, по форме, но и по существу.

В жизни русского города в течение XVIII в. происходят новые явления, которые связаны с ростом промышленности, внутренней и внешней торговли, а также складывающимися внутри феодально-крепостнического строя капиталистическими отношениями. Появляются крупные мануфактуры, цехи ремесленников, растет число мастерового люда. Развитие новых экономических отношений в городе тормозилось существующей сословной градацией его жителей.

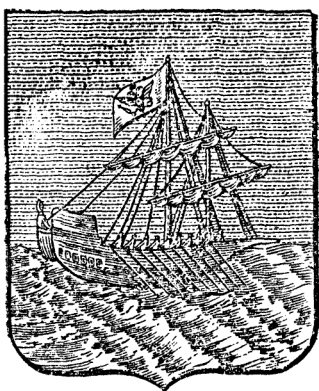
Собственно горожанами считались посадские — купе-

чество и ремесленники. Однако, как сообщалось в одном официальном документе XVIII в., «по городам, кроме купцов и мещан, состоят в числе городских жителей священно- и церковнослужители, ямщики, однодворцы, нахотные солдаты и прежних служб служилые люди, войсковые обыватели, черкасы и татары». Сюда следует добавить помещичьих и государственных крестьян, которые во многих городах составляли значительную часть населения. Чтобы стать горожанами, им надо было «переключиться» в другое сословие, а это было трудно, дорого. Все же отдельные состоятельные крестьяне преодолевали сословные рамки, наряду с зажиточным купечеством составляли совсем другую, не сословную, а классовую категорию — городскую буржуазию. Город менял свою суть, у него появлялось особое лицо: противостояли друг другу не сословия, а богатей и бедняки. Эта новая дифференциация городского населения заставила правительство постепенно отказаться от насаждения ярко выраженной сословности и искать для определения в жители города другой признак.

Впервые город предстает не как сословная община, но как совокупность всех домовладельцев при выборах в Комиссию по составлению нового Уложения 1767 г. От всего города (независимо от сословности, но в зависимости от ценза) избирался депутат в эту комиссию. Акт 1775 г. выделил город в самостоятельную административную единицу. На пост главы города назначался городничий или комендант. В Петербурге и Москве эту должность исполнял обер-полицмейстер. Им помогали управлять городской магистрат с находящимися при нем городовым сиротским судом, словесным судом и ратушей в посадах.

Такой сложный аппарат управления городом служил переходной ступенью к следующей новой форме городских органов, которые создала Жалованная грамота городам 1785 г. Но о ней ниже.

Хочется отметить, что эта сложная система органов городского управления находилась на службе городской буржуазии. Она получила право выбора городского головы, городского магистрата, а последние, естественно, обеспечивали интересы «отцов города». Кроме этого, городские органы никакой самостоятельности и не имели. Их состав утверждался губернатором, деятельность контролировалась государственной властью. Немного сделало правительство для города, однако заметны стали какие-то новые веяния.

Герб Костромы, сочиненный в Герольдмейстерской конторе в 1767 г.
Герб Калуги, сочиненный в Герольдмейстерской конторе и утвержденный в марте 1777 г.

В этих условиях зародилась идея массового городского герботворчества. Не известно, кому она принадлежала. Самой ли императрице, принимавшей живейшее участие в обсуждении предстоящего административного переустройства России и предвкушавшей триумф «благодетельницы» русского города, или кому-то из ее советчиков по городскому переустройству? Возможно, ее высказал новгородский губернатор Я. Е. Сиверс. Он составил записку «О городах при новом учреждении», которая была переработана и включена в программный документ — «Учреждение о губерниях». Сиверс несколько раз лично обращался затем в Герольдию и требовал скорейшего создания гербов многим городам его губернии.

В числе первых городов, которые вслед за Костромой получили официальные символы, были новоучрежденные города Вышний Волочек, Валдай, Боровичи, Осташков. По указу от 18 мая 1770 г. они становились городами, а раньше были слободами. Им полагался герб, который отныне изображался на печатях городских канцелярий и других городских учреждений. Правда, в отличие от Костромы гербы для этих городов Герольдмейстерская контора составила не сразу. Прошло почти два года, пока туда поступило предписание Сепата о сочинении им «по приличности каждого места гербов». Герольдмейстерская контора быстро выработала «правило» в составлении гербов таким городам. По ее мнению, в них надо было

«означать: 1) милость е.и.в. к сим селениям, 2) чтобы обстоятельства или промыслы оных изобразить». «Милость» показывалась в виде горностаевого меха, короны, царского герба, а «обстоятельства» обозначались весьма разнообразно: тут были и груженные суда, и рыбы, и река с порогами... Сначала там составлялись проекты только вновь учреждаемым городам. Например, 21 марта 1773 г. посад Тихвин Новгородской губернии превратился в город согласно императорскому указу. Он получил и герб из Герольдмейстерской канторы.

Однако, пока суд да дело, какой-то новоучрежденный город имеет герб, кому-то дать его «забыли» (Весьегонску, Ельне, Поречью, Гжатской слободе и другим, ставшим из сел городами), слух о пожаловании отдельным российским городам гербов быстро распространился.

Не дожидаясь массового, централизованного создания гербов в Герольдии, многие частные лица сами пытаются рисовать гербы своих городов, присылают проекты в Герольдмейстерскую кантору. В 1774 г. Герольдия получила «Прожект не имеющим российским городам гербов, к рассмотрению заготовленных для начальнейшей апробации». Автор указывал во введении к проекту, что он «в свободные времена предпринял сие дело с крайним... старанием, желая изобразить гербы городам, приискивая пристойные символы, примечая приличество и соображая с опробованными и употребляемыми гербами...». Образцом при составлении гербов автору послужило «описание городоф, которые можно найти в словаре, изданном от советника Герарда Фридриха Мильлера, с которого обстоятельства и примечание взяты, по состоянию городов изображены и нарисованы». Гербы, представленные в этом проекте, не были использованы Герольдмейстерской канторой. Однако следует отдать должное неизвестному энтузиасту геральдики: в рисунках некоторых гербов точно схвачены характерные черты города, его историческое и экономическое лицо. Например, город Дмитров славился фарфоровой фабрикой — в гербе изображены чайник и чашки. Малый Ярославец получил по воле автора герб с идущим медведем: «То же, как и ярославский, силу в промыслах и ремесле показывает, молотом железный завод, а челноком полотняную фабрику и прессом бумажный завод означает». Всего автор составил проекты гербов для десяти подмосковных городов.

7 ноября 1775 г. правительственный указ возвестил о начале реформы местного управления в масштабах всей

России. По указу, который назывался «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», вводилось новое административное деление России и создавались, наряду с губернскими и уездными, городские органы управления. О них уже говорилось. Это упорядочение местного управления правительство было вынуждено предпринять, чтобы «снабдить империю нужными и полезными учреждениями для умножения порядка всякого рода (напуганное Крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева, правительство Екатерины II было вынуждено резко усилить централизацию управления государством.— *Н. С.*) и для беспрепятственного течения правосудия».

Какое место отводилось в связи с этой реформой городскому гербу? Очень скоро среди правительственных указов, распоряжений и узаконений замелькали и постановления о гербах городов того или иного вновь созданного наместничества, губернии, области. Формула, повторяющаяся в каждом указе о создании гербов, поясняла, почему вводятся городские гербы: «А как ни самый наместнический город, ни приписные к нему гербов не имеют, то по приказанию Сената герольдмейстером князем Щербатовым (о нем ниже.— *Н. С.*) для оных гербы сочинены». Вслед за указом об образовании наместничества, как правило, следует специальный указ о гербах, которые предназначались каждому городу этого наместничества. Первую серию городских гербов (12) получило Калужское наместничество в марте 1777 г., а к 1785 г. имели гербы города большинства наместничеств. В 1790 г. утверждаются гербы городам Иркутского наместничества, в 1796 г.— Минского, Волынского, Брацлавского, Подольского. Таким образом, в результате особого законодательства в массовом и обязательном порядке в последней четверти XVIII в. в Российской империи вводились городские гербы.

Все права города на герб закрепила, так сказать, в обобщенном виде «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Жалованная грамота городам была опубликована 21 апреля 1785 г. Городам было дано право самоуправления. Органами его являлись: «собрание градского общества», общая градская дума и шестигласная (по числу разрядов городского населения, а разряды определялись имущественным цензом) дума. Город расширил свой состав: отныне в число горожан входили разные социальные категории населения, в том числе и дворяне, жившие на его территории, крестьяне, обладаю-

щие определенным капиталом. Вообще имущественный ценз, владение недвижимостью — это теперь основной критерий для определения в члены городского общества. Право голоса при выборах имели лица, обладавшие капиталом не менее 5 тыс. рублей и достигшие 25 лет. Как видим, в городском законодательстве отразились новые явления в жизни страны, рост буржуазных элементов.

И в то же время нельзя признать, что город действительно обрел столь желаемую самостоятельность. Органы городского самоуправления, столь внушительно выглядывшие на бумаге, на самом деле были придатком государственного аппарата феодальной монархии. Губернатор, назначаемый верховной властью, и губернское правление (дворянское) наблюдали за всеми действиями городских выборных органов, вникали во все детали городского хозяйства, лишали всякой инициативы городские думы. По сути дела, городское самоуправление было фикцией, но формально составляло основу привилегий, по которым отныне должен был существовать и развиваться русский город. Среди городских привилегий имелся пункт, гласящий: «Городу иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городских делах». «Обществу градскому» дозволялось также иметь печать с городовым гербом. По замыслу императрицы, выступившей в роли благодетельницы, каждому городу посылалась особая жалованная грамота с перечислением царских милостей и с красочным рисунком городского герба за подписью самой государыни. Как видим, задуманное мероприятие по поднятию престижа города проводилось с помпой.

Массовое производство городских гербов легло всей своей тяжестью на Герольдмейстерскую контору. С 1771 г. ее возглавлял Михаил Михайлович Щербатов, русский историк, автор «Истории России с древнейших времен». Он показал себя сведущим в генеалогии и геральдике человеком, наметил программу реорганизации Герольдии согласно новой составленной им самим инструкции. Особый патриотизм Щербатов проявил при составлении гербов, ибо считал, что «должно по состоянию России сочинить Герольдику, где бы не чужестранные, но российские гербы в пример были поставлены, однако не отбиваясь от общих правил сей науки».

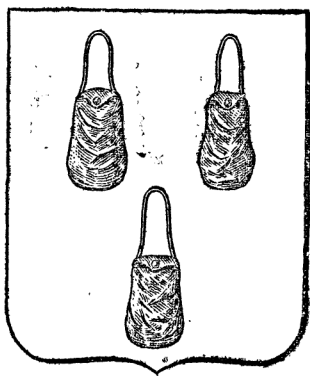
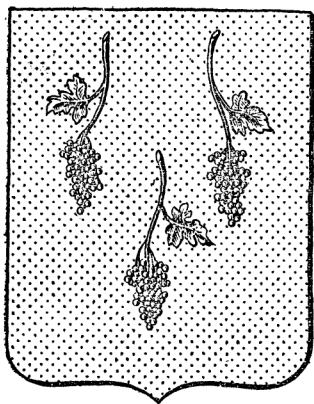
Щербатов занимался и непосредственным сочинением городских гербов: многие гербы, пожалованные новым городам, составлены лично им, например Олонца и Вы-

тегры — под рисунками стоит подпись Щербатова. По указу Военной коллегии Щербатов подготовил знаменной гербовник, в него вошли 35 рисунков и описаний полковых гербов, и под каждым — подпись Щербатова. Существовавшие ранее эмблемы Щербатов также использовал в своем гербовнике, правда с пометой: «Сей герб есть тот, который город Ревель употребляет», или «Сей герб находился уже прежде сделанной в Герольдии». Например, в отношении тульского герба приписано: «Сей герб находился уже прежде сделанный в Герольдии». С точки зрения правил геральдики рисунки в гербовнике выполнены грамотно: верно использованы геральдические фигуры, нет наложения цвета на цвет. Композиция рисунков проста и вполне соответствует заложенной в гербе идее.

Основной принцип, которому следовал Щербатов, занимаясь герботворчеством, — составление герба с учетом характерных особенностей города: природных условий, ремесел, традиций, исторических событий. Например, в гербе города Олонца Щербатов изобразил серебряный фрегат «в напаметование учрежденного карабельного стропения Петром Великим в 1703 году на Ладейном поле», на золотых и серебряных полосах два молота «под рудоискательною зеленою лозою, изъявляющее обретенные руды золотые и серебряные в сем уезде и заведенные заводы». В гербе города Ахтырки появился золотой крест с сиянием, «изображающий знаменитость сего города по великому числу приезжающих богомольцев». Изюм — три виноградные кисти, «показующие самое именование сего града, и что плод сей круг сего града рождается»; Острогожск — «в зеленом поле златый орженный сноп, показующий богатые жатвы областей сего города»; Сумы — три черные сумы, «показующие именование сего города».

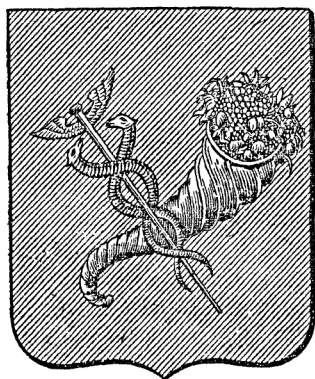
Харьковский герб по воле Щербатова получил эмблему: рог изобилия, перекрещенный с кадуцеем (обвитый двумя змеями жезл). Эмблема «изъясняла» «1-е — изобилие окружающих стран сего града и 2-е — самую его торговлю по бывающей тут знатной ярмонке».

Вспомним: именно этим городам составлял гербы в свое время Бекенштейн, но те гербы так и остались лишь в рисунках. Внесенные же в гербовник Щербатова рисунки были утверждены законодательным актом и получили силу официальных гербов, причем с пометой «старый герб». Щербатов, по-видимому прекрасно уловивший

Герб города Изюм, утвержденный правительством в конце XVIII в. согласно рисунку из гербовника М. М. Щербатова

Герб города Сумы, утвержденный правительством в конце XVIII в. согласно рисунку из гербовника М. М. Щербатова

Составленный М. М. Щербатовым герб Харькова. Утвержден правительством в конце XVIII в.

Составленный М. М. Щербатовым герб Оренбурга. Утвержден правительством в конце XVIII в.

смысл городского законодательства Екатерины II, постарался в городской эмблеме отобразить идею господства над городом верховной власти, идею милости императрицы, по воле которой город получал якобы самоуправление. В городской герб он часто вводит фигуру, являющуюся символом царского самодержавия. Впервые Щербатов выразил эту идею в гербе Вытегры. Основной фигурой здесь является «златый императорский скиптр, прямостоящий с оком провидения». А символизирует эмблема «надежду, каковую пользу от учреждения сего города может империя Российская приобрести и купно милость и провидение монаршее».

Большинство гербов в составленном Щербатовым сборнике рисунков для полковых знамен включает изображение возникающего (так называемая возникающая фигура соприкасается с одной из сторон щита, но видна лишь наполовину) двуглавого российского орла. Последний, конечно, символ царской власти над теми областями, по имени которых назывались полки, и над народами, составлявшими полки, вступившими под покровительство России (например, Иллирический, Сербский, Далматский). Возникающего двуглавого орла видим и в гербе Оренбурга. Щербатов составил новый оренбургский герб, отличавшийся от сочиненного во времена Кирилова и Татищева. Что представлял собой его рисунок? Это — «златое поле, разрезанное напополам голубою извилистою полосой, показывающую тут реку Урал; в верхней части — выходящий двуглавый орел, в нижней части — голубой андреевский крест в знак верности сего града». Именно данный рисунок утвержден в качестве герба города Оренбурга.

У нас мало сведений о работе Герольдмейстерской канторы в самый бурный период ее деятельности. Штат художников, по-видимому, был невелик. После смерти в 1768 г. живописного мастера Ивана Токарева, начинавшего свой путь в качестве ученика И. Чернавского, его место занял Артемий Бутковский. Он в течение долгих лет был основным исполнителем художественных работ в Герольдмейстерской канторе, снискав себе славу человека «добропорядочного, прилежного и искусного в живописном деле». Известно, что в начале 80-х годов рисованием городских гербов занимались художники Иван Шаврин, Алексей Шерстнев, Иван Москвитенев.

Герольдмейстерская кантора проводила тщательную проверку — «всем ли оным (городам.— Н. С.) есть гербы

и описании или которым нет». Здесь вырабатывались и правила, по ним составлялся городской герб. Выше мы уже писали, какими принципами руководствовался Щербатов. Вероятно, от этих правил не отступали и в дальнейшем. Вот только сама форма герба с течением времени претерпевает изменения, и в конце концов российский городской герб принимает определенный специфический вид.

Первоначально городской герб рисовался таким образом: гербовый щит и на нем эмблема. Городские гербы Калужского, Тульского наместничеств, трех городов Иркутского наместничества подчинены этому правилу. В их составлении участвовал М. М. Щербатов. Вместе со Щербатовым трудился на ниве городского герботворчества И. И. фон Энден. Последний хоть и служил много лет беспорочно, но в основном по военному делу: в 1730 г. поступил на службу солдатом, в 1733 г. уже был сержантом и дослужился до майора; оставил на время службу, а в 1768 г. в чине надворного советника состоит в Статс-конторе. Данные биографии фон Эндена, как видим, не свидетельствуют о его склонности и какой-либо причастности к геральдике. Тем не менее по предложению генерал-прокурора А. А. Вяземского Сенат признал фон Эндена «за способного» исполнять должность товарища герольдмейстера. Он попробовал свои силы в герботворчестве, сочинив гербы городов Ярославского наместничества, о чем сообщается в указе от 20 июня 1778 г.

«В сочинении же он держался главным предметом в каждом новом городе иметь часть герба Ярославля с некоторым по приличеству каждого названия, где можно было, прибавлением». Таким образом, «с легкой руки» фон Эндена русский городской герб приобретает характерную форму: наместнический герб объединяется с собственно городским. Правда, на первых порах использовалась какая-то часть наместнического герба (в гербах Костромского наместничества — «корма галерная с тремя фонарями и с опущенными лестницами»; в гербах Рязанского наместничества — «серебряный меч и ножны, положенные накрест, над ними зеленая шапка, какова на князе в наместническом гербе»), но спустя какое-то время в верхней (1-й) части щита наместнический герб помещался целиком и обязательно.

Эта форма русского городского герба вызвала критику знатоков геральдической науки в XIX в., ибо, по их мнению, при подобной композиции главной являлась

эмблема наместнического герба, а символ самого города играл подчиненную роль, занимая в гербовом щите второстепенное место.

Основная масса российских городских гербов, т. е. практически все, что возникли в последней четверти XVIII в., имеет подобную форму. Их очень легко отличить по виду от «старых», ранее сочиненных, у которых в гербовом щите располагается одна эмблема.

В верхней (1-й) части щита иногда помещен не наместнический герб, а государственный — двуглавый орел. По предложению герольдмейстера А. А. Волкова в наместничествах Могилевском и Полоцком якобы потому, что их города гербов не имели (что не совсем соответствует действительности — в 1772—1773 гг. белорусский генерал-губернатор З. Г. Чернышев прислал рисунки гербов белорусских городов, ранее входивших в состав Речи Посполитой), в каждом гербе, включая и наместнический, в верхней части помещалось погрудное изображение двуглавого орла — «в знак того, что сие наместничество присоединено к империи Российской». Такие же «знаки присоединения к империи Российской» видим и в гербах городов Минского, а также Волынского, Брацлавского, Подольского наместничеств. Правда, в отличие от первых двух названных выше белорусских наместничеств в последующих, как правило, видим и прежние гербы, если у городов они ранее имелись, ибо поступило правительственное указание принимать во внимание прежние городские знаки. Например, в отношении городских гербов Прибалтики, русской Финляндии указывалось, что они «гербы имеют старинные, донныне там употребляемые»; о гербах городов Украины (Киевского, Черниговского, Новгород-Северского наместничеств) — «собраны прежние гербы городов».

Документы Герольдмейстерской конторы — центра по изготовлению городских гербов, правительственные указы в отношении городского герботворчества позволяют воссоздать картину этого грандиозного мероприятия. Процесс составления гербов при всей его кажущейся массовости имел вполне целенаправленный характер. Для городов Великороссии, которые никогда, по сути дела, не имели гербов, они составлялись заново, так сказать, поточно. Районы же, имевшие особые привилегии, заслуживали и в городском герботворчестве больше внимания: Герольдмейстерская контора тщательно проверяла, имел ли город раньше герб, кем пожалован; если герба ранее не было,

то обязательно запрашивались сведения о городе, на основании которых и составлялся новый герб.

К сожалению, мы не располагаем данными, рассказывалась ли новая анкета во все города России. На основании каких сведений составлялись в этот период городские гербы? По-видимому, Герольдмейстерская контора имела сведения о городе, которому сочиняла герб, так как описанию герба в указе сопутствует объяснение, почему для герба избрана та или иная фигура.

Очень часто в литературе можно встретить рассуждения о том, что герб — источник по истории города. Какие же «фигуры» преобладают в российских городских гербах? О чем они могут нам рассказать? Из более чем 500 городских гербов, утвержденных в последней четверти XVIII в., исключим гербы с пометой «старый» (о них еще будет рассказ), а также гербы, которые имелись у ряда городов до присоединения их к России. Получим примерную цифру 350. Если принять эту цифру за 100%, то ок. 32,5% составляют гербы, в которых отражены сведения о развитии в городе (и его округе) хозяйства (промыслы, производство, земледелие, скотоводство, садоводство, пчеловодство) и торговли; 25,5% — о природных условиях (животный и растительный мир, местоположение); 16,5% — «говорящие» гербы; 5,5% — архитектурные сюжеты; 5,5% — этнографические сюжеты; ок. 4,5% — исторические сюжеты; ок. 3,5% — знаки верховной власти; ок. 2,5% — церковные сюжеты; ок. 2,5% — варианты герба более древнего города.

Предметы, избранные для выражения всех этих сюжетов и понятий, очень разнообразны, причем часто один и тот же предмет символизирует не совсем одинаковые понятия. Например, конь в гербах городов Починки, Бронница, Томск означает, что здесь были конные заводы, а в гербе города Данков — лошадиные ярмарки; пушные звери в некоторых гербах свидетельствуют о животном мире городской округи, а также могут символизировать пушной торг и т. д. И тем не менее в подборе символов существуют определенные закономерности. Так, никогда изображение пристани не ассоциируется, предположим, с обширной пашней или высокими урожаями, которыми славится городская округа. Хлебный же колос или сноп ржи в гербе города не употребляются как символы торговли; кадка с дегтем, тюк товара — как символ высокого уровня земледелия и т. д. О чем это говорит? О том, что предметы, изображенные в городском

гербе, не выбраны произвольно. И несмотря на кажущийся бытовизм, они символичны. Символизируют специфику города.

Значит, при всей условности гербовых изображений можно усмотреть в их сюжетах черты, характеризующие облик русского города XVIII в.

Еще яснее проступает в символике городских гербов правовой момент. Несмотря на то что сами по себе знаки верховной власти, казалось бы, не так часто составляют эмблему городского герба, символ самодержавия присутствует почти в каждом отличительном знаке города, ведь верхняя его часть — наместнический герб, в котором, как правило, изображены держава, скипетр, корона, знамя с гербом, княжеская шапка и пр. Иногда, мы об этом говорили выше, там находит себе место и двуглавый царский орел. Знаки верховной власти дополняются церковными символами: благословляющая рука, крест, святая.

Таким образом, в российской городской символике сделан сильный акцент на пропаганду официальной идеологии. В то же время своеобразная конструкция русского городского герба визуальнo воплощала суть правительственной политики по отношению к городу: город (это показано при помощи «подчиненности», вторичности городского герба) имеет самостоятельность (самоуправление) по монаршему благоволению (символ верховной власти над городским гербом). Во внешней форме городского герба нашла отражение и политика правительства по урегулированию административно-территориального устройства России. Форма герба (вверху — наместнический (губернский) — основной, внизу — городской — подчиненный), которая сложилась в процессе массового городского герботворчества, соответствовала реальной структуре административного деления, состоявшегося в России. Позднее, в XIX в., форму герба еще более усовершенствовали. При помощи таких элементов, как короны различного вида, обрамление гербового щита, можно было по городскому гербу судить о его значимости в государстве, количестве населения, характере экономического развития.

Итак, городские гербы визуальнo показывают нам, какой знак они собой представляют. Изучение же документального, исторического материала дает в руки исследователя факты, позволяющие объяснить, почему Россия в официальном порядке вдруг решила создать у себя

систему городских гербов, институт городского герба

В том, как создавался в России в 1775—1785 гг. этот институт (массовость законодательных актов, подчеркивание необходимости оформления уже существовавшего герба, например в прибалтийских городах, особым пожалованием Екатерины II; изготовление каждому городу жалованной грамоты с красочным гербом, введение в городском делопроизводстве печатей с гербом города и т. д.), ощущаются определенные парочитость, претензия на внешний эффект, помпезность. Со стороны русского правительства это был шаг, аналогии которому трудно найти в истории европейских государств того времени. Реально представляя себе классовую сущность городского законодательства последней четверти XVIII в., в этом санкционированном верховной властью массовом «действии» по созданию городского символа видишь мероприятие, рассчитанное на соответствующее воздействие на общественное мнение относительно реформаторской деятельности Екатерины II. Ведь по Городовому положению 1785 г. «новые действительно городские учреждения получили... очень и очень скромную долю самостоятельности». Это отмечали еще русские буржуазные историки, в частности И. И. Дитятин. Фактическая власть в городе передавалась представителям дворянства, но не горожан, что соответствовало всей политике царского правительства, направленной на укрепление существующего общественно-политического строя и усиление диктатуры дворянства на местах. В этих условиях внедрение городского знака, который призван был символизировать городское общественное самоуправление, производит впечатление камуфляжа. Внешне эффектные оформления городских привилегий, как щитом, прикрыли формальность провозглашенного правительством Екатерины II городского переустройства, классовую феодально-крепостническую сущность реформ 1775—1785 гг. Однако нельзя забывать о фоне, на котором свершился этот акт верховной власти. Фоном же служила не укладывавшаяся в рамки официальных распоряжений деятельность различных лиц и организаций в связи с учреждением городского символа. На этом фоне действия правительства приобретают характер своеобразной поддержки сверху общественной инициативы по оформлению, пусть чисто внешнему, муниципальной автономии. Последняя представляет собой одно из звеньев в цепи преобразований городского устройства. Вопрос о ней отражает социально-экономическое разви-

тие русского города XVIII в., в котором складывались буржуазные отношения и удельный вес которого в рамках феодально крепостнической системы все более возрастает.

Не случайно такой быстрой была реакция на законодательное введение городских гербов. Они немедленно включаются в городское делопроизводство. Так, уже в январе 1786 г. в «Генеральной записке о исполнении городского положения» о Санкт-Петербурге говорилось: «гербы во всех городах губернии утверждены», «печать градского общества изготовлена». В то же время городское положение вошло в силу в Москве, а через год — в большинстве других губерний. Городские печати с конца XVIII в. вплоть до 1917 г. обычно несли изображение герба города. Известны примеры такого «уважительного» отношения к городскому знаку, как изображение его на флаге, вывешенном на общественных городских зданиях. Кажется, что теперь город не мыслит себя без герба, собственного отличительного знака.

Если в давние времена представители дворянских фамилий спорили, чей род древнее, то теперь многие города пытаются доказать: их герб известен «от древних времен», стараются «состарить» собственный герб. Такие заявления поступили из Владимира, Белозерска, Казани, Свияжска, Вологды. Городам Мурому и Воронежу гербы были пожалованы по указу Екатерины II, но оттуда пришли сообщения, что эти города имели старые гербы и их описания по военному знаменному гербовнику. Некоторые города изобретают легенды о пожаловании им гербов издавна, задолго до указов Екатерины II. Например, илиссельбуржцы считали, что герб — ключ под короной — пожаловал им Петр I в 1702 г., а жители Павловска Воронежского наместничества — что герб пожалован в 1732 г. Уральск Кавказского наместничества, городам которого гербы составили и утвердили позднее, чем многим другим, тем не менее при описании города датирует герб 1776 г. Он будто бы был пожалован городу (это сдзок на коне, вверху две рыбы, а внизу гора) и прислан от генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина. Здесь речь, скорее всего, идет о печати Уральского казачьего войска. Рыльск полагает, что его герб дан городу «прежними государями российскими». Колонна в гербе Симбирска? Это, конечно же, «за двукрагную храбрую оборону от разбойника Степки Разина». Кстати, колонна присутствует еще в одном гербе — подмосковного го-

рода Коломны. Тут уж самая красивая легенда: город построен знатным человеком Карлом Коломной, выехавшем из Италии, около 1147 г., «отчего он (город Н. С.) имя свое и герб, представляющий коломну или столп, заимствует». Ярославль так объясняет свой герб: «Сей герб дан великим князем Ярославом по той причине, что он, шествуя в Ростов по проливу из Которосли в Волгу, нашел на медведя, и онаго с помощью людей своей свиты убил».

Очень подробные сведения о городах и городских гербах содержатся в таких памятниках географического и экономического изучения России XVIII в., как Топографические описания наместничеств. В Топографических описаниях все города приводят сведения о своих гербах, иногда, как это было показано выше, придумывая даже легенду о городском знаке. Нет ни одного города, который бы забыл упомянуть о нем.

Города Прибалтики и Украины наряду с подробным описанием пожалованного им герба (а не следует забывать, что при составлении городских гербов в наместничествах Киевском, Черниговском, Рижском, Ревельском, Выборгском учитывался прежний герб) сообщают сведения о его возникновении, причине и времени появления, кем был пожалован и т. д.

Особенно подробные сведения о городских гербах — старых, новых, сравнение их с существовавшими магистратскими печатями — приводятся в Топографическом описании Черниговского наместничества.

Не только Топографические описания уделяют особое внимание символу города. О городских гербах теперь непременно упоминается в любом печатном труде, посвященном историческому и географическому исследованию города или целого региона: в календарях-месяцесловах, в специальных работах по истории города, наместничества, в трудах справочного характера, содержащих сведения различного характера о России конца XVIII в. и пр. Появилось определение городского герба. Его предложил герольдмейстер Л. И. Талызин: «Гербы городские суть те, которые даются по свойству каждого города на основании высочайшей конфирмации». Эмблемы, символизирующие города, по мнению Талызина, «обыкновенно происходят или от свойства оных или от их местоположения, или от какой-нибудь особенной редкости».

Рисунки городских гербов в виде подарков подносят-

ся Екатерине II. Их изображают на пуговицах форменной одежды, на особых знаках должностных лиц.

Из военного ведомства гербы изымаются — снимаются со всех полковых вещей, кроме знамен (через некоторое время и знамена приобретают другой вид) и печатей. Печати, напротив, обязаны были изготовить только с гербом крепости или города, в котором стоял гарнизон. В 1784 г. во все крепости и гарнизоны, всем обер-комендантам и комендантам разослали указ сделать на местах печати: «Наипаче как со внесением во оные одних токмо гербов тех городов, которых они, обер-коменданты, суть... А в случае таком, естли в котором из сих городов гербов не отыщется или и вовсе еще нет, относились бы о доставлении их рисунков на те города гербов прямо от себя в Герольдию...». Напрасно коменданты некоторых крепостей высказывали свои сомнения относительно необходимости сочинения гербов для крепостей, ссылаясь на то, что крепость — «не город». Военная коллегия сняла этот вопрос, предписав крепостям обращаться за рисунком герба в Герольдмейстерскую контору. Ввиду того что Герольдмейстерская контора не спешила посылать в крепости рисунки, некоторые коменданты составили их по собственному разумению и «по приличеству крепости». Например, комендант Енотаевской крепости внес в рисунок «государственный герб и крепость с Волгою рекою и тремя островами». На рисунке изображена не только крепость, но и такие детали, как дороги, ведущие из крепости в Астрахань, в Черный Яр, калмыцкие кибитки и т. д. Естественно, что подобный эскиз трудно было посчитать за символ крепости.

Еще более сложный рисунок представил комендант крепости Петропавловская Оренбургской губернии: в центре он поместил гору, над ней — корону, под ней — три звезды, обозначающие Троицкую дистанцию (в состав которой и входила крепость). Ниже композиции — простертая рука держит ключ, а под ней опять-таки на горе ружье и шпага, поставленные косым андреевским крестом, «что значить будет Петропавловская». Сопровождает «герб» еще и надпись по кругу.

Хоть составлялись эти гербы не профессионалами, а любителями, в них ясно прослеживается та же идея, что и в основной массе гербов, созданных в правительственном учреждении: присутствие знаков царской власти, отражение официальной идеологии Российской империи.

Составление гербов постепенно превращается в моду,

в геральдике «пробовали себя» должностные лица, абсолютно несведущие люди присылали проекты гербов в Герольдию, чрезвычайно популярным стало сочинять местный герб у себя в городе или области.

Итак, городской герб в качестве знака, символизирующего отличие города от деревни, характеризующего город как самостоятельный административный центр с собственным управлением, был положительно воспринят русским обществом, что нашло свое выражение в самых различных проявлениях общественной жизни.

Однако в течение XIX в. идея городского герба как символа самостоятельности города теряла в глазах общества свою привлекательность вследствие несостоявшихся надежд на городское самоуправление, провозглашенное Городовым положением 1785 г. и не осуществленное в полной мере на практике. Об этом в следующей главе.

Глава VI

ГОРОДСКОЙ ГЕРБ И ДОЛЖНОСТНОЙ ЗНАК

В отделе нумизматики Государственного Исторического музея хранится любопытный экспонат. На металлическом жетоне надпись: «4-й части: квартала надзиратель», а в центре жетона — изображение герба города Твери. В той же коллекции имеются и другие знаки с городскими гербами: агента оценочной комиссии, городского контролера по канализации, базарного смотрителя. Как правило, все они датируются XIX в. На первый взгляд такое сочетание удивляет: с какой стати должностной знак простого служащего несет символ города? Это ведь не городской голова, не член городской думы... Казалось бы, что в качестве символа «градского общества» городскому гербу следовало занять другое место, а уж если помещать его на знаке должностного лица, то это должен быть не иначе как «отец города». Тем не менее XIX век оставил нам много самых различных вещественных памятников, отмеченных городскими гербами. Кроме городских печатей, территориальный герб (городской, губернский, областной) изображался: на знаках должностных лиц: на печатях различных организаций и лиц, занимающих определенные административные посты; на пуговицах, погонах должностных мун-

диров гражданских служб и на кокардах их головных уборов; на памятных медалях и жетонах; на флагах местных любительских и профессиональных организаций; на пограничных, межевых и прочих знаках, разделяющих губернии, и т. д.

Городской герб превратился в подобие украшения. Однако не надо забывать, что украшение-то было особое: царский вензель, корона, скипетр и прочие символы царизма, вплетенные в рисунок герба, напоминали, подчеркивали, вбивали в головы людей идею о незыблемости монаршей власти. Делалось это при помощи визуальной пропаганды ее атрибутов.

Забегая вперед, отмечу, что на протяжении XIX в., вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, институт герба использовался почти исключительно в целях укрепления идеи самодержавия, поддержания престижа царской власти; герботворчество включается в систему правительственных мер по усилению централизации и бюрократизации государственного аппарата. Но ведь городской герб — это прежде всего символ самоуправления города, его отличительный знак; он свидетельствует о значимости города в общественной жизни... Такое место (по крайней мере формально) отводилось городскому гербу согласно Жалованной грамоте 1785 г.

Преемник Екатерины II Павел I отменил пышный акт пожалования городу самоуправления, который в виде рассылки Жалованной грамоты и красочного герба ввела императрица. 5 августа 1800 г. он издал указ — составить в Герольдии «Общии гербовник городов Российской империи». Все подлинники городских гербов, утвержденных монархом, хранились отныне в Герольдии. Вместо Жалованной грамоты и красочного подлинника герба городу посылалась только копия. По-видимому, смысл подобной процедуры был таков: уничтожить даже мысль о самостоятельности города, которую последнему давали Жалованная грамота и герб как символы этой самостоятельности. Воля монарха — единственное, что может определять степень прав города.

Герольдия рассылает по городам копии гербов вместо жалованных грамот, но вынуждена прервать работу. К власти приходит новый император — Александр I — и восстанавливает Городовое положение, Жалованную грамоту городам. Герольдии приказано приостановить рассылку копий гербов и производить «заготовление и

выдачу городам грамот по точной силе вышенабразженных 1785 и 1786 года указов». Одновременно указывалось «не останавливать... и сочинение из всех гербов общего городского гербовника для хранения оного при Сенате».

Однако в силу ли общей политики в отношении городского устройства и управления, проводимой правительством в первой половине XIX в. (исследователи правового положения русского города считают, что до 1846 г. Городовое положение конца XVIII в. не изменилось), в силу ли иных обстоятельств, но до 40-х годов XIX в. «Общий гербовник городов» так и не был составлен.

Только в 1839—1840 гг. в Герольдии решено собрать копии употребляемых городских гербов: их надлежало получить из всех губерний и уездов вместе с описаниями. Далеко не все губернии откликнулись на запрос, а некоторые города, как оказалось, вообще не имели гербов. Пора было, видимо, сочинить недостающие гербы, но Герольдия не проявляет особого энтузиазма в плане городского герботворчества. Работу по сочинению гербов Герольдия намеревалась возложить на губернское начальство: пусть гербы составляют на местах «на основании исторических о каждом городе воспоминаний и других каких-либо местных сведений». Проходит время, и в октябре 1843 г. герольдмейстер Д. Н. Замятин сообщает министру юстиции В. Н. Панину (который курировал деятельность Герольдии), что составление «Общего гербовника городов Российской империи» все еще не начато. Более того, в Герольдии даже нет рисунков городских гербов: несмотря на то что «подлинные высочайше утвержденные гербы городов должны храниться в Герольдии, но таковые, однако же, хранятся не в оной, но в Сенатском архиве, переплетенные вместе с прочими высочайшими указами». Это было большим неудобством, «ибо гербы те должны всегда находиться под рукою как для беспрестанных справок, так и для соображений при рассматривании сочиняемых новых гербов городам».

«Рассматривания» вновь не последовало, хотя министр юстиции лично указал Герольдии на необходимость создания городского гербовника, так как эта «обязанность не выведена из круга прямых ее занятий». Герольдмейстер оправдывался тем, что трудно-де извлечь рисунки гербов из Сенатского архива, что средств у Герольдии мало...

Дело государственной важности — работа над подготовкой и выпуском «Полного собрания законов Российской империи» (далее: ПСЗ) — настоятельно требовало, чтобы Герольдия занялась проверкой помещенных в нем описаний гербов, составила недостающие гербы и т. д. Рисунки гербов, утвержденных и узаконенных как Приложение к ПСЗ, издали отдельной книжкой в 1843 г. В Герольдию после этого пришел список городов, вопрос о гербах которых оставался открытым. Ответ герольдмейстера был настолько невразумительным, что нельзя было понять: то ли гербов городам из списка не было дано вообще, то ли они не были утверждены установленным порядком.

Поскольку издание ПСЗ контролировалось правительством, Герольдия получила самые серьезные указания сверху содействовать унифицированию публикуемых в нем материалов о городских гербах. Особо отмечалось, что «если который-либо город, как, например, Астрахань и Газенпот, употребляют уже герб, усвоенный ему обычаем или начальством в старое время, то не сочинять для него нового герба, но подносить к высочайшему утверждению употребляемый им герб».

Оперативность, динамичность, четкость и планомерность действий по урегулированию и утверждению городских гербов — вот что требовалось от Герольдии. Соблюдение формы, четкой системы, которые кардинально не меняли суть многих предпринятых правительством Николая I мероприятий в различных областях государственной жизни, возводилось в основной принцип деятельности, закон, что влекло за собой распоряжения, предписания, установления... Вот и городское герботворчество, низведенное почти во всех странах Европы, главным образом под влиянием Французской буржуазной революции, до положения жалкой проформы, в России середины XIX в. подвергалось строгому регламенту и учету. Сам царь Николай I требовал, чтобы гербы составлялись строго «по правилам геральдики». Для большей упорядоченности их создания все дела по герботворчеству передали в ведомство министра внутренних дел. 3 мая 1829 г. именной указ по Министерству внутренних дел сосредоточил материалы, касающиеся гербов городов, губерний и областей, в Департаменте полиции исполнительной. Через Комитет министров рисунки гербов подавались на подпись царю.

Однако ведь сначала надо было появиться рисунку.

И вот Министерство внутренних дел предпринимает ряд мер по сосредоточению у себя проектов городских гербов. 12 ноября 1836 г. в губернии и области, гражданским и военным губернаторам рассылается циркуляр с требованием уведомить, все ли города данной губернии имеют гербы; «и если не все, то, составив проекты гербов, доставить их в министерство для представления к утверждению». Что интересно в этом циркуляре? Министерство внутренних дел устраняет Герольдию от герботворчества и целиком возлагает его на местные органы власти. Кто же на местах занимался созданием гербов? Вот что сообщал енисейский губернатор: в его губернии составление рисунков гербов было поручено Строительной комиссии, но она не выполнила задания. Тогда работу поручили «одному из учителей здешнего уездного училища, обучавшему рисованию». «Проекты гербов,— пишет губернатор,— составлены им под моим руководством и по отличительным свойствам каждого из округов». Кстати, среди проектов гербов этой губернии есть и герб Красноярск: «В голубом щите представленный венок и сноп из колосьев означают плодоносную почву земли; далее видно песчано-глинистое возвышение (яр) с обрывами красного цвета (Красноярск), облегающее Красноярск на большое пространство, по левой стороне реки Енисея». Но ведь герб Красноярск как города Томской губернии утвержден еще в 1804 г. (на гербе — красная гора)! А через 20 лет отослан другой вариант красноярского герба (Енисейской губернии): щит разделен горизонтально надвое, в верхнем зеленом поле — белая лошадь, в нижнем серебряном поле с левой стороны — красная гора. Не много ли гербов у одного города? В конце концов в 1851 г. у Красноярск появился еще один герб, последний вариант: в красном поле стоящий на задних лапах золотой лев, в передних лапах несущий серп и лопату.

Из Астраханского губернского правления прислана в 1839 г. известная астраханская эмблема с пояснением, что этот герб усвоен «начальством с давнего времени, вероятно, с покорения Астраханского царства под скипетр Российской державы». Оттуда же прибыли проекты городских гербов Красного Яра, Черного Яра, Енотаевска, они составлены «учителем здешней гимназии Шамшевым». А после нового запроса, в 1849 г., Астраханское губернное правление поручило губернскому землемеру, «соображаясь с описанием проектированных гербов для

городов Красного Яра, Илотаевска, Черного Яра, составить оным новые проекты с соблюдением всех правил геральдики...».

Бессарабское областное правление прислало гербы, составленные в ведомстве областного землемера. Там же им дано соответствующее толкование, объяснены эмблемы.

Луганская же городская дума не нашла ничего лучшего, как утвердить проект городского герба, который составил коллежский ассессор Першин.

Однако не только учителя и землемеры занимались на местах герботворчеством. В 1819 г. генерал А. П. Ермолов по собственной инициативе создал проект герба Грузии. Генерал намеревался представить гербы всех уездных городов, находящихся под его управлением. А повгородский, тверской и ярославский генерал-губернатор спроектировал герб Череповца и подал его на подпись императору. Герб уездного города Лепеля составлен витебским губернским предводителем дворянства. Проект герба Иваново-Вознесенска создал владимирский губернатор. Самарский губернатор прислал в Герольдию свои соображения о гербах Николаевска и Новоузенска. Рисунок герба города Таганрога был представлен таганрогским градоначальником, а гербы городов Екатеринославской губернии составлялись местным губернским начальством.

Приведем примеры прямо-таки массового герботворчества, которое осуществляли местные власти. Двадцать проектов гербов Грузино-Имеретинской губернии, Каспийской области, их уездов и городов представил Сенату министр внутренних дел. Он доложил, что эти гербы «начертаны по проектам совета Главного управления Закавказским краем». Гербы всех городов Енисейской губернии составило Енисейское губернское правление, гербы городов Семипалатинской области — местные городские управления и т. д.

Требования, предъявляемые к создателям гербов, в XIX в. оставались традиционными: отразить в рисунке герба исторические, экономические и территориальные особенности города. Когда речь зашла о гербе Семипалатинска, «члены ратуши по совещании с почетнейшими купцами и мещанами» предложили такой проект герба: в одной части гербового щита помещен верблюд «с навьюченными на нем тюками в знак торговли на караванах с соседними азиатами», а в другой — соха «со всем

прибором в знак хлебопашества населения, в результате которого разведена там китайская многоплодная пшеница и английская ярица».

Не все губернии могли дать четкие сведения о гербах подчиненных им городов. В курской чертежной найдены копии с гербов Белгорода и Путивля; как они туда попали — непонятно. Эмблемы Белгорода и Рыльска известны с первой трети XVIII в., а курский губернатор заявил, что эти города утвержденных гербов не имеют. Полтавский губернатор не сумел найти достойных внимания фактов и событий, на основании которых можно было бы нарисовать гербы городов Константинограда и Кобеляк.

Министерство внутренних дел, занимаясь территориальными гербами, с возложенной задачей справлялось, но работа невольно сопровождалась «межведомственными» сложностями, ведь часть гербов (копии, а возможно, и подлинники) оставалась в Герольдии, из-за этого на многие запросы министерство не могло ответить. Трудно было в середине XIX в. вести строгий учет всех прежних и вновь создаваемых гербов — возникали «накладки»: некоторые города (Кострома, Красноярск, Таганрог) стали обладателями сразу нескольких гербов; другие города (Самара, Белгород, Путивль, Рыльск, Царицын), имевшие «старые» эмблемы, оказались без официально утвержденных гербов. Не было единого центра, руководившего герботворчеством. Случалось, что проекты гербов одних и тех же городов составлялись в двух «конкурирующих» организациях: в Министерстве внутренних дел и в Герольдии.

Постепенно создание гербов возвращается «на круги своя» — в Герольдию. Опять (в который уж раз!) начинается здесь складываться штат живописцев. Найти их оказалось не так-то просто. В 1846 г. вакантные должности художников в Герольдии не были заполнены. В конце концов их заняли иностранцы, не имеющие права в обычном порядке вступать в гражданскую службу. В специальном правительственном постановлении по поводу отступления от закона делалась ссылка на то, что крайне затруднительно отыскание «опытных по этой части художников». От «некомплекта» же художников остановилась работа по изготовлению гербов.

...Многие годы во славу российской геральдики трудились живописцы А. Беземан (ганноверский подданный) и уроженец Финляндии О. Альтдорф. Они, «зани-

маясь неоднократно отделкою гербов... приобрели навык, необходимый для сего рода живописи». Печальна судьба художников. Им приходилось трудиться над рисунками дворянских и городских гербов, однако вместо обещанных 400 рублей в год они получали лишь 280 рублей. По этому поводу художники ежегодно отправляли рапорты, на которые ответа не получали. В документах Герольдии содержится слезное прошение вдовы Альтдорфа о помощи, так как после смерти мужа она осталась без средств к существованию. Ей выделили на похороны художника 25 рублей. В 1867 г. старший художник Беземан, прося о назначении пенсии, писал, что, проработав в Герольдии более 20 лет, потерял зрение и здоровье, а в результате не имеет никаких средств к существованию и сил для работы.

Кроме этих двух художников, хотелось бы отметить еще одного живописца, который в середине XIX в. преданно служил делу создания гербов. Губернский секретарь Н. Фадеев в 1857 г. выдержал конкурс на место живописца Герольдии. Спустя несколько лет он уже получал оклад 600 рублей в год. Современники отмечали, что трудно было в Европе найти живописца, который бы имел такой хороший геральдический вкус и так тонко и искусно исполнял рисунки гербов.

Сосредоточение городского герботворчества в середине XIX в. в Герольдмейстерской конторе происходило под личным наблюдением царя. Он предложил, в частности, усилить пропагандистский характер городских гербов как знаков, отражающих правительственную политику. В 1851 г. Николай I дал указание «принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губернских городов, кои впредь будут представляемы на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону; на гербах же городов уездных ставить ныне употребляемую подобными городами городскую корону. По усмотрению министра внутренних дел императорскую корону употреблять только тем уездным городам, кои отличаются от прочих обширностью населения и вообще своею значительностью в административном, торговом и историческом отношениях».

Волю монарха по преобразованию российских территориальных (городских, губернских, областных) гербов выполнил «ученый геральдик», известная в XIX в. личность, барон Б. В. Кёне. Он очень угодил правительству своей деятельностью на поприще герботворчества: разра-

ботанная им система украшений не только унифицировала существующие гербы, делала их носителями определенных, строго установленных сведений об обозначаемых территориальных пунктах, но и приносила в каждый герб обязательный символ царской власти в виде различной формы короны.

За несколько лет до назначения в Герольдию Кёне она была преобразована в департамент Сената. Департамент герольдии в 1848 г. получил права, равные с другими департаментами Сената. Встал вопрос и о создании при нем особого отделения, где бы составлялись гербовники и рисовались гербы — словом, проводилась вся художественная работа. Специальное отделение по изготовлению гербов — Гербовое отделение — учредили 10 июня 1857 г. Отделение состояло из управляющего, секретаря, художника (художников) и чиновников для письма. Ответственность за составление гербов нес сам управляющий, поэтому придавалось особое значение кандидатуре на должность управляющего. В обязательном порядке требовалось: на эту должность надо найти «лицо, имеющее все необходимые познания для того, чтобы давать в случае официальных запросов надлежащие сведения по предмету сего отделения».

На управляющего возлагались и другие специфические обязанности. Надо было составить библиотеку «геральдических сочинений, в особенности до России касающихся, архив родословных и других документов, имеющих связь с его занятиями... коллекции слепков с древних российских и иностранных государственных печатей и предметов, до геральдики относящихся, и быть редактором геральдических сочинений...».

Круг обязанностей управляющего, как видим, был не только обширен, но и специален. «Квалифицированный и достойный» этого места человек наконец нашелся.

По рекомендации министра императорского двора В. Ф. Адлерберга выбор пал на «знатока геральдики» (он только что принимал участие в исправлении согласно западноевропейской моде государственного герба и создании гербов членам императорской фамилии) барона Бернгарда (Бориса Васильевича) Кёне.

Работая сотрудником Эрмитажа, Кёне занимался античной и западноевропейской нумизматикой, медалистикой, сфрагистикой. Правда, петербургские ученые Кёне не особо жаловали: он был заносчивым и стропти-

вым человеком. В его адрес даже сочинили злую стихотворную сатиру, несколько строк из которой мы приведем:

«Берлинский партикулярист,
Шпион по иностранной части,
Как самозванный геральдист
Добился он на службе власти».

Насколько справедливы эти строки, останется на совести современников Кёне. Нас же интересуют не личные, а деловые качества управляющего Гербовым отделением.

Кёне только что утвержден в новой должности, а на него уже возложен «пересмотр всех губернских и прочих местных гербов Российской империи, с тем чтобы... представить проектные рисунки тем из сих гербов, кои по неправильности их составления требуют исправления или изменения». Не прошло и года, как Кёне докладывает: переделка губернских и городских гербов согласно правилам геральдики идет полным ходом. Главное, что занимало Кёне, — наделение каждого герба «букетом» украшений. Основное украшение — корона, причем в зависимости от статуса и значимости города применялись разные виды корон, венчающих гербовый щит. Гербы губерний и столиц увенчаны императорской короной, гербы древних русских городов — царской шапкой наподобие Мономаховой, гербы уездных городов — серебряной башенной короной с тремя зубцами.

Что касается других украшений, то они должны были согласно традиции отражать политическое значение города, род занятий горожан. Гербовые щиты губернских городов обрамлялись теперь дубовыми листьями с андреевской лентой. Города с развитой промышленностью получали в дополнение к гербу александровскую ленту с двумя золотыми молотками. Земледелие и хлебная торговля обозначались александровской лентой с двумя золотыми колосьями. Гербы приморских городов украшены также александровской лентой, но уже не с молотками и колосьями, а с двумя золотыми якорями.

Помимо украшений, Кёне заинтересовала и структура русского герба. Читатель помнит: с легкой руки фон Эпдена большая часть городских гербов разделена горизонтально надвое: в верхней части — губернский герб, в нижней — самого города. Получается, что губернский герб — главный, хотя должно быть наоборот. Кёне предложил герб губернии помещать в вольной части щита

(пустой, не несущей какой-либо фигуры) городского герба, вправо (в правом углу щита), т. е. влево от зрителя, в крайнем случае (если правая часть занята) в левой, т. е. вправо от зрителя. При переходе города в новую губернию менялся губернский герб в вольной части щита. Наконец, в случае необходимости изображения на различных предметах герб губернского города можно было поместить в щитке на груди двуглавого государственного орла.

Внимательно изучив рисунки русских городских гербов, Кёне пришел к выводу, что среди изображенных на них фигур многие не являются геральдическими. Так, в гербе города Холмогоры Архангельской губернии в знак основанной там мореходной школы помещен квадрат — фигура, не оговоренная правилами геральдики. Кёне предложил изменить рисунок герба: гора в три холма (герб становился «говорящим»), над ней — бычья голова, поскольку жители города занимаются разведением скота.

Город Богородск Московской губернии издавна славился ткацкими изделиями, что отразилось в его гербе, поле которого занимал прядильный станок. Но это изображение Кёне счел отступлением от геральдических правил и заменил станок шестью пустыми ромбами. В таком виде новый герб Богородска утвержден в 1883 г. Два рога изобилия (Кёне их тоже счел негеральдическими фигурами) в гербе Новой Ладogi заменены двумя хлебными колосьями.

Рог изобилия и кадуцей харьковского герба также по причине «негеральдичности» не устраивали Кёне. Он предложил заменить их новыми эмблемами: конская голова, звезда, две византийские монеты. Конская голова должна означать конские заводы, находящиеся в губернии, звезда — университет, монеты — торговлю и богатство.

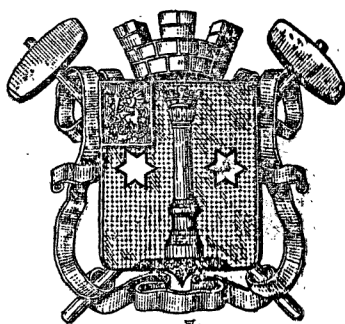
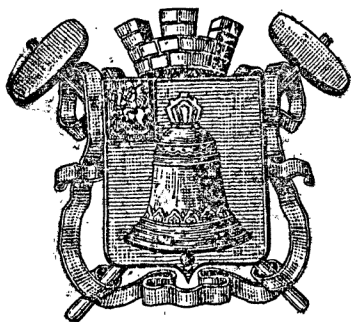
Когда вновь созданный герб Харьковской губернии 5 июля 1878 г. был опубликован согласно правительственному постановлению, разразилась буря в среде харьковского дворянства. В своих петициях оно требовало восстановления герба, который пожаловала Харькову Екатерина II. Это было, конечно, справедливо, ибо во всех уездных городах Харьковской губернии, в верхней части гербового щита помещался прежний герб. Возникло несоответствие. Ходатайство харьковского дворянства было в 1887 г. удовлетворено, однако к прежнему

гербу были добавлены императорская корона и соответствующие украшения гербового щита.

Подобные предложения об изменении гербовых фигур во многих городских знаках были сделаны Кёне и в других случаях. Из герба Воронежа он убрал двуглавого орла; в гербе Костромы придал новый ракурс и форму кораблю; перерисовал владимирского льва головой в фас; относительно геральдической фигуры в казанском гербе Кёне писал, что она неправильно названа змием, это дракон, а змий в геральдике обозначается по-иному; он отмечал неточности, встречавшиеся в описании вятского, новгородского, московского гербов, и т. д.

В общем, предполагалась полная перестройка формы уже существовавших гербов на общих геральдических началах, принятых, как это постоянно подчеркивал управляющий Гербовым отделением, во всех европейских государствах (поворот геральдических фигур обязательно прямо или вправо, но не влево; гербы не должны содержать изображений паровых машин, пистолетов и других новейших предметов, их следует заменять символическими изображениями, традиционными гербовыми эмблемами и т. д.).

Все это было, конечно, «бегом на месте» (сотни и сотни рисунков надо было заново перерисовать, подать на обсуждение и утверждение правительства, разослать на места) и практически неосуществимо. Однако определенная часть предложений законодательным путем была все же введена в практику при создании гербов городов и областей: это система внешних оформлений гербового щита — короны, орденские ленты и прочие атрибуты. Описание корон и украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов было опубликовано в ПСЗ в 1857 г. Согласно этому указу, выпуск всех следующих за ним территориальных гербов был сориентирован на определенную единую форму. Городская реформа 1870 г. и последующие за ней правительственные постановления снова привели в действие часовой механизм — составление, представление на утверждение верховной власти, публикацию утвержденных гербов. Чтобы унифицировать все городские гербы Российской империи, было необходимо поместить губернский герб в вольной части щита герба городского. Вспомним, что в городском гербе присутствовал еще старый наместнический герб. Его надо было убрать, заменив губернским. Однако сначала требовалось распределить города по губерниям

Гербы, утвержденные во второй половине XIX в. согласно проектам Б. Кёне (Звенигород, Коломна (верхний ряд), Воронеж, Московская губерния (средний ряд), Кубанская область (внизу))

(зачастую по новым!), нарисовать губернские и областные гербы.

В Гербовом отделении эта работа была проделана, гербы составлены.

Указом от 5 июля 1878 г. Сенат ввел в действие 46 гербов губерний (35) и областей (11). Все гербы имели атрибуты (короны, украшения), утвержденные ранее. Они были опубликованы в 1880 г. в виде отдельного сборника — «Гербы губерний и областей Российской империи».

Вскоре правительственный указ ввел в жизнь первую серию видоизмененных городских гербов: гербы города Москвы и Московской губернии. Хотя все они к концу XIX в. были утверждены, изображались на печатях городов, по постановлению 1883 г. гербы приобретали другой вид. В некоторых менялись центральные фигуры (вспомним герб Богородска), все гербы в вольной части имели герб Московской губернии, каждый городской знак получал соответствующие украшения. В конце XIX — начале XX в. утверждалось довольно много новых гербов. Так, в 1890 г. появились гербы Закаспийской, Ферганской, Самаркандской областей, затем Семиреченской области, Туркестанского генерал-губернаторства и ряда среднеазиатских и дальневосточных городов. Как правило, проекты их составлялись на местах. Однако где бы они ни сочинялись, все имеют узаконенные украшения вокруг щита и изображения губернского или областного герба в вольной части. Не все ранее утвержденные гербы имели данные атрибуты, поэтому в мае 1914 г. было принято специальное решение об обязательности для каждого городского герба помещать в вольной части губернский или областной герб.

Гербовое отделение строго следило за соблюдением этого правила, так как правительство ему запретило выдавать копии гербов, рисунки которых отступали от правила.

Однако Гербовое отделение не смогло полностью выполнить все распоряжения — началась первая мировая война, герботворчество в центре приостановилось, чего нельзя сказать, однако, о деятельности подобного плана на местах: проекты гербов составлялись и в 1916 г.

О чем свидетельствовала бурная герботворческая деятельность правительственных органов России середины и второй половины XIX в.? Какую пользу извлекал город из многочисленных постановлений, утверждений, беско-

нечных изменений формы гербов? Развивала ли внешняя мишура, вычурность атрибутики городского знака гражданские чувства, как это было на заре российского городского герботворчества?

Если в начальный период официального введения в России в XVIII в. городских гербов они как знаки муниципальной автономии заслуживали внимания русского общества (вспомним: как много писали о гербе, «удревняли» его, изображали на флагах, вывешенных в общественных городских местах!), то в течение XIX в. интерес к гербу тускнеет. Прямое доказательство — отрицательные ответы многих представителей городской администрации на вопросы центральных учреждений о местных гербах. В ответ на требования Герольдии о присылке ей копий с городских гербов и их описаний в середине XIX в. орловское дворянское собрание сообщило, что гербов городов Орловской губернии и их описаний ни дворянское собрание, ни губернское правление не имеют. «Отозвались неимением» гербов Тверская, Весьегонская, Зубцовская городские думы. Многие же губернские правления, если получали какой-либо запрос из центра по поводу герба, поручали составить его проект землемеру, не зная, что герб у города имелся. О гербах уже мало упоминают и в исторической и в краеведческой («отчизноведческой» — термин XIX в.) литературе: необязательность сообщения данных о гербе города, если речь идет в целом о губернии, епархии и прочих регионах, незнание и неточность описания эмблем в том случае, если о гербе все-таки идет речь... Равнодушие, безразличие, второстепенность сюжетики — все это становится понятным, если налицо невосприятие герба как символа города.

Почему же в общественном сознании произошла такая метаморфоза? Думается, что идея городского герба как символа самоуправления, самостоятельности города потеряла в глазах общества свою привлекательность из-за отношения последнего к несостоявшемуся городскому управлению, надежды на которое давало Городовое положение 1785 г. Посулы его не осуществились на практике. «Общее равнодушие к делам общественным» — вот как охарактеризовал крупнейший дореволюционный исследователь правового положения русского города И. И. Дитятин реакцию городского общества на несбывшиеся посулы правительства в отношении общественной автономии. Дитятин прямо пишет, что такие правительст-

венные приманки, как награждение служащих по общественным выборам чинами, орденами, различными привилегиями, облачение их в мундиры, не имели успеха в преодолении «равнодушия» русского общества к делам городского устройства. Царские посулы вылились в XIX в. в усиление правительственной опеки, которая поглотила зародыши самоуправления и автономии. Естественно, что и символ фиктивного самоуправления отныне воспринимался как фикция. В глазах российских горожан герб, может быть, потерял «авторитет» и в результате скептического отношения к различным знакам, титулам, гербам, званиям, которое возникло в общественной среде после Французской буржуазной революции, и, конечно же, волна отрицания атрибутов феодального общества докатилась к XIX в. и до России.

Итак, в XIX в. город, можно сказать, игнорировал герб, а правительство его насаждало. Герботворчество и использование гербов целиком обретает характер государственного мероприятия, проводимого сверху, а герб становится знаком, выражающим деятельность правительства, основные принципы царской политики. Гербы превращаются в средство пропаганды. Но что выбрать носителем этой пропаганды? То, что прежде всего бросается в глаза, то, с чем имеют дело каждый день.

Территориальные (городские, губернские, областные) гербы находят пристанище на всякого рода знаках, прежде всего на печатях. До специального разъяснения в «Своде законов Российской империи» (изд. 1857 г.) в вопросе о форме печатей присутственных мест не было определенности. Поэтому возникали всевозможные спорные ситуации, в частности когда речь шла о прикладывании печатей судебными органами. В «Своде законов», казалось бы, четко сформулировали правило: «Каждое присутственное место имеет свою печать с изображением губернского, уездного или другого герба по принадлежности того места». Однако в Герольдию, Министерство юстиции продолжали поступать запросы из различных ведомств и учреждений о надписях на печатях, деталях рисунков и пр. Тогда Департамент герольдии подготовил рисунки печатей присутственных мест, и в 1883 г. они в конце концов были утверждены.

XIX век дает нам множество печатей с изображением городских и губернских гербов. Это печати должностных лиц и учреждений. Печати с губернским гербом имели административные присутственные места, мировой по-

средник, уездный мировой съезд, губернское по крестьянским делам присутствие.

Губернские и городские гербы мы видим на печатях банков, благотворительных обществ, больниц, исправительных домов, попечительных советов, карантинных правлений, сельскохозяйственных, экономических обществ и на других.

С печатями по количеству могут конкурировать должностные знаки.

Согласно Городовому положению 1870 г., официально узаконены знаки с городским гербом для городского головы, членов городских управ, исполнительных комиссий, торговых депутатий, чинов торговой и хозяйственной полиции. Выглядел знак следующим образом: «на середине лицевой стороны знака был изображен герб подлежащего городского поселения с наименованием по краям оного должности лица, которое будет носить оный при отправлении служебных обязанностей, а на обратной стороне знака было означено время утверждения Городового положения». Когда вошло в силу Городовое положение 1892 г., специальные знаки с гербом города получили: агент оценочной комиссии, городской контролер по канализации и другие «второстепенные» представители городской администрации.

Губернский герб, увенчанный короной, поместили также после реформы 1861 г. на знаках выборных от крестьян должностных лиц: волостного старшины и его помощника, сельского старосты, а также сельского судьи, волостного судьи, волостного заседателя (см. вклейку). Подобные знаки использовались в волостном и сельском управлении нерусского населения.

Кроме знака, который носился, как правило, на цепи на груди, должностные лица, чиновники носили мундиры, отличающиеся пуговицами с гербом каждой губернии. С соответствующими гербами губерний на пуговицах носили мундиры учащиеся. Мундиры градоначальников украшали пуговицы с гербом подведомственного им города.

Дальше — больше. К форменной одежде гражданских чиновников и чинов городской полиции добавили еще один атрибут: на шапке, сверху над козырьком, прикреплалась металлическая бляха с выштампованным городским гербом. В конце XIX — начале XX в. форменные мундиры городских полицейских чинов украсились городской эмблемой в виде шитья. Она помещалась на ворот-

нике и обшлагах. Мундиры чиновников рыболовного и зверового надзора несли городскую или губернскую эмблему в качестве наплечного знака и т. д.

...Но пуговицы, кокарды со временем и от долгого употребления стираются, тускнеют. Куда бы еще поместить городской герб, чтобы долгие годы изображение напоминало о чем-то важном, значительном?

На памятные медали и жетоны — они широко распространены в России во второй половине XIX в. Их выпускали в честь юбилеев городов, различных учреждений. На медали, помимо герба, чеканили вензель имени императора и основателя учреждения-юбиляра. Сохранились медали с подобными изображениями в память 100-летнего юбилея 1-й Казанской гимназии, в честь основания Томского университета, 100-летия Тверской мужской гимназии, жетон к 75-летию учреждения дома призрения в Санкт-Петербурге. 800-летие Рязани, 250-летие Симбирска, 100-летие Крестцов и 200-летие Санкт-Петербурга также запечатлены на памятных медалях и жетонах с гербами этих городов.

...Можно было наблюдать и такую картину: по реке движется судно спасательной службы под развевающимся флагом. На флаге — герб города, при котором числятся спасатели.

...На зданиях любительских обществ тоже иногда вывешивались флаги с городскими гербами. И, конечно же, губернские гербы красовались на столбах, разделявших границы губерний.

Множество постановлений о введении все новых и новых знаков, флагов, мундиров с гербами городов заполняют страницы ПСЗ во вторую половину XIX в. Опи-то как раз и позволяют высветлить функцию этого символического знака. Думается, что опознавательно-отличительный характер герба как знака в совокупности с возможностью воплотить в нем визуальную идею самодержавия сделал городской (губернский) герб своеобразным идеологическим орудием в руках правительства.

В то время как официальная идеологическая политика предусматривала насаждение всевозможных знаков отличия, к числу которых надо отнести и гербы, так как они в наглядной форме проводили в жизнь идею самодержавия, идею самобытности России, отличия ее исторического пути от развития западноевропейских стран с их революциями, уничтожением старого, феодального, общественное сознание не могло принять эти идеи. Отра-

жением подобного «невосприятия» служат появившиеся в печати отзывы представителей передовой общественной мысли России XIX в. на различные издания, посвященные символическим знакам. В качестве примера можно назвать рецензии В. Г. Белинского на книгу «Сердце человеческое есть храм Божий или жилище Сатаны, представлено для удобнейшего понятия в 10 фигурах (для поощрения и способствования к христианскому житию)» (СПб., 1822) и Н. Г. Чернышевского на книгу А. Б. Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855). Чернышевский направил огонь своей критики в основном на дворянские гербы, считая их предметом никчемным.

Идеи отрицания и борьбы со всем отживающим, неразумным, равно как и протест против идеологической правительственной концепции самобытности России, идеализации ее патриархального прошлого, — вот основные побудительные причины, которые вызвали выступление представителей передовой русской интеллигенции против насаждения и популяризации символов, церковно-монархических знаков, гербов.

Глава VII

ГЕРБЫ СТАРИННЫЕ, ГЕРБЫ СТАРЫЕ

В современной советской действительности получили широкое распространение символы, эмблемы, всякого рода знаки. По своему общественно-политическому значению, исторической ценности они различны. В частности, в наши дни составлено немало современных городских гербов, изображение которых можно видеть, например, на значках, на этикетках, сопровождающих изделия готовой продукции, на городских стендах и т. д. Эти гербы по праву называют «новыми» в отличие от старинных гербов, существовавших в дореволюционной России.

Действительно, для нас, живущих в XX столетии, все они старинные, но если за верхний хронологический предел отсчета принять 1917 год — начало новой эры в истории России, то среди старинных городских гербов можно выделить старые и гербы, так сказать, поновее. Эту разницу подчеркивал в начале нашего столетия П. П. Винклер, опубликовавший большой альбом городских и областных российских гербов, которым пользуются как справочником еще и сегодня. Он называется «Гербы горо-

дов, губерний, областей и посадов, внесенные в „Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг.“». Винклер писал: «Городские гербы по своему происхождению делятся на две существенно различающиеся одна от другой группы. Первую составляют гербы городов старых... а вторую — гербы городов, учрежденных в последующее время». Он считал, что гербы первой группы образовались из областных печатей, которым были приданы геральдические атрибуты. Так ли это? Детальный разбор гербовых изображений, источниковедческий анализ эмблем, когда последние были «поставлены» в определенную историческую эпоху, показали, что формальный принцип, лежащий в основе классификации Винклера, не годится для научного обоснования «возраста» герба.

Как уже отмечалось выше, основная масса старинных российских городских гербов была составлена в последней четверти XVIII в. Они-то в основном и фигурируют в литературе, когда герб города рассматривается в качестве исторического источника, причем графическое изображение гербовой фигуры воспринимается чаще всего как некий фотографический снимок, отражающий, к примеру, запытие населения, развитие промыслов, флору, фауну и т. д. Российские городские гербы, рассмотренные в подобном ракурсе, обычно трактуются как источники, сообщающие о развитии в городе того или иного ремесла, промыслов, о природных условиях, растительном и животном мире, характерных для городской округи. Однако эти данные имеются в документе, говорящем об утверждении герба определенному городу исходя из соответствующих соображений.

Среди российских городских гербов, однако, существует группа так называемых старых гербов, в отношении которых в законодательных документах нет какого-либо разъяснения, и попытка аналогичным образом расшифровать их изображения выглядит не очень-то убедительно. А эти старые гербы, пожалуй, наиболее интересны, так как могут дать представление о времени возникновения первых гербовых эмблем, об их истоках, прототипах, аналогиях и пр.

Основная задача состоит в том, чтобы выделить эти старые гербы, определить, какую категорию гербов можно отнести к старым, а также — насколько они «стары».

По своей изобразительной конструкции старые гербы отличаются от прочих тем, что не имеют в щите наместнического герба (вспомним: для российских городских

гербов характерным являлось размещение наместнического герба в верхней части щита герба городского). Если же проследить по документам, то выясняется, что термин «старый герб» возник в начале работы по массовому составлению гербов, т. е. в последней четверти XVIII в. Все города, рисунки гербов которых были в какой-либо форме учтены к этому времени в Герольдмейстерской конторе, получили старый герб. Таких старых гербов насчитывается примерно 100. Остальные (в пределах 500), согласно документам, возникли в последней четверти XVIII, XIX, начале XX вв.

В группе старых гербов нет временного единства. Наиболее старыми можно назвать городские эмблемы, возникшие до XVIII в., т. е. до создания символики петровского времени. Впрочем, городскими их можно назвать только условно. Эти эмблемы ассоциировались в XVI—XVII вв. не с городами, а с землями и областями, составлявшими царский титул. Самые ранние территориальные эмблемы, часть которых впоследствии оформилась в качестве городских гербов, зафиксированы в XVI в. Им дала жизнь большая государственная печать Ивана IV. С уверенностью можно сказать, что до этого времени существовала эмблема, вошедшая позже в герб города Новгорода (см. о ней в гл. II). Впоследствии на протяжении более чем двух столетий эмблема претерпела изменения, хотя в основе композиция осталась той же, получив официальное утверждение в последней четверти XVIII в. как герб города Новгорода. При помощи табличного метода (см. таблицу в конце этой главы) легко устанавливается, что вопреки господствующему в отечественной литературе мнению эмблемы государственной печати Ивана IV на протяжении столетия (ко времени создания Титулярника 1672 г.) изменились. В Титулярнике 1672 г., а затем на рисунке, помещенном в дневнике австрийского дипломата И. Г. Корба (1698—1699 гг.), зафиксирован комплекс территориальных эмблем (33), оставшихся вплоть до последней четверти XVIII в., когда часть из них оформилась в виде городских гербов, неизменными.

Следующая группа старых городских гербов ведет свое происхождение от петровского времени.

Анализ эмблем, предназначенных для знамен полков, расквартированных в городах, показывает, что впоследствии они были использованы в качестве гербов этих городов. Рисунки данных эмблем (гербов) собраны воедино в знаменном гербовнике 1712 г. Еще одна группа го-

родских гербов берет начало также в знаменном гербовнике, но более позднем — 1729—1730 гг.

В группу старых гербов входят и те, что сочинены в Герольдмейстерской конторе под руководством Ф. Санти и его преемников. Например, к старым отнесены гербы из гербовника герольдмейстера М. М. Щербатова, а датируется он временем, совсем уж близким к массовому герботворчеству, — 1776 г.

Как правило, при каждом новом составлении гербов, вернее рисунков эмблем, использовались уже имевшиеся пособия, предшествующие группы изображений тех же самых эмблем, пересматривались и заменялись детали, часто возникала новая эмблема вместо ранее существовавшей. Таким образом, постепенно, но неуклонно возрастало количество так называемых старых гербов. Итак, время возникновения эмблем, составляющих эти гербы, можно восстановить путем прослеживания их бытования в различных гербовниках, реестрах, списках рисунков и т. д. (см. таблицу в конце этой главы).

Определение времени появления эмблем, образующих старые гербы, ставит их в соответствующую историческую эпоху, дает возможность и основания для трактовки, расшифровки смысла, содержания эмблем, если, конечно, стоять на научной точке зрения, что эпоха влияла на создание, форму и смысловое содержание эмблемы. Изучение гербовых эмблем в качестве символов определенной эпохи включает гербы, в частности городские гербы, в круг источников, освещающих интересные и малоизученные стороны жизни русского общества. Расшифровка символизированного мышления наших предков составляет одну из важных проблем, которая в настоящее время находится в поле зрения ученых различных специальностей. Исследование принципов возникновения символики гербовых эмблем может внести определенный вклад в разрешение вопросов, связанных с истоками формирования средневековой символики, что в конечном итоге способствует увеличению наших знаний о мировоззрении человека прошлого, раскрывает закономерности его мышления. В этом аспекте для нас представляют особый интерес наиболее ранние эмблемы — XVI—XVII вв. Как уже отмечалось, комплекс территориальных эмблем, часть которых впоследствии существовала в виде городских гербов, имеется на большой государственной печати Ивана IV. Немецкий ученый Г. Штёкль впервые попытался интерпретировать данную печать как памятник, отражающий

существующие политические идеи, а точнее, концепцию государственной власти, провозглашенную Иваном IV при помощи соответствующих символов. Он считает, что в плане выяснения взглядов Ивана IV на власть и государство печать не уступает по своему значению знаменитой полемической переписке царя с князем А. М. Курбским.

Один из возможных вариантов, позволяющих, на наш взгляд, дать более или менее убедительную трактовку эмблем,— подход к печати как к памятнику изобразительного искусства, созданному в определенный исторический момент. Художественная сторона не только ставит печать в ряд произведений изобразительного искусства XVI в., но и позволяет выявить присущие этому искусству черты: церковный символизм, сильное звучание догматической и морализующей темы, которые соответствовали идейной направленности искусства 40—70-х годов XVI в., призванного подкрепить и обосновать правление и «деяния» Ивана Грозного, взаимосвязь различных форм изобразительного искусства, единство сюжетов изобразительного искусства и литературных и т. д. В качестве примера последней взаимозависимости может служить казанская эмблема, дракон которой связан, как уже говорилось, с татарской легендой об основании Казани, вошедшей в Казанский летописец. Следует, однако, отметить, что элемент вероятности расшифровки этой да и других эмблем печати сохранится, во-первых, из-за невозможности абсолютной идентификации изображений, во-вторых, из-за многозначности каждого символа, в которой обязательна полярность трактовки, и, наконец, в силу невозможности абсолютного осознания современным человеком всех деталей, аспектов, моментов логики средневекового мышления.

В качестве примера рассмотрим хотя бы фигуры, составляющие новгородский герб. В летописи сказано, что на новгородской печати изображены медведь и рысь, поддерживающие «место» (трон). В одном из произведений старинной русской литературы — «Слове о разсечении человеческого естества» — о рыси написано, что она «убо есть пестра и своею пестротою прообразует пестротное житие и учение; сицевый нрав земных человек приличен есть еретиком и злым учителем». В том же произведении дается следующая характеристика медведя: «медведь убо многообъядлив (есть); сице и человек, аще объядается, несть убо человек таковый, но медведь. И паки,

медведь лют погги (похты) драти; сице и человек, аще подобных себе такую же братию дерет, неси человек, но медведь». В приведенных примерах дается резко отрицательная характеристика животных, стоящих по обеим сторонам царского трона. По-видимому, речь идет о людях, наделенных подобными отрицательными качествами. Однако в других произведениях традиционной письменности описание медведя не соответствует вышеприведенному. Рысь же ассоциируется с человеком, который обладает способностью зорко видеть, предвидеть, ясно представлять то, что не видят остальные. Полярность символики, таким образом, ведет к прямо противоположной трактовке этих эмблем.

При объяснении символики эмблем, с которыми нас знакомит печать Ивана IV, бросается в глаза их своеобразный «набор»: звери, птица, рыбы. К ним присоединяются некоторые «вещевые» символы — лук со стрелой, меч, жезл, престол. В комплексе — это понятия, зафиксированные в наиболее популярной из читаемых книг древности — Псалтири. Они были «приняты на вооружение» не только на Руси, но и в Западной Европе и не случайно почти все включены в перечень эмблем с исчерпывающей расшифровкой, используемых в качестве символов в искусстве Западной Европы середины XV — начала XVII в. «На Западе и на Руси,— пишет академик Д. С. Лихачев,— сущность средневекового символизма была в основном одинакова; одинаковы же были в огромном большинстве и самые символы, традиционно сохранявшиеся в течение веков...»

Итак, «картинное» выражение понятий, которые встречаются на печати Ивана IV,— не только зримый образ (фигуры животных, рыбы, птица и т. д.), наделенный характерными физическими признаками. Это — своеобразные идеограммы, сутью которых мог быть или какой-то христианский догмат, или ассоциация с определенными нравственными качествами человека, а возможно, то и другое одновременно. Поэтому эмблемы печати Ивана IV являются, скорее, символами идей, а не символами территорий, которыми отдельные эмблемы становятся впоследствии. Это не значит, что при создании таких эмблем не использовались местные традиции. Как показывает пример казанской эмблемы, местные традиции могли способствовать формированию связанной с ними символики.

Отдельные художественные образы, используемые в XVI в. для обозначения определенных территорий, не яв-

ляясь ими по сути дела, в XVII в. уже выступают как территориальные, создаются в этом качестве, стабилизируются, приобретают законченность в своем художественном выражении, значительно вырастает их количество. Городскими символами становится впоследствии лишь часть эмблем, помещенных в известном труде, созданном при дворе Алексея Михайловича, — Титулярнике 1672 г. (см. о нем в гл. II). Происхождение территориальных эмблем Титулярника различно. Некоторые, как, например, Ярославская, имеют, возможно, литературную основу. Часть эмблем — более ранние, но дополнены атрибутами, вернее, переделаны в стиле западноевропейских эмблемников. К таким эмблемникам можно отнести «Иконологию» Ч. Рипа, «Эмблемата» А. Альciati, «Эмблемы» Ф. Кварлея, «Иероглифику» П. Валериано, книги Д. Сааведры Факсардо, И. Камерария, Н. Коссино, С. Петрасанкты и др. Эти книги в XVI—XVII вв. привлекли к себе внимание европейского общества, переводились в различных европейских странах, на основе их составлялись и компилятивные труды такого же рода. Отражая вкусы эпохи, подобные произведения стали поистине всеевропейскими. Книжки по эмблемам имелись в библиотеках видных русских и украинских деятелей XVII — начала XVIII в., например у Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и др. Имелись ли подобные издания в Посольском приказе, где рисовались эмблемы Титулярника? Вероятно, да. Известно, например, что для справок там хранился знаменитый польский гербовник Ш. Окольского. Но более веское доказательство — изображение ряда эмблем Титулярника в стиле, характерном для западноевропейских эмблемников и гербовников, названных выше. Некоторые эмблемы просто копировались из подобных эмблемников. В соответствии с этим неправильно было бы рассматривать эмблемы Титулярника под тем же углом зрения, что и эмблемы печати Ивана IV, искать в них скрытый богословский или морально-этический смысл. Возникшие как элемент украшения, помпезности, в соответствии с требованиями моды, эмблемы Титулярника вряд ли могли нести глубокую смысловую нагрузку, выражать специфику, отражать процессы и явления, т. е. служить в полном смысле слова символами территорий. Хотя нельзя отрицать в них традиционности, которая доказывается соответствием ряда эмблем изображениям на существующих печатях этих территорий.

Если для территориальных эмблем XVII в. наблюдает-

ся употребление в основном лишь отдельных элементов, иногда сюжетных композиций, аналогичных изображенным в западноевропейских гербовниках и эмблемниках, то в начале XVIII в. эмблемы из подобных изданий непосредственно перекочевывают в русскую практику. Роль основополагающего справочного издания, безусловно, сыграла книга «Символы и эмблемата», вышедшая в 1705 г. в Амстердаме и привезенная в Россию. Она была изготовлена по специальному заданию Петра I. Прототипом ее являлся ряд эмблематических сборников, содержащих эмблемы, заимствованные из еще более ранних изданий. Таким образом, книга «Символы и эмблемата», содержащая более 800 эмблем, в обобщенном виде представляла эмблематическое творчество Западной Европы. В ней содержались в виде девизов подписи к эмблемам и на русском языке, что в значительной степени облегчало пользование этим эмблемником. Во всяком случае, составители знаменного гербовника 1712 г., без сомнения, пользовались книгой «Символы и эмблемата». Из нее для знамен полков взяты следующие эмблемы: новотроицкая, троицкая, ингерманландская, вологодская, белгородская (правда, петуха здесь заменил орел), воронежская, симбирская, каргопольская, тобольская, шлиссельбургская, невская, нарвская, Санкт-Петербургская, лужская, галицкая, ямбургская, копорская, Выборгская, олонекская, лейб-регимента. При составлении знаменного гербовника 1729—1730 гг. отсюда использованы эмблемы для гербов Великого Устюга, Муром (впоследствии герб Мурома изменился), Севска, Тамбова, Уфы (впоследствии изменился).

Почему избирались одни эмблемы и отвергались другие? Не последнюю роль в этом «выборе», по крайней мере при Петре I, сыграло, по-видимому, то, какой девиз ее сопровождал. К примеру, белгородскую эмблему (лев, над ним петух), в которой петух заменен орлом, сопровождают фразы: «Приключая и сильнейшему трясение», «Приехал, видел и победил». В последующих аллегорических изображениях (фейерверки, украшения триумфальных ворот) лев — всегда Швеция, над которым берет верх русский орел. К эмблеме, помещенной на знаменах Тобольского полка, относится изречение: «Труды мои превозвысят мя»; к эмблеме, выбранной для воронежских полков (орел, сидящий на пушке, вокруг которого стрелы молний): «Ни того, ни другого не боится»; для Санкт-Петербургских полков: «Тебе дан ключ»; для

Симбирского (колонна под короной): «Подперта честною» и т. д. Девизы, как видим, соответствуют официальной политике, прославлению деяний и личности царя. Вспомним: Петр I и сам не был равнодушен к эмблемам, ценобавал свои силы в эмблематическом творчестве. По книге, которой он дал жизнь, царь всегда мог справиться, правильно ли выбраны эмблемы для знамен. Возможно, так думали составители первого знаменного гербовника в России...

Таким образом, эти эмблемы, а основная их часть затем фигурировала как старые гербы, возникшие в начале XVIII в., при всей кажущейся их падуманности, абстрактности, несвязанности с традициями и действительностью вряд ли можно квалифицировать как простое заимствование, слепое следование западноевропейской моде. В соответствии с общим направлением пропаганды деяний царя, его личных качеств, успехов русского оружия и прославления военных побед России выбранные для военных знамен эмблемы, впоследствии ставшие городскими гербами, обретают особое внутреннее содержание и смысл как орудие идеологической политики правительства Петра I.

Книга «Символы и эмблемата» долгие годы служила в России в качестве справочника. Она входила в библиотеку В. Н. Татищева, и он заимствовал оттуда некоторые сюжеты при составлении гербов вверенных ему территорий. Ряд эмблем, созданных М. М. Щербатовым и утвержденных спустя несколько лет после их создания в ранге городских гербов, также имели своим прототипом рисунки «Символов и эмблемат».

О том, как составлял гербы Ф. Санти, мы рассказывали в гл. III. Герольдмейстерская контора придерживалась в дальнейшем выработанных им принципов гербостроительства (с учетом характерных особенностей города, местности, населения, традиций и т. д.), но книга «Символы и эмблемата» хранилась в Герольдии наряду с другими изданиями по гербам и эмблемам.

Итак, по поводу старых гербов, которые в этом качестве известны еще в последней четверти XVIII в., можно сказать следующее. Во-первых, понятие «старый герб» не однозначно с точки зрения хронологии: с одной стороны, это гербы, вернее, эмблемы, появившиеся в XVI или XVII в., с другой — художественные композиции, созданные накануне становления всего комплекса городских гербов. Во-вторых, источник появления основных фигур

старых гербов различен: в одном случае им дали жизнь печати, в другом — знамена (таких эмблем большинство), в третьем — гербы возникли как таковые в результате целенаправленного городского герботворчества. В-третьих, в категорию старых городских гербов зачисляются эмблемы разнохарактерные с точки зрения идейной основы их графического изображения. Сюда включаются эмблемы, возникшие независимо от «состояния» конкретного города, выражающие идеи, не связанные с обозначаемым объектом, каким являлся конкретный город, но в то же время часть эмблем создана с учетом особенностей конкретных городов, смысловая нагрузка эмблемы имеет под собой реальную основу — сам город. Отмечая эти моменты, приходим к выводу, что термин «старый городской герб» очень условен. Думается, что выяснение подобного факта поможет отказаться от искусственного удревления российских городских гербов, в значительной степени отказаться от той предпочтительности, которая паблюда-лась по отношению к гербам, имеющим помету «старый герб».

Ближе познакомиться с каждым из старых городских гербов вам поможет таблица, составленная на основе фактического материала. В таблицу не включены украинские, белорусские, прибалтийские города, получившие гербы до присоединения к России, за исключением Выборга и Нарвы, гербы которых менялись при Петре I, а также некоторых украинских городов, чьи гербы создавались в Санкт-Петербурге. Помещены города, гербы которых не отмечены как старые, но, по имеющимся у автора данным, они составлялись в течение XVIII в. Напротив, такие города, как Елатьма, Олекминск, гербы которых фигурируют как старые, исключены, поскольку не зафиксированы ни в одном из известных автору списков городов, которым сочинялись гербы, или гербовников.

Таблица

Территориальные эмблемы, фигурирующие в качестве старых российских городских гербов *

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
1. Алексин	В красном поле две золотые Геркулесовы палицы, накрест положенные толстыми концами вверх. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, фонд (далее: ф.) 286, оп. 2, книга (далее: кн.) 39)	Утв. 8 марта 1778 г. описанный во второй графе вариант	

* Упомянутые в графах 2—4 сокращенные названия опубликованных работ в полном виде см. в разделе «Литература». Полные названия государственных архивов помещены в разделе «От автора».

Сокращения названий источников происхождения эмблем в графе 2:

Гербовник М. М. Щербатова — ЦГАДА, Госархив, разряд XX, опись (далее: оп.) 1, дело (далее: д.) 269.

Знам. 1712 — Знаменной гербовник, по которому изготовлялись полковые знамена начиная с 1712 г. Описание этих знамен см.: *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899, ч. II, с. 58—62, рис. 224—230.

Знам. 1729—1730 — Знаменной гербовник, по которому изготовлялись полковые знамена начиная с 1729—1730 гг. Описание гербов на этих полковых знаменах см.: *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899, ч. II, с. 106—115, рис. 250—259.

Знамя 1666—1678 гг. — Опубл.: Опись Оружейной палаты. М., 1884. Ч. III, кн. 1.

Печать Ивана IV — Опубл.: Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882. Вып. I, № 18—19.

Покровец (после 1626 г.) — Опубл.: Древности Российского государства. М., 1851, Отделение II, Рисунки, табл. 79.

Рисунок Корба 1698—1699 гг. — Опубл.: *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию, 1698 и 1699 гг. СПб. 1906.

Роспись 1635 г. — Помещена в «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова (ГПБ, Эрм. 237).

Роспись 1692 г. — Опубл.: ПСЗ — I, т. III, № 1443.

Тарелка 1675 г. — Опубл.: Древности Российского государства. М., 1853, Отделение V, Рисунки, табл. 42.

Титулярник 1672 г. — См.: Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб., 1903.

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
2. Арзамас	В золотом поле два строила, одно из которых красное, а другое зеленое. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти. — ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)	Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант	
3. Архангельск	а) Архангел на коне поражает копьём дьявола. Рисунок Петра I 1701 г. (Письма и бумаги, т. II, с. 312); б) архангел на крылатом копье поражает копьём змея (Знам. 1712); в) летящий архангел в синем одеянии с огненным мечом и щитом побеждает черного дьявола, поле желтое (Знам. 1729–1730, указано, что сочинил Санти)	Утв. 2 октября 1780 г. вариант «в» ** Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 177)	
4. Астрахань	а) Волк в короне, вправо; вокруг надпись: «Печать царства Астраханского» — печать Ивана IV; б) корона, под ней сабля острием влево; надпись: «Печать астраханска» — покровец (после 1626 г.);	Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии: «В лазуревом щите золотая, подобная королевской, корона с пятью дугами и зеленою подкладкой; под нею серебряный восточный меч, с золотою рукояткою, острым	Известны астраханские печати: а) на грамотах XVI–XVII вв. (Лакиер, табл. XIV, 6); б) печать 1636 г. (Сб. спимков, табл. XIII, 132)

** Здесь и далее так отмечаются случаи несовпадения дат в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ) и у Винклера.

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
5. Ахтырка	в) то же — знамя 1666—1678 гг.; г) то же; надпись: «Печать казанская» — тарелка 1675 г.; д) то же; надпись: «пръ астраханский» — Титулярник 1672 г.; е) то же; надпись: «Astrakan» — рисунок Корба 1698—1699 гг. «В голубом поле золотый крест... с золотым же сиянием сверху...» (Гербовник М. М. Щербатова 1776 г.)	концом вправо...» (Винклер, с. 6)	Не отмечен как старый герб
6. Бахмут (Артемовск)	«На красном поле две золотые пушки, из коих на верхней сидит белая птица, а под ними, под зеленою горою и на зеленой земле деревянный соляной магазин» (ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 57, д. 61, лист (далее: л.) 7). (Составлен в Герольдмейстерской конторе в 1745 г. — ЦГИА СССР, ф. 1411, оп. 1, д. 1, л. 89; Висковатов, ч. III, с. 82)	Утв. 21 сентября 1781 г. описанный во второй графе вариант Утв. 2 августа 1811 г.: «Между зеленым и черным полем изображен химический знак соли...» (Винклер, с. 11) **	Герб Ахтырки — скачущий казак — составил Бекенштейн (ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39) Не отмечен как старый герб
7. Белгород	В голубом поле желтый лев на зеленой земле, над ним одноглавый черный орел (Знам. 1712)	Утв. 21 июля 1893 г. описанный во второй графе вариант с некоторыми добавлениями	Не отмечен как старый герб

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
8. Белев	В голубом поле стоящий ячменный сноп, из которого выходит пламя. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)	Утв. 8 марта 1778 г.	
9. Белозерск	а) Рыба головой вправо; вокруг надпись: «Печать белозерская» — печать Ивана IV; б) две перекрещенные рыбы, над ними месяц и крест; надпись: «Белозерский» — Титулярник 1672 г.; в) то же; надпись: «Bieloser-sky» — рисунок Корба 1698—1699 гг.	Утв. 16 августа 1781 г.: «Озеро, в нем две стерляди, над которыми месяц с крестом» (Винклер, с. 22)	
10. Березов (Березово)	«Соболь да стрела, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Березова города“» — описание печати по росписи 1635 г.	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в серебряном поле 3 дерева берез...» (Винклер, с. 12)	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г. Не отмечен как старый герб
11. Брянск	В красном поле золотая мортира, а по обеим сторонам положено по куче черных бомб (Знам. 1729—1730).	Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант	Не отмечен как старый герб

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
12. Великие Луки	а) Рука с мечом, выходящая из облаков, перерубает змея (Знам. 1712); б) в красном поле три больших золотых лука. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)	Утв. 28 мая 1781 г. описанный во второй графе вариант «б»	
13. Великий Устюг	В зеленом поле лежащий на берегу Нептун держит в обеих руках красные кувшины, из которых льется вода (Знам. 1729—1730)	Утв. 2 октября 1780 г. описанный во второй графе вариант **	
14. Верхотурье	а) «Соболь под деревом, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские города Верхотурья“» — описание печати по росписи 1635 г.; б) соболев со стрелой, рядом буква «В» — печать города Верхотурья 1689 г. (Сб. снимков, табл. XVIII, 287)	Утв. 17 июля 1783 г.: «В верхней части щита герб Пермский. В нижней — в серебряном поле соболев со стрелой и буквою В...» (Винклер, с. 29)	Имеется еще один вариант: «Соболь под деревом да веде слово» (ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 223/324, л. 392)
15. Владимир	а) В описании знамени 1666—1678 гг. отмечен герб владимирский; б) идущий вправо лев в короне с раскрытой пастью и высуну-	Утв. 16 августа 1781 г.: «В красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней лапе длин-	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
16. Вологда	<p>тым языком держит передними лапами длинный крест; надпись: «Владімерскій» — Титулярник 1672 г.;</p> <p>в) то же; надпись: «Volodimigia» — рисунок Корба 1698—1699 гг.</p> <p>Выходящая из облака золотая рука опирается на державу, над которой лавровая ветвь (Знам. 1712)</p>	<p>ный серебряный крест». Смотри в фас (Винклер, с. 33)</p> <p>Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 178)</p> <p>Утв. 2 октября 1780 г. описанный во второй графе вариант **</p> <p>Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 179)</p>	
17. Воронеж	<p>а) Золотое облако, под ним пицца, сидящая на стреляющей двустольной пушке (Знам. 1712);</p> <p>б) две желтые пушки на станках, из одной пушки выстрелено, и на ней сидит белый одноглавый орел, поле красное (Знам. 1729—1730)</p>	<p>Утв. 21 сентября 1781 г.: «Щит разделен надвое: в золотом поле двуглавый орел, а в красном поле опрокинутый сосуд, из которого истекает река Воронеж» (Винклер, с. 35)</p> <p>Утв. 23 сентября 1881 г.: «В червленом щите золотая гора, исходящая с правого бока, на которой серебряный кувшиц, изливающий такую же воду...» (Винклер, с. 35)</p> <p>Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 179)</p>	<p>Утвержденный в 1781 г. герб города назван старым</p>

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
18. Выборг	Голубой гербовый щит разделен поперек золотою полосою на две части: в верхней три золотые короны, в нижней золотая буква W, щит держат два ангела (Знам. 1729—1730; описание герба прислано в Герольдмейстерскую контору в 1724 г.— ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 15)	Утв. 4 октября 1788 г. описанный во второй графе вариант	При Петре I город имел на знамени герб: идущий влево от зрителя слон (Знам. 1712)
19. Вятка (Киров)	а) Лук с оперенной стрелой, вокруг надпись: «Печать вятцкая» — печать Ивана IV; б) справа из облака выходящая рука в доспехе держит лук со стрелой; сверху надпись: «Печать вятская» — покровец (после 1626 г.); в) то же — знамя 1666—1678 гг.; г) то же — тарелка 1675 г.; д) слева выходящая из облака рука с луком, заряженным стрелой, над ними крест; надпись: «Вятцкий» — Титулярник 1672 г.; е) то же; надпись: «Vitatsky» — рисунок Корба 1698—1699 гг.	Утв. 28 мая 1781 г.: «В золотом поле из облака выходящая рука, держащая натянутый лук с стрелою, а над ней в верхней части щита крест красный» (Винклер, с. 37) Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 179)	Эмблема имеется на печати Сибирской губ. 1740 г. (Сб. снимков, табл. XX, 7)

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
20. Галич	Изображение воинской armатуры (Знам. 1712)	Утв. 29 мая 1779 г. описанный во второй графе вариант с добавлением креста **	
21. Глухов	Поле, разделенное на четыре части: в верхней, голубой, две крестообразно положенные золотые булавы, в нижней, зеленой, круглый стул, в левой, белой, на земле красное знамя с государственным гербом, в правой, желтой, на зеленой земле бунчук с красным древком (Знам. 1729–1730)	Утв. 4 июня 1782 г. описанный во второй графе вариант	Не отмечен как старый герб
22. Дорогобуж	Три бунта серебряной пеньки связаны, лежат на земле, поле красное (Знам. 1729–1730)	Утв. 10 октября 1780 г. описанный во второй графе вариант	
23. Елец	На белом поле олень красный, над ним ель зеленая (Знам. 1729–1730)	Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант	
24. Енисейск	а) «Два соболя, меж ими стрела, а под ними лук тетивою вниз, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Енисейского острогу“» — описание печати по росписи 1635 г.;	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в золотом поле связка разных звериных кож, на которой лежит Меркуриев жезл...» (Винклер, с. 52)	Известна печать 1671 г. с изображением, аналогичным указанному в росписи 1635 г. и других росписях (Сб. снимков, табл. XVI, 230). Не отмечен как старый герб

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
25. Зубцов	<p>б) белое поле, две красные белки на зеленой земле и над ними выходящий из-под облаков черный самострел (Знам. 1729–1730)</p> <p>В красном поле золотая стена со старинными зубцами. (Имеется в списке гербов, сочиненных Сантш. – ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)</p>	<p>Утв. 20 марта 1804 г.: «В щите, разделенном горизонтально надвое, в верхней половине герб Томский, а в нижней в золотом поле видна на земле связка звериных кож и на них диагонально положен Меркуриев жезл...» (Винклер, с. 52, но утв. 20 марта) **</p> <p>Утв. 19 октября 1780 г. описанный во второй графе вариант</p>	<p>Герб города Изюма – казак с саблей в одной руке и виноградной кистью в другой – составил Бекенштейн (ЦГАДА, ф. 236, оп. 2, кн. 39)</p>
26. Изюм	<p>«В золотом поле три виноградные лозы зеленого цвета и при каждой по одному листу – такому же с их кистями плода червленого цвета, обращенные вниз, расположенные же две вверху и одна внизу...» (Гербовник М. М. Щербатова 1776 г.)</p>	<p>Утв. 21 сентября 1781 г. описаны во второй графе вариант</p>	
27. Иркутск	<p>а) «Орел, в левой ноге лук держит тетивой вниз, под высподом трава, а около вырезано. Печать государева земли Сибирские</p>	<p>Утв. 26 октября 1790 г.: «В серебряном поле щита бегущий тигр, а в роту у него соболю» (Винклер, с. 59)</p>	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
28. Казань	<p>Иркутского города“ — описание печати по росписи 1635 г.; б) то же — на Даурской Нерчинской печати — роспись 1692 г.; в) «бобр» (надпись на печати) несет соболя в зубах — печати Иркутска 1711, 1743 гг. (Сб. снимков, табл. XX, 5, 9)</p> <p>а) Дракон в короне, туловище, две передние лапы звериные, хвост змеиный кольцами; вокруг надпись: «Печать царства Казаньскаго» — печать Ивана IV; б) то же; надпись: «Печать казанская» — покровец (после 1626 г.); в) то же — знамя 1666—1678 гг., г) то же; надпись: «Печать астраханская» — тарелка 1675 г.; д) то же; надпись: «црь казанскій» — Титулярник 1672 г.; е) то же; надпись: «Cazan» — рисунок Корба 1698—1699 гг.</p>	<p>В Описании гербов городам Иркутского наместничества (ПСЗ—I, т. XXIII, № 16913) не «тигр», а «бобр»</p> <p>Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 181)</p> <p>Утв. 18 октября 1781 г.: «Змій чорный, под короною золотою, казанскою, крылья красныя, поле белое» (Винклер, с. 60)</p> <p>Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 181)</p>	<p>Известны печати казанского воеводы 1596, 1637, 1693 гг. (Снимки, 64; Сб. снимков, табл. XIII, 135; табл. XIX, 301)</p>
29. Каргополь	<p>Агнец лежит на пылающем костре (Знам. 1712)</p>	<p>Утв. 16 августа 1781 г. описанный во втором графе вариант</p>	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
30. Киев	а) В описании знамени 1666–1678 гг. отмечен герб киевский; б) идущий архангел Михаил с поднятым мечом и щитом; надпись: «Кіевскій» – Титулярник 1672 г.; в) то же; надпись: «Kiovia» – рисунок Корба 1698–1699 гг.	Утв. 4 июня 1782 г.: «Архангел Михаил в серебряной одежде, в голубом поле» (Винклер, с. 68) Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 182)	Известна печать магистрата 1698 г. – рука, держащая предмет вооружения (Снимки, 69)
31. Козлов (Мичуринск)	Козел белый, поле красное, земля зеленая (Знам. 1729–1730)	Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант	
32. Коломна	На голубом поле колонна белая, наверху корона, около две звезды (Знам. 1729–1730)	Утв. 20 декабря 1781 г. описанный во второй графе вариант Утв. 16 марта 1883 г. (в вольной части губернский герб) (Винклер, с. 72)	
33. Коротояк	«Магазены» красный, а над ним рог с довольством, внизу река, поле голубое (Знам. 1729–1730)	Утв. 21 сентября 1781 г.	«В голубом поле поставленная житница, над ней рог изобилия (Винклер, с. 73)
34. Кострома	«В голубом поле галера под императорским штандартом, на гребле плывущая по реке, натуральными цветами в подошве шита изображенной». (Составлен в Герольдмейстерской конторе	Утв. 24 октября 1767 г. описанный во второй графе вариант Утв. 28 ноября 1834 г. герб Костромской губернии (ПСЗ-II, т. IX, № 7586)	В 40-е годы XVIII в. (в Герольдмейстерской конторе?) был составлен герб: крест под короной, под горизонтальной чертой дата 1746 (Постникова-Лосева.

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
35. Красноярск	<p>в 1767 г. — ЦГАДА, Госархив, разряд Х, оп. 3, д. 464, л. 122)</p> <p>«На красноярской инрог, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Красноярского острогу“» — описание печати по росписи 1635 г.</p>	<p>Утв. 5 июля 1878 г. герб Костромской губернии (<i>Винклер</i>, с. 182)</p> <p>Утв. 20 марта 1804 г.: «В щите, разделенном горизонтально надвое, в верхней половине находится герб губернского города Томска, а в нижней в серебряном поле на земле с левой стороны означена красная гора» (ПСЗ-1, т. XXVIII, № 21219) **</p> <p>Утв. 25 августа 1824 г.: «В щите, разделенном горизонтально надвое, в верхнем зеленом поле изображена белая лошадь, бегущая в правую сторону, а в нижнем серебряном поле с левой стороны означена на земле красная гора» (ПСЗ-1, т. XXXIX, № 30036)</p> <p>Утв. 23 ноября 1851 г.: «В червленом щите изображен золотой, стоящий на задних лапах лев, который несет в передних лапах того же металла серп и лопату...» (<i>Винклер</i>, с. 76)</p>	<p>Русское ювелирное искусство, с. 243) .</p> <p>В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г.; на печати 1644 г. — скачущий единорог, влево (Сб. снимков, табл. XIV, 160)</p> <p>Не отмечен как старый герб</p>

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
36. Кронштадт (до 1723 г. — Кроншлот)	Щит разделен надвое вертикально, одно поле красное, а другое голубое, на голубом караульная высокая башня с фонарем, наверху корона, а на красном поле черный котел, кругом острова вода (Знам. 1729—1730)	Утв. 7 мая 1780 г. описанный во второй графе вариант	В знаменном гербовнике 1729—1730 гг. имеется описание и кроншлотского герба: «На море кроншлот белый, наверху корона и флаг, поле лазоревое»
37. Кузнецк	а) «На кузнецкой волк, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Кузнецкого города“» — описание печати по росписи 1635 г.; б) идущая вправо лошадь — печать 1694 г. (Сб. снимков, табл. XIX, 304)	Утв. 20 марта 1804 г.: «В щите, разделенном горизонтально надвое, в верхней половине герб Томский. В нижней в золотом поле кузница с принадлежащими к ней орудиями» (Винклер, с. 79, по утв. 20 марта) **	Не отмечен как старый герб
38. Курск	Белое поле, наискось идущая синяя полоса и на ней три белые летящие куропатки (Знам. 1729—1730)	Утв. 8 января 1780 г. описанный во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 183)	
39. Мангазея (Туроханск)	«На мангазейской олень, а около вырезано „Печать государева земли Сибирские Мангазейска устья“» — описание печати по росписи 1635 г.	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в зеленом поле серебряный песец...» (Винклер, с. 156) Утв. 20 марта 1804 г.: «В щите, разделенном горизонтально	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г. Не отмечен как старый герб

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
40. Москва	<p>а) На груди двуглавого орла под короной, в щитке, всадник в короне, вправо, поражает копьём дракона — печать Ивана IV;</p> <p>б) то же, но влево; орел под тремя коронами — покровец (после 1626 г.);</p> <p>в) в описании знамени 1666—1678 гг. указано — в середине орла «царь на коне колет копием змия»;</p> <p>г) то же, что и на печати Ивана IV, но орел под тремя коронами — тарелка 1675 г.;</p> <p>д) двуглавый орел под тремя коронами; на груди надпись: «Московский» — Титулярник 1672 г.;</p> <p>е) на груди двуглавого орла, в щитке, всадник в короне, вправо, поражает копьём дракона;</p>	<p>надвое, в верхней половине герб Томский, а в нижней в красном поле серебряный песок, идущий в правую сторону» (Винклер, с. 156, по утв. 20 марта) **</p> <p>Утв. 20 декабря 1781 г.: «Святой Георгий на коне против того ж, как в середине государственного герба; в красном поле, поражающий копием черного змия» (Винклер, с. 96)</p> <p>Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 185)</p> <p>Утв. 16 марта 1883 г. герб губернии (Винклер, с. 96)</p>	Начиная с XV в. — на государственных печатях

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
41. Муром	надпись: «Moscau» — рисунок Корба 1698—1699 гг. Стена белая и рука из облака, которая на золотой цепи держит княжескую корону, поле лазоревое (Знам. 1729—1730)	Утв. 16 августа 1781 г.: «В верхней части герб Владимирский. В нижней в голубом поле три крупитчатые калача...» (Винклер, с. 97)	Не отмечен как старый герб
42. Нарва	а) Голубое поле сверху, на нем обнаженный меч, около которого с каждой стороны по одному пушечному ядру; в середине две серебряные рыбы, под ними сабля, а под ней ядро. (Описание герба прислано в Герольдмейстерскую контору в 1728 г. — ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 160—161); б) крест красный, по обе стороны сверху два цветка (Знам. 1729—1730, также прислан в Герольдмейстерскую контору (см. выше))	Утв. 7 мая 1780 г. вариант «а»	При Петре I имел на знамени герб: влево от зрителя крокодил (Знам. 1712)
43. Нарым	«На нарымской белка да горностадь, меж ими стрела, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Нарымского	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в синем поле золотая большая стерлядь...»	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1835 г.

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
44. Нежин	<p>города" — описание печати по росписи 1635 г.</p> <p>В верхней, красной, части поля две руки, в нижней, голубой, Меркуриев жезл (Знам, 1729—1730).</p>	<p>(Винклер, с. 98) Утв. 20 марта 1804 г.: «В щите, разделенном надвое, в верхней половине герб Томский, а в нижней в голубом поле золотая стерлядь...» (Винклер, с. 98, но утв. 20 марта) **</p> <p>Утв. 4 июня 1782 г. описанный во второй графе вариант</p>	<p>Не отмечен как старый герб</p> <p>В нежинском магистрате был в употреблении герб — Георгий Победоносец поражает копьем дракона, — пожалованный Сигизмундом III в 1625 г. (ЦГВИА, ВУА, д. 19161, л. 358; см также: Винклер, с. V) Не отмечен как старый герб</p>
45. Нерчинск	<p>а) «Даурских острогов на Нерчинской...» (нет описания) — описание печати по росписи 1635 г.;</p> <p>б) «На Даурской Нерчинской: орел одноглавый держит лук вниз тетивою. кругом написано: „Печать государева Сибирския земли Даурских острогов“» — по росписи 1632 г.</p>	<p>Утв. 26 октября 1790 г.: «В серебряном поле черный летящий одноглавый орел» (Винклер, с. 100)</p> <p>Утв. 15 марта 1777 г.: герб для Нерчинского батальона (его описание: ПСЗ-I, т. XX, № 14599)</p>	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
46. Нижний Новгород (Горький)	а) Идущий олень вправо; надпись: «Печать Новгорода Низокскія земли» — печать Ивана IV; б) идущий олень влево; надпись: «Печать нижегороцкая» — покровец (после 1626 г.); в) то же, но лось — знамя 1666—1678 гг.; г) то же — тарелка 1675 г.; д) то же, но стоит лось; надпись: «гдрь і великій князь Новгорода Низовскіе земли» — Титулярник 1672 г.; е) то же; надпись: «Novagrad in tholovorgcountry» — рисунок Корба 1698—1699 гг.	Утв. 16 августа 1781 г.: «В белом поле красный олень, рога и копыты черные» (Винклер, с. 102) Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 185)	
47. Новая Ладога	Голубое поле, шлюз с красными стенами, ворота золотые, через которые течет вода (Знам. 1729—1730)	Утв. 16 августа 1781 г.: «В красном поле часть Ладожского канала, а по сторонам два рога изобилия» (Винклер, с. 103)	
48. Новгород	а) «Место, а на месте посох, а у месга с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба» (ПСРЛ, т. 13, с. 398) — печать 1565 г.; б) то же, но внизу плывут на-	Утв. 16 августа 1781 г.: «В се ребрином поле златая кресла с лежащею красною подушкою, на коей поставлены крестообразно с правой стороны скипетр, а с левой крест,	Известны печати конца XVI—XVII в. с изображением степени и посоха, под ними — рыб (Порфиридов Н. Г. Новгородская «вечевая» печать, с. 191—192)

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
49. Олонек	<p>встречу друг другу две рыбы; вокруг надпись: «Печать наместника Великого Новгорода» — печать Ивана IV;</p> <p>в) то же; надпись: «Печать новгородская» — покровец (после 1626 г.);</p> <p>г) в описании знамени отмечен герб новгородский — знамя 1666—1678 гг.;</p> <p>д) то же, но два медведя по сторонам трона; надпись: «Печать новгородская» — тарелка 1675 г.;</p> <p>е) два медведя поддерживают трон, на спинке подсвечник, на троне перекрещенные скипетр и посох, внизу две рыбы, плывущие навстречу; надпись: «Новгородский» — Титулярник 1672 г.;</p> <p>ж) то же, что в Титулярнике, но нет рыб, два скипетра; надпись: «Novogradia» — рисунок Корба 1698—1699 гг.</p> <p>В золотом поле выходящая из облака рука, держащая голубой щит, а под рукой на цепях четыре яблока (Знам. 1712)</p>	<p>наверху кресел подсвечник с тремя горящими свечами, а по сторонам стоящие два медведя» (Винклер, с. 103)</p> <p>Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с.185)</p> <p>Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант</p> <p>Утв. 11 июля 1802 г. герб губернии (ПСЗ—I, т. XXVII, № 20323)</p>	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
50. Орел	Город белый с красными кровлями, на воротах орел одноглавый, черный, свех орла корона золотая, в синем поле (Знам 1729—1730)	Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (<i>Винклер</i> , с. 185) Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (<i>Винклер</i> , с. 186)	Герб составлен согласно изображению на печати города Орла (ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)
51. Оренбург	«Златое поле, разрезанное напоны голубую извитую полосую..., в верхней части — выходящий двуглавый орел, в нижней части — голубой андреевский крест...» (Гербовник М. М. Щербатова 1776 г.)	Утв. 8 июня 1782 г. описанный во второй графе вариант ** Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (<i>Винклер</i> , с. 186) Утв. 12 октября 1867 г. герб губернии (ПСЗ — II, т. XLII, № 45033)	Городу Оренбургу был пожалован 7 июня 1734 г. магистратский герб (ПСЗ — I, т. IX. № 6584); по сообщению П. И. Рычкова, «городу Оренбургу, кроме магистратского, особый герб» — орел в короне сидит на горе (ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 52/72, л. 58)
52. Острогжск	«В зеленом поле златый орженный сноп...» (Гербовник М. М. Щербатова 1776 г.)	Утв. 21 сентября 1781 г. описанный во второй графе вариант	Герб города Острогжска — палисад? — составил Бекенштейн (ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)
53. Павловск	Св. апостол Павел в красной одежде, поле белое (Знам. 1729—1730)	Утв. 21 сентября 1781 г. описанный во второй графе вариант	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
54. Пенза	Три снопа: пшеница, ячмень, просо золотые, поле зеленое (Знам. 1729–1730)	Утв. 28 мая 1781 г. описанный во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (<i>Винклер</i> , с. 187)	
55. Пермь	а) Лиса (или какой-то другой хищный зверь); надпись: «Печать пермская» — печать Ивана IV; б) идущий медведь, вправо; надпись: «Печать пермская» — покровец (после 1626 г.); в) то же — знамя 1666–1678 гг.; г) то же; надпись: «Печать пермская» — тарелка 1675 г.; д) идущий медведь, вправо, с Евангелием на спине; надпись: «Пермский» — Титулярник 1672 г.; е) то же; надпись «Permia» — рисунок Корба 1698–1699 гг.	Утв. 17 июля 1783 г.: «В красном поле серебряный медведь, на котором поставлено в золотом окладе Евангелие, над ним серебряный крест...» (<i>Винклер</i> , с. 117) Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (<i>Винклер</i> , с. 186)	Эмблема — медведь с Евангелием на спине — помещена на печати Сибирской губернии 1740 г. (Сб. снимков, табл. XX, 7)
56. Полоцк	а) Литовские «колюмны»; надпись: «Печать полотцкая» — печать Ивана IV; б) скачущий всадник, влево, с поднятым мечом, в левой руке щит с изображением такого же всадника; надпись: «Полотцкий» — Титулярник 1672 г.;	Утв. 21 сентября 1781 г.: «Щит разрезан надвое: в верхнем золотом поле возникающий государственный орел, в нижней части в серебряном поле старый герб: на коне воин, держащий в правой руке саблю; на левой руке падет красный	Известна печать начала XV в., с надписью: «Печать полоцкая и Святой Софии» (<i>Лакиер</i> , с. 153)

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
57. Полтава	<p>в) то же; надпись: «Polotsky» — рисунок Корба 1698—1699 гг.</p> <p>Внизу поле голубое, сверху красное, а по обе стороны — белые, на голубом поле пирамида золотая, на красном, сверху, две шпаги; по сторонам: по правую сторону на зеленой земле красное знамя с государственным гербом и внутри его с вензелевым именем Петра I, по другую сторону дерево зеленое — пальма (Знам. 1729—1730)</p>	<p>щит с двойным на оном крестом» (Винклер, с. 121)</p> <p>Утв. 22 мая 1803 г. описанный во второй графе вариант с некоторыми добавлениями (Винклер, с. 122)</p> <p>Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 187)</p>	Не отмечен как старый герб
58. Псков	<p>а) Бегущий хищный зверь, влево; надпись: «Печать псковская» — печать Ивана IV;</p> <p>б) то же, но вправо; надпись: «Печать псковская» — покровец (после 1626 г.);</p> <p>в) «Печать псковская, на ней рысь бежащая» — знамя 1666—1678 гг.;</p> <p>г) то же, что и на покровце; надпись: «Печать псковская» — тарелка 1675 г.;</p> <p>д) идущий вправо полосатый</p>	<p>Утв. 28 мая 1781 г.: «В голубом поле барс, и над ним из облака выходящая рука» (Винклер, с. 124)</p> <p>Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 188)</p>	Известны печати XVI в. (Лакер, с. 157—158; табл. XIV, 2; Лихачев Н. П. Печати Пскова, с. 229—231)

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
59. Путивль	<p>хищный зверь с высунутым языком, над ним из облака благословляющая рука; надпись: «Гдрь псковский» — Титулярник 1672 г.; е) то же, но рука справа; надпись: «Plesko» — рисунок Корба 1698—1699 гг.</p> <p>Верхняя половина поля белая, нижняя желтая, в середине красная полоса, кругом по краям красное с черным, на полосе два челнока золотые с красными цевками (Знам. 1729—1730)</p>	<p>Утв. 6 октября 1854 г.: «Щит разделен на две равные части: в верхней изображен курский герб, а в нижней золотой червленого цвега горизонтальная полоса, на коей две золотые цевки» (Винклер, с. 125, по утв. 6 октября) **</p>	
60. Ростов	<p>а) Птица (орел?), вправо; надпись: «Печать ростовская» — печать Ивана IV;</p> <p>б) идущий олень, вправо; надпись: «Печать ростовская» — покровец (после 1626 г.);</p> <p>в) «Печать ростовская елень» — знамя 1666—1678 гг.;</p> <p>г) идущий олень, вправо — тарелка 1675 г.;</p> <p>д) стоящий олень, влево, с лошадиной гривой; надпись: «Ростов-</p>	<p>Утв. 20 июня 1778 г.: «В червленом поле олень серебряный, рога, грива и копыта золотыя» (Винклер, с. 129, по утв. 20 июня) **</p>	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
61. Рыльск	ский» — Титулярник 1672 г.; е) то же; надпись: «Rostofsky» — рисунок Корба 1698—1699 гг. На желтом поле черная кабанья голова (Знам. 1729—1730)	Утв. 21 июля 1893 г. описан- ный во второй графе вариант с некоторыми добавлениями	Не отмечен как старый герб
62. Рязань	а) Идущий конь, вправо; надпись: «Печать рязанская» — печать Ивана IV; б) стоящий человек в плаще и плоской шапке с поднятой саблей в правой руке и ножнами в левой; надпись: «Печать реская» — пок- ровец (после 1626 г.); в) то же — знамя 1666—1678 гг.; г) то же — тарелка 1675 г.; д) то же, надпись: «Резанский» — Титулярник 1672 г.; е) то же; надпись: «Resansky» — рисунок Корба 1698—1699 гг.	Утв. 29 мая 1779 г.: «В золо- том поле стоящий князь, дер- жащий в правой руке меч, а в левой ножны; на нем епанча червленая, а платье и шапка зеленая, обложенная соболя- ми» (Винклер, с. 131, по утв. 29 мая) ** Утв. 8 декабря 1856 г. герб гу- бернии (Винклер, с. 188)	
63. Самара (Куйбышев)	Дикая коза, белая, стоящая на траве, поле голубое (Знам. 1729— 1730)	Утв. 22 декабря 1780 г. описан- ный во второй графе вариант Утв. 17 июля 1851 г. (Винклер, с. 131) Утв. 5 июля 1878 г. герб губер- нии (Винклер, с. 188)	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
64. Санкт-Петербург (Ленинград)	а) Золотое пылающее сердце под золотою короною и серебряной княжеской мантией (Знам. 1712); б) скипетр желтый, над ним герб государственный, около его два якоря серебряные, поле красное, сверху корона имперская (Знам. 1729—1730, указано, что сочинил Санти)	Утв. 7 мая 1780 г. вариант «б» Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (<i>Винклер</i> , с. 189)	
65. Саранск	В серебряном поле красная листва и три стрелы (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2. кн. 39)	Утв. 28 мая 1781 г. описанный во второй графе вариант	
66. Саратов	В голубом поле три стерляди. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2. кн. 39)	Утв. 23 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (<i>Винклер</i> , с. 189)	
67. Свияжск	Деревянный город на судах, подле него река Волга с плавающими рыбами, поле голубое (Знам. 1729—1730)	Утв. 18 октября 1781 г. описанный во второй графе вариант	
68. Севск	Сноп золотой ржаной на зеленой земле, поле синее (Знам. 1729—1730)	Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
69. Серпухов	В красном поле стоящий с распущенными перьями павлин. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)	Утв. 20 декабря 1781 г. описанный во второй графе вариант ** Утв. 16 марта 1883 г. (в вольной части — губернский герб) (Винклер, с. 137)	
70. Симбирск (Ульяновск)	На белой колонне золотая корона, поле голубое (Знам. 1712)	Утв. 22 декабря 1780 г. описанный во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 189)	Имелась печать города Симбирска 1695 г.: лев в короне вправо от зрителя, с мечом в поднятой лапе (Сб. снимков, табл. XIX, 311)
71. Смоленск	а) Трон, внизу скамеечка для ног; на сиденье царская шапка, надпись: «Печать великаго княжества Смоленскаго» — печать Ивана IV; б) в описании знамени 1666—1678 гг. отмечен герб Смоленский; в) на стволе пушки птица без ног, вправо; надпись: «Печать смоленская» — тарелка 1675 г.; г) пушка на лафете, вправо, на стволе фантастическое изображение райской птицы в виде дикобраза с птичьей головой;	Утв. 10 октября 1780 г.: «В серебряном поле черная пушка на золотом лафете, а на пушке райская птица» (Винклер, с. 139) Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 189)	В Речи Посполитой имелся герб: на красной хоругви золотой посох (Лакиер, с. 285); известна печать княжества Смоленскаго 1664 г. (Снимки, 66)

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
72. Ставрополь (Тольятти)	<p>надпись: «Смоленскій» — Титулярник 1672 г.; д) то же; надпись: «Smolensco» — рисунок Корба 1698—1699 гг.</p> <p>«В золотом поле красной лапчатой крест в вершине щита и город такого ж цвету, на зеленой подошве щита стоящей, точно согласуются с именем города Ставрополя. Положенные ж над городом наподобие андреева креста два черных копыа показывают, что помянутой город населен повокрещеными калмыками». (Составлен в Герольдмейстерской конторе в 1745 г.— ЦГАДА, Государхив, разряд XVI, оп. 1, д. 959)</p>	<p>Утв. 22 декабря 1780 г.: «В верхней части щита герб Симбирский. В нижней в золотом поле трехугольная крепость, в середине которой водружен черный крест...» (Винклер, с. 141)</p>	
73. Старица	<p>Идущая с костылем старица, в серебряном поле. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)</p>	<p>Утв. 10 октября 1780 г. описанный во второй графе вариант</p>	
74. Стародуб	<p>Старый дуб, стоящий на зеленой земле, поле белое (Знам. 1729—1730)</p>	<p>Утв. 4 июня 1782 г. описанный во второй графе вариант</p>	<p>Имелась магистратская печать города Стародуба 1698 г.: рука, держащая дуб (Винклер, с. V)</p>

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
75. Суздаль	Птица сокол в княжеской шапке, поле пополам: наверху синее, а внизу красное (Знам. 1729–1730)	Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант	
76. Сумы	«В серебряном поле три черныя сумы с их перевязями и золоты ми пуговицами...» (Гербовник М. М. Щербатова 1776 г.)	Утв. 21 сентября 1781 г. описанный во второй графе вариант	Герб города Сумы – две перекрещенные сабли ¹ – составил Бекенштейн (ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)
77. Сургут	«На сургуцкой две лисицы, между ними соболю, а около вырезано „Печать государева земли Сибирские Сургуцкого города“» – описание печати по росписи 1635 г	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в золотом поле черно-бурая лисица...» (Винклер, с. 146)	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г. Не отмечен как старый герб
78. Тамбов	В голубом поле улей и над ним три золотые пчелы, земля зеленая (Знам. 1729–1730)	Утв. 16 августа 1781 г. описанный во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 191)	
79. Тара	«На тарской лисица, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Тарского города“» – описание печати по росписи 1635 г	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в зеленом поле серебряный горностаи» (Винклер, с. 149)	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г. Не отмечен как старый герб
80. Тверь (Калинин)	а) Идущий медведь, влево; надпись: «Печать великаго княжества Тверского» – печать Ивана IV;	Утв. 10 октября 1780 г. «В красном поле, на зеленой подушке, золотая корона»	

Наименование города имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
81. Тобольск	<p>б) стул без спинки, на нем корона; надпись: «Печать тверская» — покровец (после 1626 г.);</p> <p>в) то же — знамя 1666—1678 гг.;</p> <p>г) то же; надпись: «Печать тверская» — тарелка 1675 г.;</p> <p>д) стул без спинки, на нем два хлеба, сверху корона с крестом; надпись: «Тверьскій» — Титулярник 1672 г.;</p> <p>е) то же, надпись: «Tweria» — рисунок Корба 1698—1699 гг.</p> <p>а) «На тобольской два соболя а меж ими стрела. А около печати вырезано: „Печать царства Сибирского города Тобольска“» — описание печати по росписи 1635 г.;</p> <p>б) оружейная пирамида со знаменами и барабаном (Знам. 1712)</p>	<p>(Винклер, с. 150)</p> <p>Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 191)</p> <p>Утв. 17 марта 1785 г.: «В щитом поле золотая пирамида с воинскою арматурою, с знаменами, барабанами и алебардами» (Винклер, с. 153)</p> <p>Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 191)</p>	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г.
82 Томск	<p>а) «На томской коруна, а около вырезано: „Печать государева Томского города“» — описание печати по росписи 1635 г.;</p> <p>б) желтое поле, человек в серой одежде, работающий в рудопромысле (Знам. 1729—1730)</p>	<p>Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в зеленом поле серебряная лошадь...» (Винклер, с. 153)</p> <p>Утв. 20 марта 1804 г.: «В щите, имеющем зеленое поле,</p>	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г. Не отмечен как старый герб

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы когда и кем сочинена, (с какого времени известна)	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
83. Торжок	В голубом поле три серебряных и три золотых голубя, имеющих красные ошейники. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)	изображена белая лошадь, бегущая в правую сторону» (Винклер, с. 153, по утв. 20 марта) ** Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 192) Утв. 10 октября 1780 г. описанный во второй графе вариант	
84. Торопец	В зеленом поле деревянная башня, а на ней положен золотой лук. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)	Утв. 28 мая 1781 г. описанный во второй графе вариант	Известна печать города Торопца 1755 г. с надписью: «Печать Торопецкой канцелярии Воеводьскаго правления». без изображения (Сб. снимков, табл. XX, 10)
85. Троицк	Золотой крест под короной (Знам 1712)	Утв. 28 мая 1781 г. описанный во второй графе вариант, но добавлено: «в красном поле» (Винклер, с. 154)	
86. Тула	«В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных шпажных клинках, лежащих наподобие андреевского креста,	Утв. 8 марта 1778 г. описанный во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 192)	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
87. Туринск	концами вниз, серебряный ружейный ствол, вверху же и внизу по одному молоту золотому». (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кв. 39) «На туринской розсомаха, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Туринского острогу“» — описание печати по росписи 1635 г.	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней части в серебряном поле часть дремучаго леса, из которого выходит медведь...» (Винклер, с. 156)	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г. Не отмечен как старый герб
88. Тюмень	«На тюменской лисица да бобр, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Тюменского города“» — описание печати по росписи 1635 г.	Утв. 17 марта 1785 г.: «В верхней части щита герб Тобольский. В нижней в синем поле серебряная река с плывущим по ней с золотою мачтою дешищаником...» (Винклер, с. 157)	В последующих росписях на печати то же изображение, что и в росписи 1635 г. Не отмечен как старый герб
89. Углич	Царевич князь Дмитрий в одеянии царском, шапка княжеская с крестом, в правой руке нож, под пазухой левой руки ягненок, поле красное, одеяние и шапка золотые (Знам. 1729—1730)	Утв. 20 июня 1778 г. описанный во второй графе вариант **	Не отмечен как старый герб
90. Уфа	а) Бегущая куница (ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, д. 359);	Утв. 8 июня 1782 г. вариант «а». добавлено: «в серебряном	Изображение бегущей куницы встречается на печа-

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
91. Харьков	б) бегущая лошадь белая, поле красное (Знам. 1729–1730) «В зеленом поле накрест положенные рог изобилия с находящимися плодами и цветами в нем, справа налево, и кадуцей. коего жезл золотой, змий же и крылья серебряные, слева направо...» (Гербовник М. М. Щербатова 1776 г.)	поле» (Винклер, с. 159, но утв. 8 июня) ** Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (Винклер, с. 192) Утв. 21 сентября 1781 г. опisanый во второй графе вариант Утв. 5 июля 1878 г. герб губернии (ПСЗ – II, т. LIII, № 58684) Утв. 25 ноября 1887 г. герб губернии (Винклер, с. 192)	тых Уфы с XVII в. (Демидова Н. Ф. Старинный герб города Уфы) Герб города Харькова – в белом поле две руки, одна с черной саблей – составил Бекештейн (ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)
92. Царицын (Волгоград)	Два белых осетра, поле красное (Знам. 1729–1730)	Утв. 29 октября 1857 г. опisanый во второй графе вариант, но стерляди, а не осетры; в щите совместно с губерньским гербом (Винклер, с. 164)	Не отмечен как старый герб
93. Чернигов	а) Меч? сабля? рукояткой книзу; надпись: «Печать черниговская» – печать Ивана IV; б) одноглавый орел в короне с распростертыми крыльями, левой лапой держит длинный крест; надпись: «Черниговский» – Титулярник 1672 г.; в) то же; надпись: «Czerni-	Утв. 4 июня 1782 г.: «Одноглавый черный, увенчанный золотою короною орел, держащий в левом когте позлащенный крест, в серебряном поле» (Винклер, с. 166) Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 193)	В Речи Посполитой имелся герб: двуглавый орел с распростертыми крыльями под короной (Лакиер, с. 287) печать ратуши 1698 г. – воин со знаменем (Семилки, 70)

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
94. Чернь	chow» – рисунок Корба 1698–1699 гг. В серебряном поле изображение реки, а по обеим ее сторонам по зеленому снопу травы. (Имеется в списке гербов, сочиненных Сан-тл.— ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39)	Утв. 8 марта 1778 г. описанный во второй графе вариант	
95. Чугуев	На золотом поле две серебряные, крестообразно положенные сабли, под ними на красной полосе три серебряных полумесяца, а еще ниже, на серебряном поле, три виноградные кисти. (Составлен в Герольдмейстерской конторе(?) в 1752 г.— Висковатов, ч. III, с. 85, рис. 340 и 387)	Утв. 21 сентября 1781 г. описанный во второй графе вариант	
96. Шадринск	Зверек, проткнувший стрелой. Надпись: «Печать гдрва Архангльско-го Шадринского города»; рисунок печати помещен в «Служебной чертежной книге» (1699–1734) С. У. Ремезова (ГПБ, Эрм. 237)	Утв. 17 июля 1783 г.: «В верхней части щита герб Пермский. В нижней в серебряном поле куница» (Винклер, с. 168)	
97. Шлиссельбург (Петрокрепость)	а) Золотая колонна, украшенная якорями (Знам. 1712); б) ключ золотой под короною императорскою золотою... внизу	Утв. 7 мая 1780 г. вариант «б»	

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
98. Юрзевец	<p>крепость белая, поле синее (Знам. 1729–1730, указано, что сочинил Санти)</p> <p>В голубом щите с золотой оконечностью серебряная башня с открытыми вратами. (Имеется в списке гербов, сочиненных Санти. – ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39, но указан город Юрзев Польский; в другом списке – ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 3 – указан город Юрзевец Повольский)</p>	<p>Утв. 29 мая 1779 г. описанный во второй графе вариант **</p>	
99. Якутск	<p>а) «На якуцкой бабр в роте несет соболя, высподе горы и трава, а около вырезано: „Печать государева земли Сибирские Якуцко-го острогу“» – описание печати по росписи 1635 г.;</p> <p>б) орел поймал соболя – роспись 1692 г.;</p> <p>в) красное поле, серебряный престол, на нем золотое Евангелие (Знам. 1729–1730)</p>	<p>Утв. 26 октября 1790 г.: «В серебряном поле орел, держащий в когтях соболя» (Винклер, с. 172)</p>	<p>Известна печать якутского острога 1682 г.: орел вцепился когтями в зверька (Снимки. 73; Сб. снимков, табл. XVII, 261)</p>

Наименование города, имеющего старый герб	Описание эмблемы, когда и кем сочинена, с какого времени известна	Утвержденный герб города (губернии)	Примечание
100. Ямбург (Кингисепп Ленинградской обл.)	Орел, взирающий на сияющее солнце (Знам. 1712)	Утв. 7 мая 1780 г. описанный во второй графе вариант, но добавлено: «в зеленом поле, сидящий на камне черный орел» (Винклер, с. 173)	
101. Ярославль	а) Рыба, головой влево; надпись: «Печать ярославская» — печать Ивана IV; б) стоящий медведь, влево, левой лапой держит длинную палку(?) — тарелка 1675 г.; в) идущий медведь, вправо, голова в фас, правой передней лапой держит протазан (алебарду); надпись: «Ярославский» — Титулярник 1672 г.; г) то же: надпись: «Yaroslafsky» — рисунок Корба 1698—1699 гг.	Утв. 20 июня 1778 г.: «В серебряном щите медведь, стоячи, держит в левой лапе золотую секиру на такой же рукоятке» (Винклер, с. 174, но утв. 20 июня) ** Утв. 8 декабря 1856 г. герб губернии (Винклер, с. 194)	1692 г. — указ об изготовлении печати по гербу (ПСЗ — I, т. III, № 1444)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На страницах этой книги изложена история российских городских гербов. Автор стремился показать, что эмблемы, символы, гербы — не просто результат художественного творчества, а прежде всего исторические памятники. Их возникновение, жизнь, та или иная форма исторически обусловлены, их эволюция находится в тесной связи с общеисторическим процессом. В то же время существуют и своеобразные внутренние закономерности их развития, не позволяющие, например, считать гербами любые эмблемы и отличительные знаки, которые возникали с глубокой древности в различных культурно-исторических регионах. И дело не только в терминологии: называть или не называть, скажем, боспорские царские знаки, знаки Рюриковичей, башкирские тамги и т. д. гербами. Дело в том, что все они обладают символикой, особой для своего места и времени, различные предметно-практические отношения лежат в их основе, различная сфера, реальность определяют их специфическую знаково-символическую деятельность. Здесь речь идет о такой знаково-символической системе, как гербы. Гербы как знаково-символическая система возникли в средневековье. Они представляют собой явление коммуникации, начало которого лежит в рыцарских обычаях (специфика одежды и вооружения, рыцарские турниры и пр.), в практических и эстетических потребностях различать (отличать) как отдельного рыцаря, так и в целом рыцарство и остальное население. Подобные мотивы предопределили характер формальных средств, послуживших для графического воспроизведения герба. Последние были оформлены, так сказать, с использованием правил геральдического искусства. Данные правила вытекали из эстетических и практических потребностей; будучи проверены опытом, они составили определенный канон. Прежде всего это были боевые знаки отличия (отсюда в гербе — традиционные компоненты, входившие в рыцарский «убор»: щит, шлем, намет — стилизованный плащ в виде опускающегося со шлема украшения (у дворянских гербов)).

Такие знаки отличия, которые должны были четко видаться, опять-таки в связи с особым военным снаряжением, с дальнего расстояния. Поэтому они имели специфические признаки: особые цвета, контрастно выделенное поле щита и расположенную на нем эмблему, простейший вариант этой эмблемы, однако соответствующий эстетическим представлениям своего времени (стилизация), правила пропорций и перспективы и т. д. Лишь верное применение вышеназванных формальных элементов определяет бытие герба как особого, специфического знака. Первоначально герб был использован как боевой опознавательный знак, лишь позднее он приобретает черты словной принадлежности, выражающиеся, если брать изобразительную сторону герба, в соответствующем расположении компонентов последнего. На данном этапе структура герба усложняется, но тем не менее четко отражает иерархию, существующую в обществе, которое породило этот знак.

О функциях герба речь шла в главе I. Вот его определение: опознавательно-правовой знак, конвенциональный (условный), по составленный по особым правилам, фиксированный верховной властью. Думается, что определение герба распространяется в полной мере и на городской герб. По отношению к городскому гербу, основная функция которого была идентична функции всякого герба как знака, можно отметить, что он — показатель определенного развития городской организации, символ городского суверенитета, знаменующий предоставленные городу определенных прав.

Функциональная однозначность городского герба как символа муниципальной автономии ставит, на наш взгляд, под сомнение правильность высказываний о дифференциации сущности герба в зависимости от его территориальной принадлежности.

Из рассмотрения исторического материала, касающегося России, напрашивается заключение: вряд ли следует искать городские гербы в «древней русской жизни», как это иногда пытались и пытаются делать некоторые авторы. В то же время было бы явной недооценкой относиться к российским городским гербам только как к заимствованию западноевропейских обычаев. При всех мучительных родовых трудностях российское герботворчество не было простым копированием западноевропейского, а носило самостоятельный характер.

В чем суть процесса становления городских гербов в

Российской империи? Становление института городского герба в России — внутриполитическое мероприятие, проводимое царским правительством в XVIII—XIX вв., связанное с явлениями идеологического порядка, с регламентацией различных сторон внутригосударственной действительности, в частности с урегулированием правового положения русского города, с принципами завуалированного подлинного смысла ряда реформ и т. д. Однако это как бы двуслойный процесс, ибо нельзя не отметить реакцию русского общества на утверждение символа города, каким в глазах отдельных его представителей являлся городской герб. Именно подобной положительной реакцией на создание городского знака, за которой стояло представление о самостоятельности города как административной самоуправляющейся единицы, следует объяснить тот интерес, который наблюдается по отношению к городскому символу в XVIII в. Однако в течение XIX в. это акцентирование внимания общественного мнения на гербе города постепенно тускнеет, налицо отсутствие восприятия городского герба как символа города, что является прежде всего отражением отношения к несостоявшемуся городскому самоуправлению, провозглашенному Городовым положением 1785 г., на практике. Нельзя также не учитывать того скептического отношения к различного рода знакам, титулам, гербам, званиям, которое возникло в общественной среде после Французской буржуазной революции. Применение и использование территориальных гербов в Российской империи XIX в. показывает, что они вошли в систему самых различных знаков, функционирующих в государстве, превратились в один из многочисленных элементов, из которых складывался весь комплекс разработанных правительством мер по укреплению его идейных позиций.

Мы должны разумно относиться к разнообразным символическим возможностям российской городской геральдики, где «среди чуждых нам идей самодержавия содержатся идеи личности города (местности), особой ценности и, может быть, красоты этих сторон жизни России. Последнее невольно пробуждает и патристические чувства — красноречивые, следопытские, земляческие...». Этими замечательными словами известного советского ученого, доктора искусствоведения, лауреата Государственной премии СССР Георгия Карловича Вагнера мы и заканчиваем книгу о старинных гербах российских городов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси.— В кн.: Этюды по истории русского искусства. М., 1967.
- Арсеньев Ю. В.* Геральдика. М., 1908.
- Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы.— Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 93. История, кн. 1.
- Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.
- Бакмейстер Л. И.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771—1774. Т. 1, ч. I—IV.
- Белавенец П. И.* Изменение российского государственного герба в императорский период.— Вестн. имп. Об-ва ревнителей истории, Пг., 1915, вып. II.
- Белавенец П. И.* Краткая записка о старых русских знаменах. СПб., 1911.
- Вагнер Г. К.* К вопросу о владими́ро-суздальской эмблематике.— В кн.: Историко-археологический сборник: К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962.
- Винклер П. П. фон.* Гербы городов, губерний, областей и посадов, внесенные в «Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг.». СПб., 1900.
- Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб. 1899. Ч. II—VI.
- Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.— В кн.: Краеведческие записки. Ярославль, 1960, вып. 4.
- Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.: Л., 1945.
- Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908.
- Демидова Н. Ф.* Русские городские печати XVIII в.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966.
- Демидова Н. Ф.* Старинный герб города Уфы.— В кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.
- Дитятин И. И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895.
- Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. I; Ярославль, 1877. Т. II.
- Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России: Сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 год. Оренбург, 1900. Т. I.
- Дущин-Борковский К. И.* Герб.— В кн.: Энциклопедия государства и права. М., 1925. Т. I.
- Дурново П. Н.* К истории сказаний о животных в старинной русской литературе.— В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1898. Г. 1.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. М., 1895.

- Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1409 — 1711). М., 1900.
- Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. Л. 1940. Вып. I.
- История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т. I IV.
- Казанская история. М.; Л., 1954.
- Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М., 1974.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1819. Т. VI.
- Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. М., 1909.
- Клейнберг И. Э. «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969, вып. II.
- Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII в. М., 1967.
- Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.; Л., 1963.
- Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию, 1698 и 1699 гг. СПб., 1906.
- Котошилин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906.
- Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.
- Лихачев Д. С. Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси и пути его преодоления.— В кн.: Академику В. В. Випоградову к его 60-летию. М., 1956.
- Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2.
- Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911.
- Лихачев Н. П. Печати Пскова.— Сов. археология, 1960, № 3.
- Лихачева О. П. Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе.— В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.
- Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Лукомский В. К. О геральдическом искусстве в России. СПб., 1911.
- Лукомский В. К., Типольт Н. А. Русская геральдика. Пг., 1915.
- Майкова Т. С. Петр I и «История Свейской войны».— В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
- Максимович-Амбодик И. М. Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и аглицкий языки преложенные, пржде в Амстердаме, а ныне во граде св. Петра напечатанные и исправленные Пестором Максимовичем-Амбодиком. СПб., 1788.
- Мамаев К. К. Символика знамен петровского времени.— Тр. Государственного Эрмитажа. Л., 1972, вып. XI.
- Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. I; 1886. Т. II—III; 1887. Т. IV; 1889. Т. V; 1895. Т. VII—VIII.
- Пекрасов А. И. О гербе суздальских князей.— В кн.: Сб. Отдела русского языка и словесности АН СССР. Л., 1928, т. I, вып. 3.
- Новлянская М. Г., И. К. Кирилов — географ XVIII в. М.; Л., 1964.

- Ожунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1956.
- Орешиников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
- Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.
- Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I—II.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I; 1889. Т. II; 1907. Т. V.
- Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.
- Полное собрание законов Российской империи: Собрания I—III. Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 13.
- Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.
- Порфиридов Н. Г. Новгородская «вечевая» печать. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969, вып. II.
- Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство. М., 1974.
- Ровинский Д. А. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903.
- Рудаков В. Е. Архив Департамента герольдии Правительствующего Сената: Историко-статистические сведения. Владимир, 1908.
- Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. — Сов. археология, 1940, кн. VI.
- Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896.
- Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959.
- Сахаров И. П. Записки о русских гербах. СПб., 1856. I. Московский герб.
- Сборник Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. II; 1889. Т. 69; 1891. Т. 79; 1898. Т. 101; 1909. Т. 130; 1910. Т. 120, 1911. Т. 134.
- Сборник снимков древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции/Сост. П. Ивановым. М., 1858.
- Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951.
- Символы и эмблематика указом и благоповедении его священной-шего величества, высокодержавнейшего и пресветлейшего императора Московского великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России и иных многих держав, и государств, и земель восточных, западных и северных самодержца и высочайшего монарха напечатаны. [СПб., 1719].
- Снимки древних русских печатей государственных царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882. Вып. I.
- Соболева Н. А. О датировке большой государственной печати Ивана IV. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982.
- Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981.
- Соболева Н. А. Символы русской государственности. — Вopr. истории, 1979, № 6.
- Спаский И. Г. Медали и монеты петровского времени. Л., 1974.
- Спаский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. — В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1970, VIII.
- Спаский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970.

- Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. I; 1963. Т. VII.
- Тихомиров И. А.* О некоторых ярославских гербах.— Тр. третьего историко-археологического съезда. Владимир, 1909.
- Тройницкий С. Н.* О гербе смоленском.— В кн.: Известия Российской Академии истории материальной культуры. Пр., 1921, т. I.
- Филиппов А. Н.* Первые шаги в России в XVIII в. «геральдическая наука» и граф Ф. Санти.— В кн.: Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1916. Т. XXV.
- Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Л., 1925.
- Яковлев Л.* Русские старинные знамена. М., 1865.
- Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I—II.
- Alef G.* The adoption of the Muscovite two-headed eagle: A discordant view.— In: Speculum, 1966, vol. 41, n. 1.
- Plaváček I.* K počátkům městských erbů ve Střední Evropě.— In: Problemy nauk pomocniczych historii. Katowice, 1973, II.
- Nový R.* Počátky znaků českých měst.— In: Sborník archivních prací, Praha, 1976, n. 2.
- Stokl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972.

а

б

Государственная печать Ивана IV:

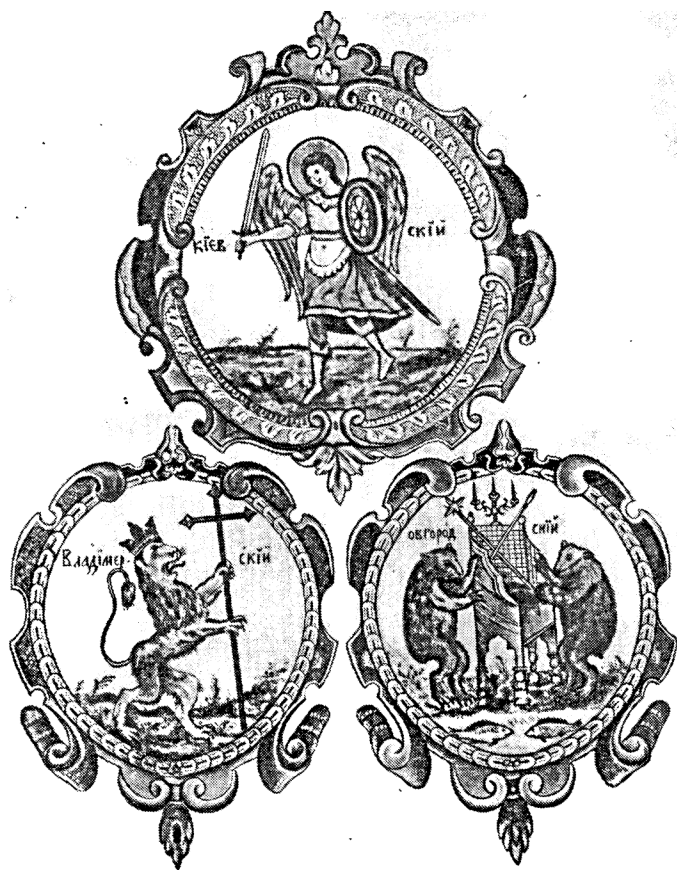
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона

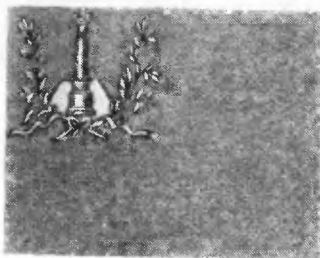
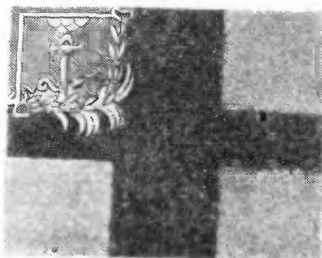
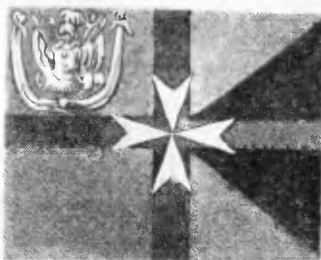
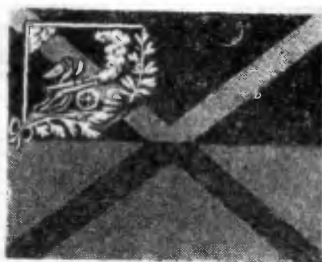
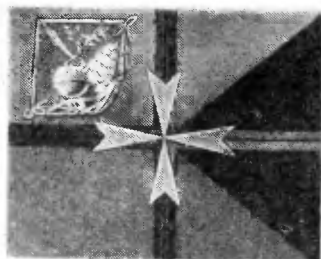
Саадачный покровец XVII в. с вышитыми на нем геральдическими эмблемами

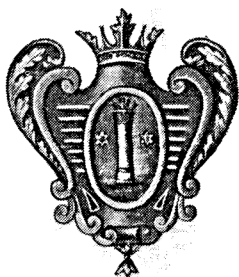
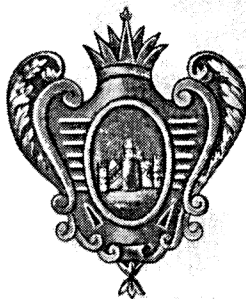
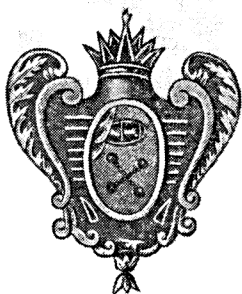
Рисунки земельных эмблем из Титулярника 1672 г.

Рисунки земельных эмблем из Титулярника 1672 г.

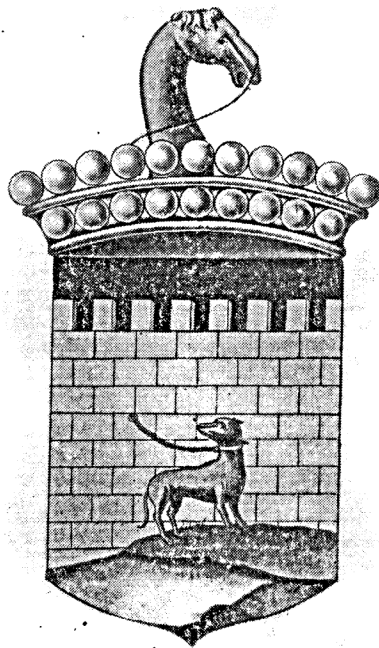
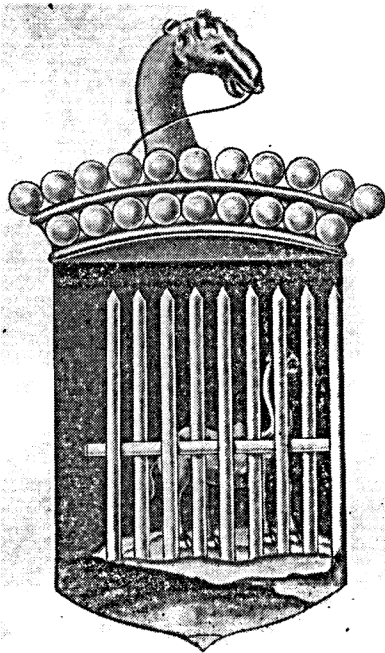
Рисунки гербов, помещенных на знаменах Вологодского, Воронежского (верхний ряд), Санкт-Петербургского, Галицкого (средний ряд), Луцкого, Симбирского (нижний ряд) армейских полков в начале XVIII в.

Рисунки гербов для знамен
Устюжского, Олонецкого (верх-
ний ряд), Орловского, Коло-
менского (средний ряд), Там-
бовского (внизу) армейских
полков из гербовника 1729 г.

Знаки должностных лиц второй половины XIX в. (волостного старшины, волостного судьи, сельского старосты, городского головы, базарного смотрителя)

Проекты гербов для Исетской
провинции, составленные
В. И. Татищевым

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Предисловие от редактора	3
	От автора	5
Глава I.	Что такое городской герб?	8
Глава II.	Российские «предгербы»	16
Глава III.	«Дело нового основания» и Франциск Санти	44
Глава IV.	Городское «геральдическое искусство» середины XVIII в.	62
Глава V.	Символ «единого градского общества»	88
Глава VI.	Городской герб и должностной знак	107
Глава VII.	Гербы старинные, гербы старые	125
	Заключение	169
	Литература	172

Надежда Александровна Соболева

СТАРИННЫЕ ГЕРБЫ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства С. А. Левина. Художник М. С. Баландип.
График Т. М. Баландина. Художественный редактор Н. А. Фильча-
гина. Старший художественный редактор В. С. Егорова. Технический
редактор Т. А. Калинина. Корректор Г. Г. Петропавловская.

ИБ № 32215

Сдано в набор 05.06.85. Подписано к печати 18.09.85. Т-16743. Формат
84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная
Печать высокая. Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр. отт. 10,08. Уч.-изд. л. 11,3
Тираж 100000 экз. Тип. зак. 1473. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99,
Шубинский пер., 6

Рецензент
Н. А. ШОРИН

С 54 Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов.— М.: Наука, 1985.— 176 с., ил.— (Серия «Страницы истории нашей Родины»).

Книга знакомит широкого читателя с интересными памятниками прошлого — российскими городскими гербами. В ней рассказывается об исторических условиях, времени и причинах появления в России городских гербов, о применении их в общественной жизни.

Читатель получит представление о том, как складывались эмблемы, составляющие гербы, кто, где и когда их сочинял и рисовал. Вопрос о возникновении и функционировании городских гербов увязывается с общей проблематикой русского города, в частности с политикой самодержавия в отношении городов. Затронуты вопросы идеологии, духовной жизни и культуры русского общества. Приводятся многочисленные факты об учреждениях, принимавших участие в разработке городских гербов, об отдельных лицах — известных историках и государственных деятелях, создававших проекты территориальных гербов, а также о непосредственных исполнителях, безвестных ранее талантливых художниках — самоучках и профессионалах.

С 0503000000-346 ББК 63.2
054(02)-85 Без объявл. © Издательство «Наука», 1985 г.

На обложке — ростовский, ярославский, белозерский гербы.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»